ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

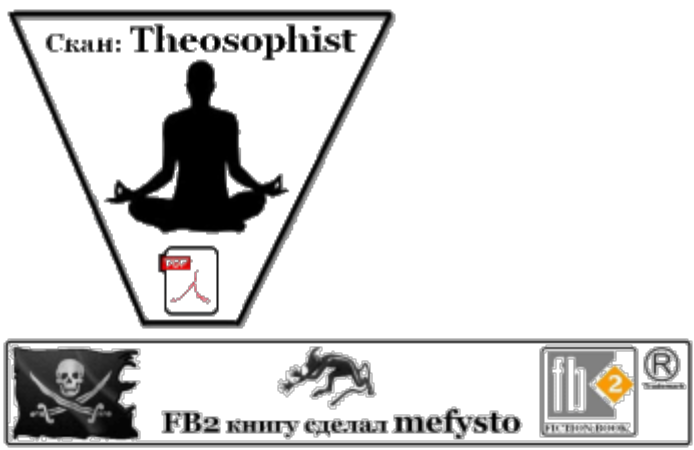
ЕЛЕНА БЛАВАТСКАЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

Е. П. Блаватская является одной из самых загадочных женщин XIX века. Подобно Эмануэлю Сведенборгу, она общалась с духами, провидела прошлое и будущее. «Махатмы» поведали ей тайну человечества, его земной и звездной судьбы. Идеи теософии, создателем которой стала Е. П. Блаватская, сверхчеловека, принципы лож теософского масонства использовали секретные службы гитлеровской Германии. Основываясь на многотысячелетней, доисторической мудрости, она предрекла начало новой фазы развития в последней четверти XX века, восстановление на земле золотого века.



- Александр Сенкевич
  - СЕМЬЯ
  - ГОДЫ СТРАНСТВИЙ
  - ПЕРВЫЕ ШАГИ К ОККУЛЬТНОЙ ВЛАСТИ
  - «ТАЙНАЯ ДОКТРИНА»
  - От автора
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Александр Сенкевич

ЕЛЕНА БЛАВАТСКАЯ

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

АЛЕКСАНДР СЕНКЕВИЧ

ЕЛЕНА БЛАВАТСКАЯ

Москва
1999

Дорогому А. Б. В., который верит в то, во что верить просто невозможно

По лунному лучу, как по канату,
ходила ты туда-сюда. Но вниз
смотреть боялась. Над тобой навис
безмерный Космос, как бумага, мятый.
Исподтишка, из-за земных кулис
я наблюдал за мрачною громадой.
В сравненье с ней ты представлялась из
папье-маше — ожившая монада…
Когда-нибудь и ты получишь приз
от Всеблагого — ощущенье ада!

А. Сенкевич

СЕМЬЯ

Смерть матери

Елена Петровна Блаватская принадлежала к аристократической семье. Физическая наследственность Блаватской, как писала Е. Ф. Писарева, интересна в том отношении, что среди ее ближайших предков были представители исторических родов Франции, Германии и России. Например, ее прабабушка, урожденная Бандре-Дюплесси, внучка эмигранта-гугенота, вышла в 1787 году замуж за князя Павла Васильевича, также носящего громкую русскую фамилию Долгоруков. Вскоре она произвела на свет с интервалом в год двух дочек и, оставив малышек на попечении мужа, исчезла из семьи на целых двадцать лет!

— Лоло! Барышня! Срам-то какой! — кричит мисс Августа София Джеффрис, старая дева из Йоркшира. Кричит она, разумеется, по-английски, переиначив «Лелю» на английский лад в «Лоло». Англизированное имя бьет по мочкам ушей, назойливо впихивается в ушную раковину твердыми иноземными «эль» — такое в нем недружелюбие и агрессивность.

Никакая она вовсе не Лоло, а Елена Прекрасная, ее заворожил игрою на лире Парис и украл у дурака мужа. Из-за нее началась война, она теперь во вражеском стане, который ей милей родного дома. И опять громыхает в ушах это ненавистное «Лоло». Уши напрягаются, и она чувствует, холодея от страха, как они встают торчком, словно у зайца, загнанного под куст. Уж лучше называла бы ее веселым, бесшабашным «оляля» эта противная, разноглазая гувернантка. Один глаз у нее белесый, будто ошпаренный кипятком, а другой — черный, разбойничий, и глядит он куда-то вкось и чуть-чуть вниз, еще немного — и упрется в основание мощного носа. И явится тогда на свет неведомое существо: носоглаз. Новое для них, обыкновенных людей. А так-то оно издавна известно среди болотной нежити. Наконец-то нашло пристанище на лице мисс Джеффрис.

Вот сейчас появится Антония Пернье, другая гувернантка, к тому же еще и мамина подруга. Она заверещит то же самое по-французски.

Весь сыр-бор загорелся из-за ее желания чуть-чуть прокатиться верхом на лошади. Офицер из полка отца галантно предложил ей, как взрослой, сесть в седло. Она сдержанно его поблагодарила и уже было собиралась прибегнуть к его помощи,

как вдруг развопилась эта мерзкая англичанка.

Как ей хочется вскочить одним махом на лошадь с тонкой мордой, припасть губами к чалой гриве, пришпорить ладные лоснящиеся бока, с ходу пустить ее вскачь, галопом — аллюром два креста! Она уже представила себе, как она, великолепная амазонка, с развевающимися светло-золотистыми волосами за спиной, несется мимо отца, мамы и солдат на плацу. По бокам ее сопровождают два молодых офицера, писаных красавца, в ярко-желтых крагах и со страусовыми перьями на киверах. Они скачут с ней почти вровень, лишь чуть-чуть, на полметра, поотстав, — надо же им как-то выразить свое восхищение ее юной прелестью и рыцарскую преданность.

Леля запомнила этих блестящих молодых людей на последнем балу, где она, десятилетняя, самозабвенно танцевала с князем Сергеем, как взрослая барышня. Она, несмотря на свое малолетство, танцевала весело и страстно. Всех, кажется, поразила, все сочли ее умной и забавной. Она танцевала, как танцуют шестнадцатилетние девушки, — до изнеможения, до упаду, до экстаза. И дух Божий, дух мудрости и красоты, нисходил на нее. Никакая она не маленькая, уже давно не держится за подол маминой юбки.

— Лоло! Что за блажь! Выбрось эту мысль из головы! — На этот раз раздается голос мамы, обычно меланхоличной Елены Андреевны. Сговорились, что ли, они все? Голос ее любимой мамочки, у которой прелестная головка, осененная густыми волосами, большие светлые глаза, тонкая шея и жаркий румянец на щеках. Они с младшей сестрой Верой ее почти не видят, вдали от них мама пишет романы.

Вчера утром, до завтрака, Леля увидела на наволочке маминой подушки яркие красные пятна. Мама была бледна и элегантна, в платье из клетчатой ткани с темным поясом. В первый раз у мамы показалась горлом кровь месяц назад, об этом шептались горничные, и она услышала. В последнее время кровь часто идет у нее из горла по утрам. На детей, на нее, Веру и совсем крошечного Леонида, мама смотрит со страданием в глазах, как на сирот. Хотя знает, что в бедности они не останутся, — не позволит мамина мама.

Бабушка Елена Павловна — урожденная княжна Долгорукова, а мамин папа, дедушка Андрей Михайлович Фадеев, государственный человек — губернатор. На папу, Петра Алексеевича Гана, надежд особых нет. Он живет кочевой и суматошной жизнью офицера. Сегодня — здесь, завтра — там. А послезавтра — неизвестно где. Его батарею часто переводят с места на место, все больше по глухим углам Екатеринославской и

Киевской губерний. Жизнь бродячая, неудобная, без интеллигентного общества и требует немалых расходов.

В жилах Лели столкнулись два основных потока крови: немецкой и французской. По отцу она принадлежала к роду наследных макленбургских принцев Ган фон Роттениггерн-Ган. А по матери она была в родстве с гугенотом Бандре-Дюплесси, изгнанным из Франции за приверженность своей вере.

Ее дедушка с отцовской стороны, Алексей Густавович фон Ган, был знаменитым генералом у генералиссимуса Суворова и вместе с ним одержал немало славных побед. Некоторое время он, участник легендарного суворовского перехода через Альпы, возглавлял комендатуру в Цюрихе. Папина мама была из графского рода. Один из ее братьев дослужился до министра почт.

С невыносимой силой девочка переживает это слияние разных кровей, пакостный эффект от которого усилен в ней, как считают взрослые, в сто, нет, в тысячу раз больше, чем в других ее близких. Она и сама чувствует, особенно перед сном, как в ее жилах сталкиваются разнонаправленные потоки несходящихся времен, народов и характеров. Сливаясь в ней, они бурлят и пузырятся. Она ощущает себя чаном, в котором потусторонние силы варят какое-то дьявольское снадобье, чтобы на ней же его и опробовать.

Разве что кровь дедушки-губернатора чуть-чуть разбавит крепкий настой из множества прошедших до нее разных жизней. Да и то в этом, казалось бы, относительно спокойном и размеренном потоке вспыхивают и на мгновение ослепляют зарницы каких-то давних, отгремевших сражений и схваток. Сколько человеческой кровушки пролилось во времена Батыя, крестовых походов и Вальпургиевой ночи? Но всякий раз двое из ее пращуров, он и она, обязательно выживали, сохраняли и продолжали линии рода. Неумолимо двигались через завалы трупов, через немереные кладбища, к ее времени, к ее появлению на свет. Именно в судьбах этих удачливых, любвеобильных, смиренных и жестоких людей раскрываются глубины жизни и истины, понятные ей, их потомку, их достойной наследнице, и недоступные посторонним.

У нее свое, удивительное, ни на что не похожее будущее. Зря беспокоится и тревожится мать, которая предвидит ей горькую участь, считает, что в жизни ей суждено много страдать. Без страданий, между прочим, душа мертва. Так напутствует ее священник. Но отнюдь не он ее духовный отец. Он сам боится ее, маленькую девочку, как черт ладана. Непонятно только, где тут черт, а где — ладан. Ведь священник считает ее, ясновидящую,

одержимой бесом. При встречах с ней окропляет ее святой водой и читает какие-то молитвы-заклинания. До чего же деревенские священники невежественные и суеверные люди! Куда уж лучше находиться среди людей подлого звания: крепостных крестьян, дворовой челяди.

Кажется, самой судьбой она определена с какой-то заранее оговоренной целью в фантасмагорический мир, в котором благополучие и безопасность человека связываются со знанием примет и заговоров. Она помещена в ту питательную для всяких предрассудков и суеверий среду, которая постоянно дразнит ее детское любопытство существованием незримой и нездешней волшебной силы и обитатели которой прививают ей веру в таинственное и неразгаданное.

Как считают дворовые люди, девочке перепало кое-что от этой щедрой, «потусторонней» власти. Она иногда вглядывается в собеседника с такой напряженной внимательностью, уставясь в одну точку, что ее синие глаза, кажется, вспыхивают и прожигают насквозь. Конечно же, считают крепостные няньки, их Леленька отмечена провидением. В самом деле, она обладает сверхъестественными способностями. Привидения, домовые, лешие словно открывают ей вход в мир живых, поражающих воображение тайн. Недаром их образы ее не страшат, а, напротив, представляются завлекающими и желанными. Не с помощью ли «нечистой» силы она собирается завести знакомство с невидимыми и милыми ей существами, с той нежитью, которой взрослые пугают детей: ведьмами, домовыми, кикиморами, русалками?

Ах так! Эти противные взрослые не позволяют ей сесть на лошадь?! Им, вероятно, мало того, что она ведет себя, как сорвиголова, как настоящий невоспитанный мальчишка, который лазит по деревьям, трясет яблоки и груши, совершает набеги на чужие огороды. Она пойдет дальше — устроит им что-нибудь почище этих заурядных проказ. Например, удочкой стащит накладные волосы с лысой головы толстенького капитана, который тайно влюблен, как она убеждена, в мисс Джеффрис, ее гувернантку. И стащит именно в день их свадьбы, в церкви, на виду у всего православного народа. Вот будет смех и скандал! Настоящий скандал, с перчиком.

Все ее предки, которых девочке ставят в пример, были отчаянные игроки. Некоторые достигли известности, а один их них объявлен святым. Она читала о нем в Четьях-Минеях. Это черниговский князь Михаил.

Для нее тайна смерти князя Михаила, впрочем, как и для многих ее современников, оставалась долгое время тайной. И до

днешнего дни, как говорили в старину, была бы Леля в полном неведении относительно того, что предшествовало его казни в Орде 20 сентября 1246 года, если бы не жила воображением. Фантазия употреблялась ею, как хорошая подзорная труба, с помощью которой она обозревала события далекого прошлого и их участников.

Когда девочка оглядывалась в позавчерашний день или всматривалась в будущее, ее сознание обычно обволакивал теплый, завораживающий звук, возникающий от скрещения звенящей тишины Вселенной и шуршания крови в ее теле, звук, абсолютно неуловимый обыкновенным ухом. Он обретал в ее голове внятность и способность собирать в целое бесформенные, разрозненные фрагменты стародавних событий, реставрировал и делал монолитными исчезающие и рассыпающиеся даже от деликатного прикосновения прапамяти величественные руины давным-давно прервавшихся жизней ее предков.

Этот взявшийся как будто ниоткуда странный дар ясновидения шел, быть может, от основ ее одинокой души. Иногда ей, правда, казалось, что спонтанно воссоздающиеся в ее сознании картины прошлого и будущего что-то вроде фата-морганы и достаточно будет незначительной перемены в душевной атмосфере, как этот мираж тут же исчезнет. Ведь время, как лишай, постепенно и неумолимо съедает древо Жизни — остается жалкий и трогательный своей беззащитностью оглодок.

Может быть, с князя Михаила и началось материальное оскудение их рода. И одновременно обозначилось духовное восхождение. Известно же, что князь Михаил пекся о сирых и убогих, с юных лет относился к ним с кротостью и милосердием. Потом уже, спустя много столетий, потомки князя приумножат и разделят оставшиеся сокровища, для того чтобы промотать их, как семья бабушки, например, враздробь и с необыкновенной быстротой.

Любостяжания нет в них ни капельки, и слава Богу!

— Посмотрите, как несется в Киев князь Михаил. Его конь в пене, на последнем издыхании! — истошно кричит она оторопевшим гувернанткам и маме, раскрывшей от удивления рот. — Я отдам ему лошадку. Князь не опоздает к штурму, он вовремя появится среди дружинников и отобъет от татар город. Ну что же вы!

Ее голос срывается, она почти в истерике.

Врут летописи. Князь Михаил не праздновал труса, не сбежал из осажденного города. Он просто не успел к моменту, не добрался, не доскакал. Как удар кулаком по столу, от горькой

досады, от безнадежности, он убивает Батыевых послов и не с повинной едет к хану, а затем, чтобы спасти от его гнева своих людей.

Трусы не совершают духовных подвигов. На верную страшную смерть обрекают себя князь Михаил и его боярин Федор, когда отказываются поклониться Батыевым идолам, они не пройдут, как того требует басурманский обычай, меж огней, не осквернят свои уста восхвалениями хана. Они не захотят чтить срамные уды и возлагать им требы. Вот в чем величие настоящих людей: в любых обстоятельствах они остаются свободными, ничем не омрачают свою совесть. Не загоняют себя в клетку унизительного подчинения. Лучше смерть, чем существование во лжи. Не всякие так смогут поступить.

Это и есть пролить кровь за Христа. Кровью, телом чувствовать Христову правду — как это все-таки трудно.

Она с ними, с князем Михаилом и боярином Федором, до последнего. И над ней взметнутся огненные столпы, и ее душу приподнимут над землей громовые распевы ангельского хора.

Как все со времен князя Михаила переменилось! Елена это тоже чувствует своим детским сердцем.

Везде хищники, грабители, взяточники. За медный грош отца с матерью удавят. Вот папа говорит, что столько вокруг злобных, коварных, мстительных людей. А вздорных и злоязычных — еще больше! А подлипалам и блюдолизам — вовсе несть числа! На то и Расея! Мама убеждена, что в просвещении — одно лишь спасение.

Девочка исполняет свои ученические обязанности в точности, основательно. Поразительные успехи достигнуты ею в изучении иностранных языков и особенно в музыкальных занятиях. Без устали разучивать положенные экзерсисы и окончательно не впасть в безразличие и скуку — для такого подвига необходимо не обычное усердие, а нечто большее: вдохновение. Она-то знает, как заворожить свои быстро устающие пальчики, вдохнуть в них, неуверенных и ленивых, силу и упорство. Она берется за каждое новое дело с усердием, вовсе не желая себя уронить в мнении мисс Джеффрис и мадемуазель Пернье.

Офицеры весело переглядываются, слыша взвизгивание и охание гувернанток. Они определенно на ее стороне, но не дерзают идти против воли ее мамы. Во всяком случае, она для них почти родная, они ее называют между собой: дочь полка. Ни для кого из них, однако, не составляет тайны, что они с Верой вот-вот станут сиротками. От этой мысли сжимается сердце, но при маме она сдерживается, гонит прочь глубокое и беспрерывное самоощущение своего одиночества. Она ежедневно по многу раз

молится Боженьке, просит его заступиться за маму и не дать ей скоро умереть. Леля и говорить стала меньше и тише, и все из опасения, чтобы опять не дать волю своей буйной фантазии. Она сострадательная и любящая дочь. Однако же как задевается ее самолюбие, когда ей при всех отказывают сесть на объезженную и спокойную лошадь. Неужели мама этого не понимает, не хочет понять?

Ее мама обыкновенно носит шейный платок, он перекрещивается на груди и придает ей романтический независимый вид. Маме очень идет простое марселиновое темное платье без кринолина, которое она, к сожалению, надевает чрезвычайно редко. Вообще мама не любит пышности в одежде и радуется переменам в моде. Ей не хочется быть раздавленной обширными вертюгаденами с тяжелыми накладками, с фижмами и шлейфами. Папа по дому ходит в пикейном жилете и полосатых брюках.

Мундир ему, кстати, больше к лицу.

На плац въезжает запряженная цугом карета. Видать, приехал какой-то царский сановник. Вот сейчас спрыгнут с подножек ливрейные лакеи — где же они? — откроется дверца и покажется важный господин в светло-синем двубортном фраке с золотыми пуговицами и стоячим бархатным воротником. На ногах у него будут черные шелковые чулки и башмаки с пряжками. Он очень похож на разноцветную бабочку из коллекции ее бабушки. Неужели это бабушкин отец — князь Павел Васильевич Долгоруков?

Однако он же умер в 1837 году. Может быть, это его воплотившийся дух?

К ее большому разочарованию, из кареты вылезает тучный генерал. Вероятно, он приехал из Петербурга и у него важное поручение от государя. Офицеры, а с ними и ее отец стремительно перемещаются от лошади ближе к карете. Как досадно, ее и сестру Веру взрослые торопливо уводят с плаца.

Она опять, который раз, оказывается между Сциллой и Харибдой, то есть между докучливой реальностью и своими досужими домыслами — веселыми хитрыми развлечениями ее ума и сердца.

Давно не молилась она в детской перед иконой с ярко теплящейся лампадой. За здоровье мамы она молится, засыпая, молча, про себя, уткнувшись лицом в подушку. Лик Божий ее смущает чем-то. В душе образовалась ужасная незаметная трещинка.

Во время ее крещения произошел случай, который можно трактовать как некий провидческий знак. Церемония крещения в

церкви затянулась, и тетя Елены (тетя-ребенок, всего-то на три года старше своей племянницы) Надя Фадеева то ли по небрежности, то ли по малолетству нечаянно подожгла зажженной свечой край рясы священника.

Случай с ее крещением не раз обсуждался в их доме в присутствии мамы. При этом мамино лицо бледнело, становилось испуганным. Почему взрослые люди такое большое значение придают всяким приметам и предзнаменованиям? Некоторые из них ее, маленькую девочку, воспринимают страшной и гадкой, отмеченной печатью дьявола.

Наконец-то она поняла. Природа своей неоспоримой властью установила для человека известные пределы и ограды. Вот отчего дурные знаки — не более чем предупреждения природы, ее советы, смысл которых — отвратить человека от вхождения в заповедные области многообразной жизни, не позволить ему выходить за поставленные границы.

Она не имеет других намерений, как только следовать своей интуиции. И делает это с робкой надеждой не превратить свою жизнь в игрушку случая, в заложницу обстоятельств.

Елена Андреевна Ган умирала от злейшей чахотки. В Одессе они жили с весны 1842 года. Лечение мамы требовало соответствующей минеральной воды. Отец направил их сюда в надежде на мамино выздоровление. Однако чудодейственная вода на этот раз не помогла, как и кумыс, которым мама опивалась до тошноты. При них также неотлучно находились две гувернантки и домашний доктор.

Елене Андреевне Ган едва исполнилось двадцать восемь лет. Она и перед смертью работала до полуночи. Проводила долгие часы за зеленой занавеской, отгородившей часть комнаты. Этот крошечный уголок жилого пространства был ее рабочим кабинетом. Детям туда заходить не возбранялось, но запрещалось трогать что-либо из маминых вещей. Они с Верой даже не предполагали тогда, что мама работает в поте лица, чтобы оплатить их домашних учителей и гувернанток. Состояние их было совершенно расстроенное, так что мамина писательская деятельность давала какой-то доход.

Елена Андреевна Ган дописывала свою очередную повесть, девятую по счету. Она выступала как писательница под псевдонимом Зенеида Р-ва. Печаталась у О. И. Сенковского в «Библиотеке для чтения», а затем, незадолго до смерти, в «Отечественных записках» А. А. Краевского. Виссарион Белинский назвал ее в одном из своих книжных разборов «русской Жорж Санд».

Дочь знала за мамой одну неприятную черту —

воспламеняться от неожиданной идеи, погружаться в пучину творческого вдохновения и забывать обо всем на свете, в первую очередь о близких людях. Мамино безразличное отношение к ней, ее старшей дочери, расстраивало до слез. Большей частью они были с Верой под опекой ординарцев отца. Она страдала оттого, что не способна заинтересовать маму своей личностью. Чего только она не делала, чтобы привлечь ее внимание: строила из себя взрослую светскую даму, раздражая маму бонтонными фразами, ходила на голове, капризничала, беспрестанно меняла расположение духа. Все было бесполезно. В итоге она отводила душу на Вере. Но все равно тоска не переставала ее преследовать. Ей казалось, что она одна, вечно одна. Ее одиночество питалось навязчивой мыслью о некоем Хранителе, которого она представляла величественным индусом в белом тюрбане и которого с каждым годом, взрослея, сильнее и сильнее любила.

Девочка была убеждена, что мама не любит ее, и доискивалась причины этой нелюбви. Позднее, много лет спустя, она поняла эту холодность, как и то, что у мамы не оставалось выбора: слишком мало времени было отпущено ей судьбой на жизнь.

Дочь научилась у мамы фаталическому отношению к происходящему. Не к жизни в целом, а к отдельным событиям, непосредственно ее затрагивающим. В то же время ее действия против всяких жизненных передряг и неприятностей были стремительны и победоносны. Мама, в отличие от нее, представляла, однако, романтический тип, была «причудницей», наделенной возвышенным строем мыслей. Словно она сошла с неба, чтобы встать на защиту несчастных и униженных женщин.

Мама была изящным существом с чистой и светлой душой. В шестнадцать лет она, полуребенком, венчалась в Екатеринославе с капитаном Петром Алексеевичем Ганом, для которого ее духовная деятельность, ее литературные интересы не только мало что значили, но вызывали недовольство и нарекания. Их отец предпочитал вист — театру, скачки — музыкальным вечерам, пьяное застолье — чтению книг. В его положении конно-армейского офицера и при его армейских привычках не следовало бы вообще жениться, особенно на такой выдающейся женщине, как ее мама.

Елену Андреевну воспитывала ее мать, бабушка Лели, Елена Павловна.

В двадцать четыре года княжна Елена Павловна против воли отца посмела влюбиться в Андрея Михайловича Фадеева, своего одногодка, великолепно образованного, порядочного и честолюбивого человека.

Для их брака существовало только одно, почти непреодолимое препятствие — жених был из «простых». В конечном счете князь Павел Васильевич Долгоруков поддался на уговоры дочери, и свадьба состоялась в 1813 году, а в следующем году на свет появилась мать Елены Петровны Блаватской — Елена Андреевна. Спустя некоторое время после ее рождения молодая семья переехала в Екатеринослав.

Елена Павловна Фадеева знала пять иностранных языков, прекрасно рисовала и, будучи художницей, интересовалась преимущественно чешуекрылыми, проще говоря, бабочками, а также растениями и минералами.

При всех глубоких и разносторонних познаниях в науке Елена Павловна между тем вовсе не слыла синим чулком, отрешенной от повседневных забот дамой. Она была примерной женой, родила мужу четырех детей: Елену, Екатерину, Ростислава и Надежду. Елена Павловна была не чужда светских удовольствий. Она любила чистокровных английских лошадей, крытые лаком экипажи, балы и званые обеды.

Елена Андреевна родила Лелю недоношенной в Екатеринославе с 30 на 31 июля 1831 года. Перед этим событием она переболела холерой. Что выжили обе — и мать, и дочь — настоящее чудо.

Умерла Е. А. Ган в Одессе 24 июня 1842 года.

После смерти мамы девочка ощутила в себе какое-то раздвоение личности, а точнее — расщепление собственной души и сознания. С одной стороны, она была убита горем, а с другой — словно повернулась спиной к чудовищной реальности смерти, чтобы не быть сокрушенной тяжелым, невыносимым сиротством.

Во времена своего девичества Елена Петровна с трудом переносила это раздвоение. Ее изматывало присутствие в душе кого-то постороннего, без всякой учтивости, настырно влезающего в любой ее разговор со своими высокопарными словами, заставляющего ее вести себя в соответствии с его волей, перекраивающего ее натуру по своему усмотрению и капризу. Этот невидимый для окружающих «некто» преображал ее изнутри до неузнаваемости, менял до такой степени, что она уже не воспринимала себя Лелей, взбалмошной Лоло, а с ужасом ощущала кем-то еще, совершенно неизвестной ей личностью, которая была к тому же наделена по отношению к другим людям непомерными амбициями и серьезными претензиями. Она словно впадала в сон, если хотите, транс долгий или кратковременный.

После пробуждения она едва вспоминала кое-какие обрывки этого сна, мучилась головной болью и чувствовала себя совершенно раздавленной.

С прожитыми годами Елена Петровна все больше и больше укреплялась в духовном отщепенчестве, свыклась с ним и ждала нового транса с необыкновенным воодушевлением. Она более детально запоминала происходящее с ее второй натурой и искренне удивлялась тому, что получила возможность без особых затруднений передвигаться во времени и пространстве. Этой невообразимой свободе она была всецело обязана, по ее глубокому убеждению, своим Учителям, «махатмам».

В таком потустороннем состоянии она позволяла себе говорить и делать, что угодно. Однако совсем не в этом заключалась ценность благоприобретенного дара. Действительный смысл был в том, что свои рассуждения, казавшиеся некоторым людям бессвязными и самонадеянными, она не из пальца высасывала, а выводила из сопоставления картин прошлого и будущего. Панорама дня вчерашнего и дня будущего разворачивалась перед ней без всякого принуждения, стоило ей только впасть в эту своеобразную летаргию. И все же ее провидческие экстазы не были легкими, они отнимали у нее здоровье и преждевременно старили.

Потом Елена Петровна осознала, что провидение будущего и воспоминания о далеком прошлом являются способностью памяти ее предков, которую она от них унаследовала. Как сейчас сказали бы, способностью генетической памяти, по разным причинам у Елены Петровны чрезвычайно обострившейся и ставшей объемной.

Разумеется, эти провидение и воспоминания не занимали каждого мига ее неприкаянной жизни. Она жила преимущественно мгновением, сумбурной жизнью авантюристки. Ей приходилось выживать с помощью сомнительных средств и не задумываться о последствиях некоторых своих необдуманных решений и поступков. В то же время Елена Петровна переломила себя в главном, заставив жить не по любви, а в соответствии с идеями и поставленными целями. На склоне лет она почти утеряла способность понимать обыкновенную жизнь, отчего нередко впадала в нервную депрессию, никого не хотела видеть и неделями не выходила из своего дома в Лондоне.

Елена Петровна пыталась лечить сама себя сном. Однако новые страшные видения и кошмары настолько ее ошеломляли, что, придя в себя, она едва слышно произносила пересохшим ртом малозначительные слова и долго после этого мучилась бессонницей.

Ей снились вещи невероятные, труднопредставляемые. Она долго оставалась под влиянием этих апокалиптических сновидений.

Она собственными глазами наблюдала многотысячные людские жертвоприношения, при которых никто не избежал смерти: ни дети, ни женщины, ни старики. Людей сжигали не поодиночке, а целыми городами. Для массовых убийств употреблялись снаряды страшной разрушительной силы. Она также видела, как миллионы людей безропотно позволяли уничтожать себя каким-то отравляющим газом. Это было настоящее светопреставление. Кали-юга — черная эпоха в своей завершающей стадии, как сказали бы индусы.

Она видела тупые и сытые лица палачей, методично забивающих людей, как скот на бойне. Елена Петровна чувствовала, как седеет во сне: ее золотистые, в мелких кудряшках волосы превращались в извивающихся серебристых змеек.

Блаватская узнала правду — в подготовке всемирной бойни было ее подспудное участие, ее идейное благословение. Ей стало невыносимо страшно в своем провидческом сне. Она бежала в отчаянии мимо просторных загонов, в которых находились, ожидая смерти, истощенные, сбившиеся в огромные толпы люди, мимо дымящих труб крематориев, мимо сожженных садов и разрушенных зданий. Она не замечала, как лощеные и самодовольные люди приветствовали ее римским жестом, вскидыванием перед собой правой руки. Она бежала со всех сил обратно, в свое время. Она ныряла в мертвые воды Стикса с единственной надеждой избавиться навсегда от сострадания и от любви к людям. В этой маслянистой, со свинцовым отсветом воде забвения находились ответы на все вопросы ее многострадальной жизни.

После смерти матери отец Блаватской боготворил и баловал свою любимицу старшую дочь. Петр Алексеевич позволяла ей делать, что вздумается. И девочка словно срывалась с привязи, становилась заносчивой и дерзкой. При неблагоприятном стечении обстоятельств это обожание обязательно принесло бы скорые горькие плоды, не будь бабушки Елены Павловны, которая старалась обуздать капризный и своенравный характер внучки.

А бабушка Блаватской за свои выдающиеся качества пользовалась в Тифлисе прекрасной репутацией и уважением. «Невзирая на то, что сама ни у кого не бывала, весь город являлся к ней на поклон», — вспоминали ее современницы.

Труженица, она и детей своих приучила не бить баклуши, всех поставила на ноги. Старшая дочь, Е. А. Ган, прославилась как писательница, хотя рано умерла. Ее сестра Екатерина Андреевна прожила дольше, вышла замуж за Юлия Витте. Сын Елены Павловны, Ростислав Андреевич Фадеев, артиллерийский

генерал, был видным деятелем в славянских землях и известным военным писателем семидесятых и восьмидесятых годов XIX века. Образованный и остроумный, он неудержимо привлекал к себе людей. В дяде Ростиславе, в сестре Вере и ее детях Елена Петровна очень нуждалась. Только они питали и поддерживали ее героическое и романтическое жизнелюбие. Между тем ее любовь к миру, всеохватная и грандиозная, утверждалась большей частью в отстраненности от каких-либо личных привязанностей.

Для понимания психологии Елены Петровны и ее матери весьма существен один момент: их как бы одновременное пребывание в двух реальностях — художественной и повседневной, бытовой. Однако для матери такая двойственность положения обернулась трагедией. В повести «Идеал» ее героиня видит один выход из сложившейся ситуации — в вере и приобщении к Богу: «Я постигла наконец, что если женщина по злой прихоти рока или по воле, непостижимой для нас, получает характер, не сходный с нравами, господствующими в нашем свете, пламенное воображение и сердце, жадное любви, то напрасно станет она искать вокруг себя взаимности или цели существования, достойной себя. Ничто не наполнит пустоты ее бытия, и она истомится бесплодным старанием привязаться к чему-нибудь в мире. Неземные привязанности могут удовлетворить ее жажду. Ее любовью должен быть Спаситель, ее целью — небеса».

Для самой Блаватской этот путь малопривлекательный, она не уповает на милосердие Божие. Церковное христианство вообще и православие в частности, как она считала, не способны управлять человеческой совестью.

Вот почему Е. П. Блаватская, усиливая в себе бунтарское начало, нередко позволяла себе кощунствовать, юродствовать и лукавить. По воспоминаниям ее сестры, она еще с детства примеряла роль сокрушительницы привычных духовных устоев. Вне христианства Елена Петровна жила авантюристически вольготно, а последние шестнадцать лет своей жизни всецело посвятила себя конкретному делу: оформлению своих эзотерических прозрений в определенную организацию, в новую церковь, — Теософическое общество.

С ранних лет Блаватская стремилась к духовному и умственному общению, наиценнейшему дару русского человека. По ряду причин, сугубо семейного, личного характера, такое общение постепенно вырождалось в демонстрацию ее оккультных способностей.

Последовательница учения Е. П. Блаватской, известная русская теософка Е. Ф. Писарева, основываясь на эпизодах,

которые относятся к жизни Елены Петровны в детстве, была убеждена в том, что «Е. П. Б. обладала ясновидением; невидимый для обыкновенных людей астральный мир был для нее открыт, и она жила наяву двойной жизнью: общей для всех физической и видимой только для нее одной! Кроме того, она должна была обладать сильно выраженными психометрическими способностями, о которых в те времена на Западе не имели никакого представления. Когда она, сидя на спине белого тюленя и поглаживая его шерсть (в зоологическом музее Е. П. Фадеевой в Саратове. — *А.* С.), рассказывала детям своей семьи о его похождениях, никто не мог подозревать, что этого ее прикосновения было достаточно, чтобы перед астральным зрением девочки развернулся целый свиток картин природы, с которыми некогда была связана жизнь этого тюленя.

Все думали, что она черпает эти увлекательные рассказы из своего воображения, а в действительности перед ней раскрывались страницы из незримой летописи природы».

В общении Блаватской с природой и людьми присутствовали детская наивность и определенный расчет: она любила подурачиться, однако всем своим проделкам и проказам старалась придать серьезный смысл. Эти качества Леля унаследовала от матери. Елена Андреевна могла обескуражить человека каким-нибудь ехидным замечанием или ироническим поворотом мысли.

Борис Михайлович Эйхенбаум трактовал литературный процесс как осознание себя в потоке истории. Если применить эту формулу известного литературоведа к личности Е. А. Ган и ее дочери, придется ее чуть-чуть переиначить. Для них творчество было осознанием себя в контексте вечных, вневременных истин, только у Е. А. Ган эти истины более живые, не столь отвлеченные, как в сочинениях ее дочери. Тяжелая болезнь, протекающая неровно и оставляющая надежду на излечение, приучила ее смиряться перед Божьей волей, терпеливо нести свой крест.

У Блаватской никакого смирения в помине не существовало. Она верила, впрочем, в некий Промысел, имеющий власть над жизнью каждого. Однако Елена Петровна возводила эту направляющую судьбу человека силу к кармическим закономерностям. Она верила, что ни одна вера, ни одна религия не в состоянии заполнить пустоту, образующуюся в сознании смертного человека, который оказывается лицом к лицу перед бесконечной Вселенной, перед вечным, неиссякающим потоком жизни.

Отголосок материнских сетований о том, что «воздуха, облегающего шар земной, недостаточно для человека, живущего

мечтой», желание «измерить мыслями и чувствами вселенную» мы видим в сочинениях Е. П. Блаватской.

Особые, неровные отношения, строящиеся по принципу «любовь — ненависть», сложились у Елены Петровны с ее старшей тетей. Екатерина Андреевна любила и заботилась о детях своей умершей сестры, как могла, конечно же выделяя наиболее сообразительную и взрослую Лелю. Та была, прямо скажем, ее любимицей. Как отмечала сестра Вера, «ослепленная этой любовью, очень молодая девушка не могла всегда быть благоразумной».

Иными словами, Блаватская, пользуясь своей безнаказанностью, в конце концов полностью подчинила себе Екатерину Андреевну. Гувернантка Антония Пернье в воспитание Лели почти не вмешивалась. Ее кумирами были Вера и маленький Леонид. Можно предположить, что воля, которую предоставила Блаватской ее тетя Екатерина Андреевна, со временем незаметно обернулась своеволием — метаморфоза, никоим образом не входившая в педагогические планы воспитательницы. Леля начала раздражать Екатерину Андреевну еще и тем, что поведение свое она окружала какой-то непонятной тайной, а как писал Байрон: «Где есть тайна, там предполагается обыкновенно и зло».

Однако время было упущено. Блаватская развивалась по нравственным законам, ею самой и созданным. На ее представления о морали, о добре и зле, об идеале красоты влияли книги, которые она читала запоем. Друзья-книги уводили ее в область мечтаний, увлекали в мистический, волшебный круг. В основном это были оккультные книги для взрослых на французском, английском, немецком языках из библиотеки прадеда князя Павла Васильевича Долгорунова и любовные романы, которые Леля похищала у тети Кати.

Екатерина Андреевна Витте, выйдя замуж, продолжала неотлучно жить с ними в Саратове и Тифлисе. Ее муж агроном Юлий Федорович Витте служил под началом ее отца-губернатора и происходил из семьи датских лютеран. По настоянию будущей жены он перешел в православную веру.

Сестра Вера писала о нем: «Все его, и старшие, и дети, ужасно полюбили, потому что он такой сердечный, добрый, искренний человек, что, зная его, нельзя было его не любить».

Но так уж получилось у Блаватской, что равноправное идейное общение складывалось не с членами ее семьи, а с теми, кто как бы не существовал вживе и во плоти, кого рождала ее бурная фантазия.

Мистическая жизнь Лели оказалась непонятной взрослым

родственникам, и девушка пестовала свое одиночество, поскольку именно в нем сохранялась возможность существования ее внутренней, своеобразной жизни. Одиночество позволяло глубже и полнее понять многие аспекты совокупного бытия человека и природы.

Итак, уже в юные годы Елена Петровна Блаватская начала осознавать себя творческой личностью. Реальная жизнь казалась ей ненастоящей: это была ярмарка тщеславия, скучная и презренная, овеществленная пустота, которая приводила в содрогание ее мать. Нет, она не хотела просто плыть по течению. Ей были необходимы любовь и доброта, красота и гармония, обрести которые она могла лишь в своем внутреннем мире.

Елена Петровна уже не различала: она ли жила в видениях или видения в ней. Прочитанное странным эхом отозвалось в ее сознании и душе. Вымысел смешался с реальной жизнью — навсегда, до самой смерти.

Таинственный индиец

Дедушка Андрей Михайлович и бабушка Елена Павловна после смерти дочери привезли сирот, двух внучек и внука, к себе в Саратов, в губернаторский дом.

Этот дом запомнился Елене Петровне Блаватской надолго. Как вспоминала сестра Вера, это было старое, громадное здание «с подземными галереями, давно покинутыми ходами, башнями и укромными уголками. Это был скорее полуразрушенный средневековый замок, чем дом постройки прошлого века».

Мир невидимых существ, обитавших, как считала Леля, в пределах дома, неудержимо ее привлекал. Сливающиеся с прозрачным воздухом духи полей и лесов, прячущиеся по темным углам домовые и гномы сделались ее товарищами по играм и забавам.

В свой круг она еще включала вольных птиц, а также чучела различных животных, находящихся в бабушкином музее. Голуби ворковали ей интересные сказки. Чучела рассказывали невероятные истории из собственной жизни. В их компании она находилась бы с утра и до вечера, если не было бы других дел.

Леля слушала голоса неживых предметов: фосфоресцирующих пней, лесистых холмов, придорожных камней, деревьев, рек и озер. По вечерам она укладывала спать голубей, как это описывалось в любимой ею книге «Мудрость Соломона», и голуби на ее руках в самом деле успокаивались, — во всяком случае, становились как бы одурманенными.

Осенью и зимой дети жили в городском доме, а ближе к лету перебирались на губернаторскую дачу.

Блаватская с детских лет, по-видимому, верила в перевоплощение, как нынче говорят, в реинкарнацию. Возможно, тому способствовали русские сказки, которые рассказывала старая няня и в которых люди легко и естественно превращались в зверей, становились оборотнями. Верила она и в ковры-самолеты, в общение на расстоянии через волшебное зеркало и в возрождение из мертвых с помощью живой воды. Сказки, на ее взгляд, как нельзя более точно и правдиво отражали действительно происшедшие события. Другое дело, что в старину люди, которые владели магическим искусством, так называемые волшебники, встречались почти на каждом шагу. Теперь же остались единицы, которые скрывались в каких-то укромных местах.

В качестве доказательств своей правоты, как вспоминала сестра Вера, Елена Петровна указывала на столетнего старца, жившего в лесном овраге неподалеку от их дачи. Как говорили люди, этот старец по прозвищу Бараниг Буряк был настоящий ведун и знахарь. Он занимался врачеванием, ставя на ноги безнадежно больных. Лекарством служили полевые и лесные травы, целебные свойства которых он досконально знал.

Об этом старце ходили слухи, что он умеет предсказывать будущее. Жил тайновидец скромно, в отапливаемой по-черному избушке. Когда же появлялся на людях, увешанный с ног до головы роями пчел, то представлял сногсшибательное зрелище. Казалось, Бараниг Буряк выучил пчелиный язык, а монотонное жужжание воспринимал, как осмысленную речь.

Для Блаватской старец был толкователем языка птиц, животных, насекомых. Она усердно вслушивалась в его бормотание. Старец тоже привечал девочку. Часа два-три в день Леля проводила у него, была на побегушках: то принесет старцу воду, то отроет коренья целебных растений, то растопит печку. Она присматривалась к приготовлению лекарств, запоминала, какая трава от чего лечит.

Дворня Фадеевых уверяла барышень, что старец спятил и несет бог знает что, но девочки только отмахивались; и мало-помалу между ними и старцем установилось взаимопонимание. Он не раз предсказывал Леле завидную судьбу. Вера вспоминала позднее его слова: «Эта маленькая барышня совсем отличается от всех вас. Большие события ожидают ее в будущем. Жаль, что я не доживу до того, чтобы увидеть исполнившимся предсказанное мною, но оно исполнится обязательно».

С помощью старца Леля надеялась увидеть вещие сны. Но что

могли дать эти сны маленькой фантазерке, которая грезила наяву и вольготно чувствовала себя в подземных таинственных галереях дома, где находились, как она рассказывала, кости доисторических чудовищ и где под наблюдением жившего в подвале дома преданного ей горбуна хранились помогающий восстановить утраченную молодость бальзам, приготовленный из растертых язычков ядовитейших змей, а также дрова, нарубленные магами Востока и дарующие вечное тепло, не говоря уже о множестве других престранных волшебных вещей.

Ни сестра Вера, ни юная тетя Надежда не осмеливались ей возражать. Они боялись ее каталепсических припадков, когда она на время казалась окоченевшей: кожа у нее становилась нечувствительной и закатывались глазные яблоки.

Ее предвидения и предчувствия тревожили, заставляли насторожиться.

Однажды она уверила мальчишку, встретившегося на берегу реки, что его защекочут русалки, и он взаправду утонул.

Леля пыталась шутками издеваться над глупостью, но вызывала в ответ только ненависть и страх.

Ее племянница, Н. В. Желиховская, сумела оценить смешливый характер Блаватской: «У тети была удивительная черта: ради шутки и красного словца она могла насочинить на себя что угодно (и про мальчишку тоже? — *А.* С.). Мы иногда хохотали до истерики при ее разговорах с репортерами и интервьюерами в Лондоне. Мама (В. П. Желиховская. — *А.* С.) ее останавливала: «Зачем ты все это сочиняешь?» — «А ну их, ведь все они голь перекатная, пусть заработают детишкам на молочишко!» А иногда и знакомым своим теософам в веселые минуты рассказывала, просто для смеха, разные небывальщины. Тогда мы смеялись. Но из-за людской тупости, которая шуток не понимает, произошло много путаницы и неприятностей».

Рассказ Блаватской о своих паранормальных способностях приводит Аллан Октавиан Хьюм в книге «Заметки по эзотерической философии»:

«В течение примерно шести лет (в возрасте от восьми до пятнадцати) ко мне каждый вечер приходил какой-то старый дух, чтобы через мою руку письменно передавать различные сообщения. Это происходило в присутствии моего отца, тети и многих наших друзей, жителей Тифлиса и Саратова. Дух этот (женщина) называл себя Теклой Лебендорф и рассказывал о своей жизни. Родилась она в Ревеле, вышла замуж. Рассказывала о своих детях: захватывающую историю старшей дочери З. и о сыне Ф., который покончил с собой. Иногда и сам этот сын приходил и рассказывал о своих посмертных страданиях. Старая дама

говорила, что она видит Бога, Деву Марию, толпы ангелов. Двух из ангелов она представила нам всем, и, к великой радости моих родных, ангелы обещали охранять меня и т. д.

Она сама описала свою смерть, дала адрес лютеранского священника, который дал ей святое причастие.

Рассказывала и о некоем прошении, которое она подала царю Николаю, и я записала текст его слово в слово, своим почерком, моей детской рукой.

Так я писала в течение примерно шести лет, четким, старинным почерком и на немецком языке (язык, которому я никогда не обучалась и на котором я и теперь еле говорю), и на русском. Все это составило бы с десяток томов.

Тогда это еще не называли спиритизмом и считали одержанием. Так как священника нашей семьи интересовал этот феномен, то и он часто приходил на наши вечерние сеансы, окропив, однако, себя предварительно святой водой.

Один из моих дядей поехал в Ревель и выяснил, что там действительно жила когда-то очень богатая женщина, Текла Лебендорф. Из-за распутной жизни своего сына она разорилась, уехала к своим родственникам в Норвегию и там скончалась. Мой дядя узнал также, что сын ее покончил жизнь самоубийством в каком-то небольшом поселке на побережье Норвегии (все точно, как у духа).

Когда мой дядя вернулся в Петербург, он разыскал в министерском архиве упомянутое прошение Лебендорф и сравнил его с записанным мною. Оказалось, что оба они идентичны, включая даже пометку царя, которую я с полной точностью репродуцировала, как искусный гравер или фотограф.

Был ли это дух миссис Лебендорф, водивший моей рукой? Или это был дух ее сына Ф., записавший через меня своим почерком его посмертные страдания?

Казалось бы, что все это было лучшим доказательством того, что человек живет после смерти и что он имеет возможность посещать после смерти землю и общаться с живущими.

Но в действительности это было не так.

Примерно через год после приезда моего дяди в Санкт-Петербург, когда возбужденные умы успокоились, Д., офицер, служивший в полку моего отца, приехал в Тифлис. Он знал меня еще пятилетним ребенком, играл со мной, показывал свои семейные портреты, позволял рыться в своем письменном столе, играть с письмами и т. д. Среди многих вещей он часто показывал мне миниатюру старой дамы с белыми локонами, в шляпе и в зеленой шали. Это была его старая тетя, и он дразнил меня, говоря, что однажды и я буду такой же старой и некрасивой.

Не стоит рассказывать всю эту длинную историю, короче говоря, Д. был племянником А., сыном ее сестры.

Он часто бывал у нас (тогда мне было четырнадцать лет) и однажды попросил, чтобы нам, детям, разрешили прийти к нему в гости. Мы отправились к нему вместе с гувернанткой. Над его письменным столом я увидела миниатюру его тетки — моего духа! Я совсем забыла, что когда-то в детстве видела ее, и узнала в ней того духа, посещавшего меня в течение шести лет и писавшего моей рукой.

«Это, это дух! — воскликнула я, пораженная. — Это миссис Текла Лебендорф». «Конечно, это моя старая тетя, но неужели ты помнишь те старые вещи, с которыми когда-то играла?» — спросил Д., ничего не знавший о моем духе.

«Я хочу сказать, что вижу вашу умершую тетю, если это ваша тетя, каждую ночь вот уже несколько лет, она приходит и пишет через меня».

«Умершую? — усмехнулся он. — Но она не умерла. Я только что получил от нее письмо из Норвегии», — и он стал подробно рассказывать о ней.

В тот же день мои тетки посвятили Д. в тайну моего медиумизма. Трудно передать изумление моих почтенных тетушек, неосознанных спириток.

Затем выяснилось не только то, что его тетя не умерла, но и сын Ф., больной рассудком, только пытался покончить с собой, его рану залечили, и в то время он работал в Берлине в какой-то конторе.

Но кто же был тот, диктовавший, кто давал такие точные сведения, например, о своей смерти, страдании сына после самоубийства и т. д.? Несмотря на полную идентичность, это не были духи достопочтенной миссис Теклы Лебендорф или ее неуравновешенного сына Ф., так как оба они были еще живы.

«Это дьявол», — сказали мои набожные тетки. «Дьявол, конечно», — подтвердил священник.

Один из братьев объяснил мне, что это была моя ментальная деятельность. У меня были врожденные сверхнормальные психические способности, хотя я тогда и не подозревала об этом.

Когда я играла с портретом старой госпожи, с письмами и другими вещами, мой пятый принцип (можно назвать его животная душа, физический ум или еще как-нибудь) читал и видел в них все в астральном свете. Все это запечатлелось в моей дремлющей памяти, хотя я не сознавала этого. После многих лет неожиданный случай, какая-нибудь ассоциация восстанавливала в уме связь с давно забытым, вернее — никогда сознательно не воспринятым. Мало-помалу ментал выследил эти видения в

астральном свете, втянулся в личные, индивидуальные ассоциации и эманации госпожи Лебендорф. И так как медиумический импульс был дан, ничто уже не могло его остановить, и ей надо было передать то, что она видела в астральном свете.

Необходимо вспомнить, что я была слабым и болезненным ребенком и обладала сверхнормальными психическими способностями, которые могли развиться при дальнейшей тренировке, но в том возрасте не использовались, не имея физической свободы между материей и духом. По мере того как я росла, набирая силу и здоровье, мой ум становился привязанным к моей физической оболочке так же, как и у других людей, и феномены исчезли.

Откуда такая точность, как смерть матери, самоубийство сына, его посмертные страдания, трудно объяснить.

Но с самого начала все вокруг меня были убеждены, что этот дух принадлежал мертвому человеку.

Кто был лютеранский священник, совершивший последний печальный обряд, я так и не узнала, — возможно, я слышала какое-то имя или прочитала о нем в книге, соотнесенной с обрядом похорон.

О самоубийстве, вероятно, было написано в письмах, или же оно предстало передо мной в астральном свете, и в моем сознании утвердилась его смерть. Несмотря на ранний возраст, я хорошо знала, каким грехом считалось самоубийство, и мой ментал подсказал его посмертные страдания. Конечно, не обошлось без Бога, Девы Марии и ангелов — таких привычных в нашем благочестивом доме.

Что было выдумкой, а что реальностью, я не сознавала. Пятый принцип трудился как мог, мой шестой принцип, или духовное начало, духовное сознание, еще дремал, а седьмой принцип, можно сказать, у меня в то время вообще не существовал».

Одно чрезвычайное событие, случившееся с Лелей в детстве, как бы доказывало невидимое присутствие ее Хранителя.

Все началось с того, что она решила получше рассмотреть портрет одного из предков.

Целая галерея сановитых особ, их жен, сыновей и дочерей украшала лестницу, ведущую на второй этаж и в гостиную. Эти люди из прошлых веков были ее близкими или дальними родственниками. Один из портретов, висевший высоко на стене, полностью закрывал лоскут материи. Поставив на большой стол маленький столик и взгромоздив сверху стул, она с трудом взобралась на это нелепое сооружение. Одной рукой опираясь о

стену, а другой придерживаясь за край ткани, девочка с трудом удерживалась на этом шатком помосте и в конце концов свалилась вниз. Что случилось потом, она не помнила. Скорее всего, какое-то время находилась без сознания.

Удивительно другое. Придя в себя, Леля поняла, что лежит на полу без малейшей царапины, а оба стола и стул стоят на прежних местах. О том, что она все же пыталась сорвать с картины покрывало, что это ей не приснилось, доказывали следы, оставленные руками на стене под портретом.

Второе странное событие приключилось во время занятий верховой ездой. Однажды в галопе лошадь сбросила ее наземь.

Поскольку нога девочки запуталась в стремени, ее некоторое время волочило по земле, и она неминуемо расшиблась бы, если бы какая-то неведомая сила не приподняла ее над землей и не остановила бы на скаку лошадь. Именно в тот момент на какую-то долю секунды она увидела своего спасителя: это был индиец в белых одеждах, в чалме, высокий и прекрасный. Прежде он являлся ей только в снах, а сейчас, как и надлежало доброму ангелу, возник в роковую минуту, чтобы спасти ее.

Спустя много лет после этого события Блаватская вспоминала, что после спасения она перестала чувствовать под ногами землю. Потрясенная случившимся, Леля опустила глаза и ахнула: она медленно поднималась вверх, словно за спиной у нее выросли крылья. Волна огромного, неизбывного счастья — нашелся человек, которому есть до нее дело, — подхватила и понесла ее в заоблачную даль, опровергая закон всемирного тяготения и доводы обыденного рассудка. Она обрела опору в самой себе.

Через девять лет Елена Петровна узнает его в лондонской толпе, он станет ее Учителем и откроет ей врата восточной мудрости. В своих сочинениях Блаватская увековечит его имя — Мория.

Ее дух воспарит, имея под собой твердую почву знаний.

Она познает способы, которые выведут ее из обыкновенного, нормального состояния.

…Посещение вместе с дядей Семипалатинска и его окрестностей в четырнадцать лет позволило заглянуть за черту горизонта культурного мира. На этой земле, граничащей с Сибирью и Монголией, Леля впервые услышала о волшебной стране Шамбале, о древних верованиях и обрядах. Эта культурная периферия стала перекрестьем нескольких религиозных дорог: староверческой, буддийской (в ее тибетском, ламаистском виде) и шаманистической. На последней, шаманистической, главным указателем была магия.

В скитах, ближе к Алтаю и на самом Алтае, можно было встретить старцев: беседы с ними позволяли понять, что во всех религиозных воззрениях есть нечто общее, важное для судьбы человека. Разные религиозные идеи соприкасаются друг с другом многими аспектами, но, чтобы осознать, в чем заключается это общее, в чем состоит скрытая в них истина, необходим универсальный ключ — эзотерическое знание.

По-видимому, зернышко этой крамольной идеи было уже посеяно в сознании четырнадцатилетней девушки, чему способствовали встречи со староверами. Старообрядчество хранило живое религиозное чувство: раскольнический религиозный дух отстоял свою независимость, не поддался диктату государства. Раскольническая идея существования людского сообщества, в котором царят справедливость и добро, идея Беловодья, града Китежа соприкасалась с ламаистской идеей существования другой волшебной страны — Шамбалы.

Возможно, название «Шамбала» восходит к имени Бога Шивы — Шамбху, высочайшего существа в индуизме, олицетворяющего созидающие и разрушающие силы в универсуме, и к санскритскому слову «алай» — «обитель». Но имеет хождение и другая этимологическая версия этого понятия, возводящая его к санскритскому слову «шамбари», что означает «волшебство», «колдовство», откуда и перевод — «волшебная страна».

Похоже, что путешествие в Семипалатинск и его окрестности подвело черту под детством и отрочеством Елены Петровны. Началась другая, взрослая жизнь, отягощенная трудностями становления ее личности и обретения общего языка с окружающим миром. Пришла зрелость.

На пороге взрослой жизни

В январе 1846 года дедушка Андрей Михайлович Фадеев получил новое назначение — управляющий государственными землями в Закавказье. Ее отец, как всегда, находился где-то далеко, на очередных учениях. Теперь он был в чине ротмистра — сорокасемилетний красавец с седыми висками и мужественным лицом.

Дедушка, бабушка и тетя Надежда немедленно отправились в Тифлис, как только получили известие о новом назначении. Леля, Вера и Леонид были оставлены на попечение тети Кати и ее мужа Юлия Федоровича Витте. Они переселились в загородный дом за Волгой. Как и в прежние времена, ее неотлучно пасли две гувернантки.

В конце мая 1847 года они стронулись с насиженных мест — отправились в Тифлис. Путь оказался долгим, но не изматывающим и не однообразным. Сначала поплыли пароходом «Св. Николай» от Саратова вниз по Волге до Астрахани, затем другим военным кораблем «Тегеран», испускавшим густые клубы дыма, — по Каспийскому морю и с остановками в Петровске и Дербенте доплыли до Баку, а потом уже на перекладных по Военно-Грузинской дороге добрались до самого Тифлиса. Эта дорога заняла около двух месяцев.

Внешне Ляля изменилась к лучшему, превратилась в миловидную барышню-блондинку со здоровым цветом лица. В то время в моде были бледные или со слабым румянцем лица, прямой лоб, малоразвитые скулы, тонкая кость, маленькие руки и ноги, томные или страстные глаза. Грациозность в ней отсутствовала, но зато переполняли энергия и жажда любить и быть любимой. Теперь она вполне соответствовала своему имени Елена — избранная, светлая.

Одетая в белый батистовый пеньюар, утопая в пене кружев, она пила маленькими глотками из изящной чашечки шоколад и делала вид, что над чем-то напряженно размышляет. Наскоро покончив с завтраком, взяла книгу и раскрыла то место, которое с вечера заложила бисерной закладкой. Это была «История Лигурии со всеми достопамятными происшествиями, тамо бывшими». Книга редкая, напечатанная в 1781 году в типографии масона Николая Новикова. Она еще раз прочитала отмеченное: «Сохраните в глубине вашего сердца сию ревность к вольности: ибо она, будучи спомоществуема мужеством и храбростью, преодолевает наконец все препятствия и неудобства; предки ваши, не успев в своем намерении, оставили вам приобретать сию бессмертную славу».

Как ей не хватало вожделенной свободы!

Она с нетерпением ждала, когда ее освободят от всей этой галиматьи — опеки гувернанток, экзерсисов и немецкой грамматики.

Дом, который они занимали, был очень нарядным. В нем почти всегда царила праздничная атмосфера, особенно по вечерам, когда зажигались канделябры, лампы и кенкеты. В полумраке неслышно передвигались слуги, таинственно выступали из темных ниш кружевные занавеси, неожиданно расцветали цветы на окнах, мерцали, соблазняя, большие зеркала с подзеркальниками. Навощенные паркетные полы отражали это великолепие жизни и словно двумя руками отталкивали громоздкую черную мебель, которая давила на них бесцеремонно и основательно. Маленькие язычки свечей зябко поеживались,

временами радостно взвиваясь вверх.

Они жили все-таки в необыкновенном месте — в бывшем доме князя Александра Герсевановича Чавчавадзе, известного грузинского поэта, чья старшая дочь Нина вышла замуж за Александра Грибоедова, растерзанного чернью в Тегеране.

В Тифлисе их приняли гостеприимно, затаскали по гостям, приветили и обласкали с обычным грузинским перебором.

Ее разбирало любопытство. Она прислушивалась в одиночестве к огороженному многими стенами пространству дома, надеясь услышать что-то из его прежней жизни, какую-нибудь захватывающую романтическую историю. Она догадывалась, что необыкновенная тревожная тайна существует в любви Грибоедова и Нины Чавчавадзе. Эта тайна давила на новых домочадцев, создавала в их взаимоотношениях небывалую прежде, странную натянутость. Какое-то всепрощающее сострадание и безмолвная скорбь охватили дом, и всего хуже было то, что никто из взрослых не решался рассказать ей хотя бы часть правды. Словно сговорившись, они заводили с ней речь о посторонних предметах, но о самом главном, о том, что ее интересовало более всего, молчали.

— Леля! — вдруг послышался из гостиной нетерпеливый голос бабушки Елены Павловны. — Иди сюда! Поговорим.

Ее внешние отношения с бабушкой за последние несколько дней изменились к лучшему. Она старалась выглядеть воплощенным смирением. Кажется, только и была занята одной мыслью: как бы сдержаться и не нагрубить кому-нибудь из окружающих. Особенно ее выводила из себя гувернантка, которая как-то сказала, что барышне с ее взбалмошным характером ни за что не выйти замуж, даже за какого-нибудь общипанного ворона.

— Леля, о тебе ходят неблагоприятные слухи, — сказала бабушка. — Говорят, что ты между делом оскорбляешь достойных людей.

Она вспыхнула и возразила:

— Если ты имеешь в виду это чучело в гусарском мундире, то что ему ни говори, как о стенку горох.

— А зачем ты подпевала князю Владимиру Сергеевичу Голицыну двусмысленный куплет? Даже что-то от себя досочинила.

— Ах, бабушка, он такой большой, толстый и веселый. Настоящий светский лев. Мы от души веселились, и я позволила себе импровизацию. Было, право, очень смешно. Всем понравилось, кроме одного человека, который тебе об этом пении донес и все извратил. Не слушай шпионов, милая бабушка! Они пакостные и завистливые люди. Я отправила бы их всех на Луну.

— Ты опять, Леля, придумываешь невесть что, — сказала бабушка, расстроенная тем, что их разговор вошел не в то русло, а внучка и на этот раз перехватила инициативу. — Ты лучше чаще общалась бы с сыновьями Алексея Петровича Ермолова. И вообще посмотри вокруг себя. В Тифлисе столько достойный молодых людей из лучших русских семейств.

В этом бабушка была права. Под знамена войны на Кавказе собрался цвет русской дворянской молодежи.

Она тоже хотела принести себя в жертву. Удивить всех своим выбором. Может быть, ей подойдет Никифор Васильевич Блаватский, который некоторое время служил чиновником по особым поручениям в канцелярии тифлисского губернатора? Он превосходил ее годами, но не в возрасте было дело. Это был скромный, ничем не отличавшийся чиновник. Во всяком случае, неравная пара для нее, девушки из известной, высокопоставленной семьи. Однако последнее обстоятельство ее как раз и устраивало.

От бабушки она унаследовала твердость характера и властность, от отца — горячность и простодушие, от матери — мечтательность и нежность. Они, ее близкие, внушали ей отвращение к той светской жизни, которая велась вокруг и которую они, по своему общественному положению, обязаны были поддерживать. Получалось, что идеалы сами по себе, а жизнь сама по себе.

Не могли старшие понять того, что ее разрывало на части. Гул балов стоял в ушах, там было так весело, и ее неудержимо тянуло туда. В то же время она ясно осознавала, что стоит увлечься светским образом жизни, и навсегда произойдет разрыв с видениями и внутренними голосами. Она не знала удержу расходившейся фантазии, звала своего Хранителя, но он куда-то исчез. Ей была необходима твердая рука, которая привела бы в порядок ее мысли.

Ни мнение света, ни предрассудки общества не в силах были остановить Елену Петровну на пути к духовному совершенству и обретению чуда. Это было у нее в крови — поступать наперекор здравому смыслу.

Ее прабабка, французская аристократка, бросив детей и любящего мужа, умчалась на двадцать лет неизвестно куда и непонятно с кем. Никто не смог объяснить, почему она это сделала. Только Леля догадалась, примерив прабабкин поступок на себя. Ее прабабка, как и она, получала сообщения оттуда — из космических глубин, из неизведанных далей — и неукоснительно им следовала.

Она давно уже видела жизнь своей семьи в ином свете. В

Тифлисе избегала разговоров даже с сестрой Верой и тетей Надеждой. Опасно было с ними откровенничать. Бесшабашно веселая жизнь обтекала ее, не завлекая в свою пучину. Несколько раз она пропустила балы, сославшись на невозможность выходить туда в глубоком декольте. Ведь не пристало ей, девушке, появляться почти голой перед чужими людьми. С этой ее причудой близкие, кажется, смирились. Надолго запомнился им тот невероятный случай, когда она, наотрез отказавшись появляться полураздетой соответственно моде на большом балу у царского наместника, умышленно сунула ногу в кипящий котел и шесть месяцев провалялась в постели.

Спустя много лет Елена Петровна заявляла, что всегда ненавидела наряды, украшения, цивилизованное общество, балы и парадные залы.

И все-таки это была полуправда.

Совершеннейшей неправдой было ее признание, сделанное лет в пятьдесят. Она утверждала, что если бы в юности какой-то молодой человек посмел заговорить с ней о любви, она застрелила бы его, как бешеную собаку.

Встречи с князем Александром Голицыным Елена Петровна вспоминала последовательно, день за днем, со всей яркостью всплывающих из прошлого картин и отчетливостью ощущений. Знакомство с князем было, кажется, первым важным событием в ее почти взрослой жизни. Александр Голицын казался ей лучшим из всех людей, которых она встречала. Как долго сердце ее искало привязанности, и наконец-то, похоже, ей повезло.

До девяти лет, как она признавалась, ее единственными «нянями» были артиллерийские солдаты и калмыкские буддисты. У одних она научилась уверенно и лихо сидеть в седле, у других — долготерпению и мудрости.

В седле она дышала свободнее. По утрам выбирала из конюшни самого норовистого вороного жеребца и чуть ли не с места пускала его в галоп. Ей нравилась бешеная скачка, когда распущенные светло-золотистые волосы, откинутые назад с выпуклого лба, развевались и трепетали от встречного ветра. Поездки верхом словно охлаждали в ней снедающий жар затронутого честолюбия и непомерной гордыни.

Она, взволнованная, неслась на лошади, не разбирая дороги. Все чаще и чаще жеребец переходил на шаг, копыта вязли в сплошном месиве грязи. Небо тяжелой попоной спустилось на землю, тучи обложили вершины гор. Издалека слышны были раскаты грозы. Она не замечала пронизывающего ветра. За склоном горы показалась старая церковь, сложенная из грубых, необтесанных камней. Она пришпорила коня, взметнув с земли

целую стаю ворон: их всполошенный грай заставил ее вздрогнуть и осмотреться.

Он складывал на площадке перед церковью дощечки, тонкие веточки и плоские камушки. Выстраивал их в шеренгу, столбиком, что-то бормотал себе под нос, не обращая на нее никакого внимания. Лицо то расплывалось в улыбке, то, вспыхивая, искажалось гримасой недовольства.

Какой странный юноша! Они знали друг друга, встречались на балах у его родственника, царского наместника на Кавказе. Похоже, он совершал какой-то ритуал, ей непонятный.

Позднее Елена Петровна познала смысл таинственных манипуляций Александра Голицына, но навсегда схоронила эту тайну под тяжелой могильной плитой земной суеты.

Она подозревала, что в Тифлисе сохранились толкователи удивительных и загадочно-чудесных фактов и явлений, бесстрашные первопроходцы непознанного, рисковые ныряльщики в бездонные глубины сверхъестественного. На зыбкой почве предположений и догадок строили они Соломонов храм мудрости.

Неужели этот юноша был одним из тех, кого она долго и безуспешно разыскивала? Что заставило его ворожить у спрятанной в горах старинной церкви? Каприз светского человека или магическая необходимость? Ее вернул в реальность глубокий взгляд юноши.

— Какая приятная неожиданность, какая радость, мадемуазель! — произнес молодой князь, слегка картавя на французский манер. — Поверьте, я уже давно мечтаю поговорить с вами не на ходу, а основательно.

— Так в чем же дело, князь? Судьба, как видите, дарит нам такую возможность. Если вы, конечно, тот самый князь Александр Голицын, сын Владимира Сергеевича, а не его двойник, не мираж, не фата-моргана?

Она любила кольнуть без всякого заднего смысла, исключительно себе в удовольствие.

— Какое счастье встретить вас здесь! — Он продолжал отпускать комплименты. — Я буду откровенен — вы давно занимаете мои мысли. Прошел уже месяц, как я впервые увидел вас на балу, и не в состоянии забыть эту встречу. Я мучаюсь в догадках по поводу ваших необыкновенных способностей, — продолжал между тем князь. — Кое-что до меня доходит. Правда ли, что вы сомнамбула и к тому же ясновидящая?

Она не сводила с него вдумчивый взгляд, восхищаясь им с той девической непосредственностью, которая возможна только в этом возрасте. Что-то торжественное и загадочное было в его

лице, жестах, во всей фигуре. Не получив ответа, князь Голицын продолжил:

— Извините, может быть, мой вопрос покажется вам бестактным. Но если в вас есть этот талант, его необходимо развивать. И я готов тому поспособствовать.

«Он все-таки чересчур самонадеян и очень в себе уверен», — заключила она, внутренне ощущая манящую, исходящую от него силу. Силу, окутанную властной и сладостной тайной.

— Вы, конечно, слышали об Атлантиде? О ней упоминал еще Платон. Находятся люди, которые считают миф об Атлантиде вздорной сказкой, в лучшем случае — занятной легендой. Что же касается меня, само это слово вызывает во мне трепет. Не стоит бояться легенд. Они — противоядие засасывающей скуке жизни. Вы верите, что существует неумирающая, проходящая через столетия память поколений?

— Да, — чуть слышно отозвалась она. — Я знаю об этом.

— Вообще-то настоящие открытия строятся не на логике, а на откровении, на догадках и домыслах, на снах, в конце концов. Вы согласны со мной?

Она утвердительно кивнула.

— Память поколений, — тихо проговорил князь, — обширнее и точнее всего, что написано рукой человека. В какой-то степени эта память отражается в преданиях, заговорах и поверьях, в мифах и сказках. Но лишь частично. Преемственность тайного знания сохраняют, берегут от уничтожения временем посвященные: от жрецов Атлантиды и греческих иерофантов — до египетских коптов и индусских святых.

Она взглянула на него с легким беспокойством и простодушно спросила:

— Князь, вы маг?

Он не ответил, пристально изучая комбинацию веток и камней, лежащую в неподвижности. Эта застылая неживая груда вдруг сдвинулась и затрепетала неожиданно и тревожно.

— Я масон, — признался князь Александр Голицын.

За церковными стенами вовсю громыхала гроза. Отсветы молний падали на иконостас, и лики святых оживали в полумраке.

— Я убежден, что где-то на земле уцелели потомки атлантов. Не все же они погибли? — неожиданно сказал князь Голицын. — Вот мы, масоны, и ищем следы таинственных доисторических цивилизаций, стоявших на высокой ступени духовного развития.

— Конечно, кто-то же должен сохранять память о минувших веках и открывать людям глаза на их прошлое, — подтвердила она, вся превратившись в слух.

— Атлантида, как вы знаете, была огромным материком, размерами больше Азии и Аивии, вместе взятых. Катастрофа случилась в связи с каким-то космическим катаклизмом, чему предшествовали мощнейшие землетрясения. Разверзлась земля, и богатая цветущая страна провалилась на дно моря. — Он говорил уверенно, без тени сомнения в голосе, словно был уцелевшим свидетелем происшедшего. — Сообщение Платона об Атлантиде облечено в форму мифа о «Солнечном острове», на котором в далекие времена процветало могущественное государство Солнца с развитым культом бога морских пучин Посейдона и авторитетной теократией. И Христофор Колумб, и испанец Писсаро усматривали остатки погибшей в океанской пучине Атлантиды в открываемых ими землях.

— Князь, я поняла, что Атлантида существовала в те времена, когда человечество было единым, не разделенное географически и этнографически. Отсюда и общая форма пирамид, и совпадение многих культов, религиозных эмблем и символов у разных народов.

— Вы умница! — сказал Голицын. — Вы достаточно образованная девушка и должны поэтому знать об удивительном сходстве в названиях явлений и символов культа, например, у семитов Передней Азии и тихоокеанских полинезийцев. Должен заметить, вопросов, связанных с Атлантидой, возникает довольно-таки много. Археологи постоянно обнаруживают свидетельства очень древней и высокой культуры. Я убежден, что это следы Атлантиды. Она располагалась, вероятно, на материке между Европой и Америкой. Нетрудно обнаружить теснейшую связь между средиземноморской культурой, с одной стороны, и мексиканской и перуанской — с другой.

— Князь, а могла Атлантида погибнуть в результате вулканической катастрофы? — подала она голос.

— Меня в большей степени интересуют не причины, приведшие к гибели Атлантиды, а существование людей, которые сумели предвидеть эту катастрофу и предпринять меры для своего спасения, — ответил Голицын. — Ведь, спасая себя, они спасали те знания, которые веками, а может, тысячелетиями накапливала цивилизация атлантов.

Ей нравилось обращать на себя внимание. Никифора Васильевича Блаватского она встретила не на балу, а у себя в доме, в непринужденной обстановке. Она помнит свое белое кисейное платье. Волны золотистых волос схвачены, словно закованы в берега, черепаховым гребнем. Они вышли на балкон, залитый лунным светом, и она поняла: это случилось.

«С этим человеком она на какое-то время свяжет свою судьбу»

— прозрение было смутным, но прочным.

Никифор Васильевич при первом же их разговоре поддержал ее интерес к египетским тайнам, обещал подарить редкие книги по алхимии и масонству.

Тетя Екатерина Андреевна Витте грозила отдать ее на год в монастырь для укрощения строптивого нрава. Блаватский же по делам службы собирался на короткий срок в Персию. Она вспомнила Грибоедова, и сердце заныло от жалости: «А что, если его тоже убьют?»

Нужно было что-то решать, что-то предпринять, дать понять этому скромному порядочному человеку, что он не одинок, что она ценит его благородную душу, что его ждут и он должен обязательно вернуться живым. Лицо ее просветлело, и, склонившись к Никифору Васильевичу, она едва слышно прошептала: «Берегите себя в Персии. Вы мне нужны!»

Ей казалось, что она чуть-чуть полюбила Блаватского и этого «чуть-чуть» достаточно, чтобы вырваться из-под опеки семьи, обрести долгожданную свободу. По прошествии некоторого времени она свыкнется с мужем, а он, в свою очередь, не станет мешать ее мистическим опытам. Врата, за которыми маячила ее свобода, скрипнули, с трудом сдвинувшись на заржавленных петлях с места, и приоткрылись.

Сердце ее вскоре отозвалось, откликнулось на душевное тепло Блаватского. Исключительно ради нее тянется он к их семье. Чуть ли не каждый день здесь бывает. Никому и в голову не приходило, что у него столь серьезные намерения. Человек в возрасте — тридцать девять лет. Ну и пусть думают, что хотят.

У нее свои резоны: она увидела в нем черты Грибоедова, блистательного дипломата, поэта, напористого администратора. В себе она узнавала Нину, хрупкую фантазерку, избалованное дитя света.

Они тоже встретились в Тифлисе, как Грибоедов с Ниной. И она, как и Нина Чавчавадзе, бесповоротно решила отдать свое сердце человеку вдвое ее старше. Да и мама была вдвое моложе отца. Видно, в их семье так уж повелось.

Дело теперь было только за ней.

Окончательному решению о ее замужестве способствовал разговор с княгиней Воронцовой. Они встретились на балу, данном ее мужем, наместником на Кавказе, по какому-то значительному поводу. Она не помнила, что это был за повод, но разговор остался в ее памяти на всю жизнь.

— Вы хорошеете с каждым днем, Елена, — сделала ей комплимент княгиня, — и так стремительно повзрослели. Ну просто девушка на выданье.

Она скромно потупила глаза, ничего не ответила.

— Я слышала, что к вам сватается Никифор Васильевич Блаватский. Это на самом деле? Не стоит ему отказывать. Лед и пламень порой рождают дивные вещи. Блаватский — порядочный человек и будет вам предан до гроба. Настоящие женщины выбирают мужей, которые будут им служить. Все мужчины — наши слуги! — закончила речь княгиня Воронцова, одарила ее улыбкой и поспешила к вошедшему в залу князю Владимиру Сергеевичу Голицыну.

Через месяц по возвращении Блаватского из Персии состоялась их помолвка.

Нельзя сказать, что близкие возрадовались столь неожиданному повороту событий. Конечно, дел и забот прибавилось, но это все были приятные хлопоты. Дедушка генерал Фадеев, использовав свои обширные связи, добился для Блаватского назначения вице-губернатором Эривани — вновь образованной на Кавказе провинции. Для скромного чиновника это была сногсшибательная карьера.

Дедушка и бабушка дали согласие на брак исключительно чтобы спасти положение, разом прекратив наговоры и слухи.

А несколько дней спустя после помолвки она уже снова спешила на тайное свидание за городом с князем Александром Голицыным.

Князь поджидал ее там же, у церкви, держа в руке шляпу.

— Вы, мадемуазель, сошли с ума, — сказал он, помогая ей сойти с лошади. — Зачем вам всю жизнь держать на привязи маленького человека? Рано или поздно он споткнется, упадет и вас за собой потащит. А эта его огромная охрана из курдских «нукеров»! Он, право, смешон. Вот уж и вправду из грязи в князи.

— Я его пожалела, — возразила она, — он бывает таким милым. Вы к нему не совсем справедливы. Он уважает мою любовь к восточной мудрости. Подарил редкие книги и два шлифованных камня с арабской надписью. К тому же княгиня Воронцова считает, что брак с Блаватским окажется удачным. Он с моей помощью далеко пойдет.

Он был с ней строг, в голосе его зазвучали властные нотки.

— Насколько мне известно, свадьба состоится в конце июня или начале июля. Я должен дать вам совет: уговорите дедушку ее отменить. Если же он откажется, тогда остается бежать на Восток. Я, между прочим, сам туда собираюсь. У меня есть адрес египетского копта, выдающегося оккультиста. Его зовут Паоло Ментамон. Он ждет меня.

— Князь, возьмите меня с собой, — вдруг вырвалось у нее совершенно неожиданно, так, что она сама испугалась своей

просьбы.

— Я знаю, что туда собирается ваш добрый друг — графиня Киселева, — продолжал Голицын. — Девушке больше пристало путешествовать с дамой, чем с мужчиной, уж поверьте мне. Я предлагаю следующий план. На днях я уезжаю в Египет и там жду вас и графиню Киселеву. Советую плыть до Константинополя, а оттуда проще простого добраться до Египта. Как память о себе дарю вам крест-тау, древнеегипетский символ бессмертия, знак планеты Венера.

Она с благодарностью взяла из его рук крестик, по форме напоминавший букву «Т» с овальным ушком.

Ее согласие на брак с Блаватским было импульсивным решением. Однако сделать такой отчаянный шаг, как можно предположить, вынудил ее ряд чрезвычайных обстоятельств. Во-первых, это был явный вызов гувернантке-француженке, которая допекала ее постоянными намеками, что она далеко не красавица и должна приготовить себя к участи старой девы. Во-вторых, тетя Екатерина Андреевна взялась за приготовления к свадьбе племянницы с такой расторопностью и энтузиазмом, что погасить этот предсвадебный ажиотаж, казалось, не хватило бы никаких сил. В-третьих, ее горячо любимый отец, который годами жил от нее отдельно и представлялся ей вдовствующим страдальцем, как раз в это время женился вторично на красивой и молодой графине Ланге. И наконец, в-четвертых, на нее ошеломляюще подействовала поездка Блаватского в Персию и разговор с княгиней Воронцовой. Последнее обстоятельство и было, вероятно, решающим в ее выборе.

Сестра Вера вспоминала:

«Это замужество всех удивило, а близких ей даже огорчило, тем более что из обращения Елены Петровны с ее женихом было видно, что ни привязанности, ни уважения к нему, ни даже жалости в ней нет…

Так оно и было: ей нужна была лишь «свобода», надо было вырваться из родного дома, найти самостоятельность. Со свойственной ей откровенностью она даже не затруднялась говорить своим близким, выражавшим удивление по поводу такого выбора, что *другого* ей было бы жалко, а *этого* она жалеть не будет…

Недоразумение, порожденное этою откровенностью, разъяснилось, когда через несколько месяцев после свадьбы Е. П. Блаватская неожиданно возвратилась к родным, объявляя, что жить с мужем не может, что едет к отцу, который ее встретит в Одессе. Она точно поехала Рионом и Черным морем (в то время не было железной дороги, ни даже прямого сообщения с

Одессой), но доехала только до Керчи, откуда пересела на пароход, шедший в Константинополь, и на несколько лет исчезла бесследно, даже для самых ей близких людей».

Историческая справка о масонстве, без которой многое в мистической деятельности Е. П. Блаватской будет читателю в дальнейшем непонятно

Масонство представляет собой особую систему моральных принципов, воплощенных в аллегории, образы, символы, которым дается гностическая, деистическая или христианская интерпретация. Вне всякого сомнения, масонство устремлено, повернуто к Востоку, ибо с помощью восточной мудрости надеется вновь обрести, понять и заново оценить предвечные и исконные черты человеческого духа. Однако увлеченность Востоком не дает особых оснований считать масонство социокультурным образованием, изначально враждебным русской национальной традиции.

Масонские тайны — это лишь проекция на экран современной национальной культуры того весьма отдаленного прошлого человечества, когда оно, как считают масоны, не было разделено географически и этнологически и поэтому обладало высшей целокупной мудростью.

Прямым желанием, верой масонов является то, что всем людям необходимо приняться за работу по строительству Храма Человечества, где будет возрождена память о прошлом. Храм Человечества — это Храм Духа, а его всемогущий архитектор — Бог Любви. Веру масон должен выстрадать в неустанном движении к добру. На этом тернистом пути смерть всего лишь этап к высшему свету. Путь к добру — это путь к прошлому, дорога в золотой век человечества.

Достижение великой цели требует от масона не только моральной выдержки и мужества, но и веротерпимости. Масонство не выдвигает общего положения религиозной веры, поскольку форма, в которой осуществляется мистический акт — воссоединение Духа и Мира, гармония макро- и микрокосмов, — может быть разнообразной.

Большое значение масоны придают другому аспекту своего мистического акта — воспоминаниям или переживаниям всей предыдущей истории Духа, воссоздания с помощью художественного сознания, а проще говоря, фантазии (которая есть не что иное, как прапамять) всей цепочки бесконечно долгого перерождения души.

Чем дальше масонство уклоняется от земного, тем больше оно приближается к созданию той системы идей, совокупность которых получает название «теософии» («богомудрия») или «антропософии» («человекомудрия»). Недаром императивное «я» масона-иерарха или масона-художника превращается в высшую мудрость творческого духа.

К этому следует, конечно, добавить, что орден вольных каменщиков развился из строительных корпораций, лож строителей, со своей системой паролей и символов, которые с XVII века постоянно подвергались идеологизации и превращались в школы морали. Естественно, в ходе такого преобразования старая строительная символика перетолковывалась в этическом смысле.

Однако не только символизация реалий стро-ительнои техники легла в основу эзотерического языка масонства. Чтобы понять те или иные толки масонства, необходимо быть сведущим и в истории религий, и в истории культуры, как западной, так и восточной. А все потому, что в доктрины масонства входят фрагменты и обрывки многих культурно-религиозных систем. На идеологию масонства повлияли школы мистерий, пифагорейцы, митризм, египетское жречество и его обрядовая практика, ессеи, друиды с их тайнами, каббала, средневековая алхимия. В своей организационной структуре масоны многое позаимствовали у христианских рыцарских орденов, в частности, у ордена тамплиеров (храмовников), а также у арабских тайных обществ.

Что еще следует сказать о масонстве? Может быть, имеет смысл четче обозначить основные периоды его истории. Достоверно известно, что вследствие упадка церковного строительства первые почетные члены были приняты в строительную ложу в Эдинбурге в 1600 году, а в 1717 году представители четырех масонских лож собрались в лондонской таверне с единственной целью — образовать Великую ложу Англии.

А через двадцать один год после этого знаменательного собрания папа Климент XII запретил католикам вступать в любые масонские ложи. В своей булле он осуждал масонов за религиозный индифферентизм, натуралистичность многих обрядов, требование клятв с вновь поступающих и предостерегал о той опасности для церкви и государства, которая, возможно, исходит от масонов. Каноническое право римско-католической церкви, действовавшее вплоть до 1984 года (канон 2335), под страхом отлучения запрещало католикам членство в ложах и масонских организациях.

Вполне понятно, что в масонских организациях часто царит

антикатолическая атмосфера. Однако ничем не отличались от католиков в отношении к масонам и протестанты. В протестантских государствах масоны были запрещены: в Голландии в 1735 году, в Швеции — в 1738-м, в Баварии — в 1784-м, в Австрии — в 1795-м. И в XX веке масонство находилось вне закона во всех тоталитарных государствах. Так, Гитлер, Муссолини и Сталин конфисковали здания лож и распустили их.

Масоны, напротив, оказались более толерантными, хотя в масонские ложи в католических странах привлекают обычно свободомыслящих граждан и антиклерикалов, а в Англии, Северной Европе и США члены лож рекрутируются в основном из протестантов. В масонскую ложу, таким образом, могут входить представители любых религий. Это с одной стороны, а с другой — как только французская ложа «Великий Восток» в 1877 году упразднила требование веры в Бога и бессмертие души, с ней немедленно разорвала всякие отношения Великая ложа Англии, а также ее филиалы. Несмотря на то, что в англо-американских ложах на алтарь кладут Библию, клятва вступающего может быть принесена на Коране, Ведах и другом священном тексте по выбору.

Все эти исторические факты достаточно красноречиво свидетельствуют о внешней стороне существования масонства в христианском мире, однако мало что говорят об основных чертах его внутренней жизни, особенно о том, что составляет великую тайну масонства. Связана ли эта тайна с магическим опытом гроссмейстера ложи, сверхгения, или же познается через самоутверждение своего божественного «я», через выявление мощи творческой воли, через экстаз Духа, открывающего и переживающего свою сущность, — эти вопросы сами по себе затрагивают сферу эзотерического, и потому ответы на них — тайна за семью печатями.

Основные черты масонства называются вехами или шагами. Властью иерархов масонства устанавливается их число, которое обычно колеблется от 15 до 60.

Эти вехи включают в себя: методы узнавания, трехстепенную систему, включающую посвящение градуса Королевской Арки, легенду о Хираме, сообщаемую при посвящении в третий градус, право любого масона посещать любую регулярную ложу в мире, веру в Бога и бессмертие души, свод священного закона (обычно Библию), равенство масонов в ложе, символический метод обучения.

Масоны объявляют духовными центрами Египет и Индию, хотя идеология (мистика, обряды) масонства родилась и оформилась в Англии, Франции и Германии. Именно из этих

стран Западной Европы масонство в различных своих системах и ипостасях расходилось в окружающие страны, вплоть до России.

Во все эти страны масонство несло как свой стиль духовного поведения, так и определенный идеал жизни.

В России масонство между тем приобрело особенные специфические черты. Так, известная исследовательница русского масонства Т. А. Бакунина подчеркивала их лояльность как по отношению к русской православной церкви, так и по отношению к государству. Она утверждала, что русское масонство в XVIII и XIX веках преимущественно не было тайной политической организацией. Цели и стремления большинства русских масонов не выходили за рамки нравственного самоусовершенствования в русле масонского миропонимания. Недаром те русские масоны, которых интересовали исключительно религиозно-нравственные искания, каким-либо преследованиям со стороны правительства не подвергались.

Масонство оставило неглубокий след в политической истории России. Может быть, поэтому о нем писали сравнительно мало.

Масонство обладает всеми признаками и атрибутами религиозного культа: храмы, алтари, молитвы, моральные кодексы, облачения, служба, наказание или награда после смерти, иерархия, вступительные и похоронные обряды. Однако центральные христианские мифы в культовой практике масонства считаются неприемлемыми для обсуждения, неверно интерпретирующими истину, периферийными.

Кандидат в масоны при вступлении в ложу ищет «света», и его уверяют, что не христианская церковь, а ложа способна дать ему этот свет духовного наставления. Ему внушают, что если его жизнь будет подчинена моральным принципам масонства, то в подобном случае ему уготована ложа небесная. Может быть, в связи с этим обещанием «небесного рая» у некоторых протестантов создается искушающе обманчивое впечатление, что масонство — христианское начинание. О переоценке христианских ценностей в масонстве свидетельствует, например, тот факт, что упоминание имени Иисуса Христа в масонской молитве запрещено как оскорбляющее чувства братьев нехристиан.

Все это в достаточной мере известно. Куда меньше известно о связях и отношениях традиционного и теософского масонства. Мы знаем, что смешанные (то есть с участием женщин) ложи теософского масонства были основаны Анни Безант — преемницей Е. П. Блаватской, они до сих пор существуют в Англии, Канаде, Австралии.

Следует остановиться на характеристике антропософии, религиозной системе, развитой Р. Штайнером (1861–1925) из исходных теософских постулатов. Она считается средством подлинного познания и окончательного освобождения от порабощенности материальным миром. Как теория познания, антропософия утверждает, что человек изначально был приобщен к духовному сознанию Космоса и его нынешний способ познания — не более чем мимолетний отзвук его первоначальных возможностей. Утерянную интуицию в какой-то степени возможно восстановить с помощью тех средств и путей, которые предлагает антропософия. В метафизическом аспекте антропософия утверждает существование духовных миров, которые более реальны, чем материя, и познаваемы при условии пробуждения высших сил, дремлющих в человеке.

Как следует из названия, антропософия постулирует «мудрость человека» и предполагает двойственность личности, состоящей из низшего «я», которое познает, и высшего «я», которое познается. В этом смысле антропософия не отличается от философского индуизма, в котором Брахман отождествляется с Атманом, а все человеческие устремления к божественному становятся потребностью в самопознании в глубочайшем онтологическом смысле. Чтобы достичь конечной мудрости, антропософия требует определенных физических, умственных и духовных упражнений. «Посвященный» становится учителем ясного видения, приобретая сверхчувственные способности к восприятию, хорошо известные в буддийской психологии.

По мнению Штайнера, существуют черная и белая формы магических изысканий. Он относил неоязыческие учения к продуктам темного мира Зла и говорил об опасности «демонического» века. В своем собственном учении он старался утвердить мораль, позволяющую «посвященным» пользоваться только добрыми силами. Он хотел создать общество благодетелей. (Естественно, нацисты сразу сочли его врагом номер один.)

Центром антропософии, в отличие от теософии, становится Христос. Значение Христа для Р. Штайнера решающе и основоположно. Христос, по Р. Штайнеру, не один из архатов (учителей, или аватар-воплощений), как утверждала Е. П. Блаватская, а единственная аватара или божественная манифестация великого солнечного существа. Христос воплотился на земле затем, чтобы избавить человеческий род от саморазрушения.

Остается подытожить, что Фридрих Риттельмейер, в прошлом евангелический пастор, попытался соединить антропософию с

христианством, реорганизовав существовавшие антропософские общества в христианские братства и создав особые священницы для исполнения ритуалов. Богослужение было создано им по образцу католической мессы, но тексты молитв наполнены идеями Р. Штайнера. Разумеется, антропософия была осуждена католической церковью. Это произошло в 1919 году.

ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Первые опыты вожделенной свободы

Молодой князь Голицын по происхождению и воспитанию принадлежал к масонской среде и до тонкостей овладел королевским, царственным искусством франкмасонства. Князь чуждался шума света. По мере возможности находясь в уединении, он взращивал в себе нежные ростки любви к человечеству.

После 14 декабря 1824 года масонские ложи в России были воспрещены. Между тем масонство, уйдя в тень, сохранялось как определенная система этических правил и взглядов. В межличностных отношениях столбового дворянства масонские ценности значили многое.

Масоны работали над восстановлением и реальным выражением чисто человеческого первообраза, который был до неузнаваемости искажен, как им представлялось, вследствие многовековых идеологических раздвоений и общественных катаклизмов. Дело оставалось за малым: восстановить этот прообраз сперва в тесном кругу масонского братства, а затем уже сделать его доступным всему человечеству как эталон высоконравственной и духовно осмысленной жизни.

Человеческому сообществу недоставало любви к себе подобным. Того же не хватало и ей, Елене Прекрасной, взбалмошной и амбициозной девушке! Надо было кого-нибудь полюбить для того, чтобы преодолеть этот мировой холод и всеобщее безразличие людей друг к другу. Надо было на чем-нибудь остановиться, дабы вконец не растеряться и не впасть в отчаяние.

Настоящая, безусловная правда существовала в глубочайшей древности. Великие несчастья отделили многие, в том числе и нынешние, поколения людей от этой правды. Однако ничего не может бесследно исчезнуть. От материков остаются острова, от умерших языков — слова, от исчезнувших народов — мудрость их гениев.

Согласно мифу, который поведал Платон в сочинениях «Тимея» и «Критий», некий египетский жрец сообщил афинскому архонту реформатору Солону об ушедшем под воду громадном материке посреди Атлантического океана, который превосходил своими размерами Азию и Ливию, вместе взятых, и исчез в океанской пучине в результате землетрясения. С мифом

Атлантиды непосредственно связывались представления о Лемурии — так назвал крупнейший английский зоолог Ф. Склэтор материк, якобы существовавший на месте нынешней части Индийского океана, между Индией и Мадагаскаром.

Розенкрейцеры, составляющие своеобразный масонский орден, который первоначально объединял философствующих алхимиков, полагали, что жители Лемурии сыграли огромную роль в эволюции человечества.

Для Блаватской было ясно одно: человечество находится в страшном упадке. И в тоске своей по лучшей, достойной ее дарований жизни, в желании полюбить и быть любимой она правильно почувствовала — нужно отправляться в дальнюю дорогу.

…Каким образом Елена Петровна Блаватская оказалась за границей, достойно подробного описания.

«Немедленно отправить к отцу, под Петербург! С глаз долой! Пусть сам разбирается» — таким был, вероятно, суровый вердикт рассерженного деда Андрея Михайловича Фадеева относительно мятежной и своевольной внучки. Железных дорог в то время на Кавказе не существовало, передвигались исключительно с помощью конной тяги. Наняли до Поти большой фургон, запряженный четырьмя лошадьми, а в попутчики снарядили четырех человек: дворецкого сделали главным сопровождающим лицом, двух дворовых женщин отправили в качестве горничных и еще одного сообразительного паренька из мужской прислуги прибавили на всякий случай.

Всех этих людей Елена Петровна провела вокруг пальца, перехитрила как бы между прочим. Она нарочно задержалась в пути и, прибыв в Поти, опоздала на пароход, который уже отправился в Одессу. В потийской гавани стоял под парами другой корабль, английский пароход «Коммодор». Не скупясь на щедрое денежное вознаграждение, она уговорила капитана взять на борт ее и четырех слуг. «Коммодор» был выбран Блаватской не случайно. Он шел не до Одессы, а до Керчи, затем до Таганрога на Азовском море и далее до Константинополя. Доплыв до Керчи к вечеру следующего дня, она отправила на берег слуг, чтобы они подыскали подходящее жилище и подготовили его к утру для временного проживания.

Пожелав слугам удачи, она осталась на корабле и той же ночью поплыла дальше до Таганрога одна.

В Таганроге у Блаватской возникли трудности с пересечением границы: у нее ведь не было на руках паспорта, по которому она могла беспрепятственно выехать в другую страну. Впрочем, в одном из позднейших писем, адресованном генерал-губернатору

Кавказа А. М. Дондукову-Корсакову, она утверждала, что такой паспорт, выписанный ее мужем Н. В. Блаватским, у нее якобы имелся.

Однако это совершеннейшая неправда, в чем она призналась спустя много лет в другом письме — начальнику жандармского управления города Одессы III отделения собственной его императорского величества канцелярии.

Ее чистосердечное признание в том, что она нелегально выехала из России и совершила тем самым уголовное преступление, помогает понять ход действительно происходивших событии.

Английский корабль должен был в Керчи подвергнуться таможенному досмотру. Она вовсю строила глазки капитану и вызвала у него к себе явные симпатии. Ей предложили переодеться юнгой. Настоящего юнгу спрятали в угольном трюме. Чтобы не привлекать внимания таможенников, ее представили больной, укутали одеялами и уложили в гамак.

По прибытии в Константинополь с помощью подкупленного стюарда Блаватская сошла незамеченной на турецкий берег. Первые впечатления о своей свободной жизни она откровенно передала в рассказе «Сияющий щит» из серии «Необычайные истории», напечатанном в нью-йоркской газете «Сан» в январе 1876 года с подзаголовком «Чудесные силы Пророчествующей Девы Дамаска»:

«Наша маленькая избранная компания представляла собой группку беззаботных путешественников. За неделю до этого мы приехали в Константинополь из Греции и с тех пор по четырнадцать часов каждый день ходили вверх и вниз по крутым склонам Перы, посещали базары, забирались на вершины минаретов и пробивались через полчища голодных собак, этих вековых повелителей улиц Стамбула. Кочевая жизнь заразительна, как говорят, и никакая цивилизованность не способна разрушить очарование неограниченной свободы после того, как вы ее впустите. Цыгана нельзя заставить покинуть его шатер, и даже обычный бродяга находит особое наслаждение в своей тяжелой неустроенной жизни, наслаждение, которое мешает ему найти постоянное жилье и занятие».

Елена Петровна с детства ходила быстро и легко, немного раскачиваясь, любила широкий мужской шаг. Сказались, вероятно, прогулки с отцом, конно-артиллерийским офицером.

По Константинополю она неслась, как скаковая лошадь, точно хотела быть первой на финише и выиграть приз. За ней едва поспевали ее новые знакомые — это была путешествующая русская семья, муж и жена. Она загоняла их почти до упаду.

Большое впечатление произвели на нее дервиши, мусульманские бродячие монахи, особенно те, кто обладал даром ясновидения.

Однажды, вернувшись в гостиницу, Блаватская поняла, что деньги на исходе. Надо было что-то предпринять. Тогда она еще не натерпелась от нужды, знала о ней до своего бегства только понаслышке.

Осознав всю трагичность положения, в которое попала, Блаватская заложила кое-что из драгоценностей и решилась попытать счастья в цирке, ведь не зря же она была искусной наездницей.

В цирке она приняла участие в конном аттракционе. На необъезженной лошади необходимо было преодолеть восемнадцать барьеров. В этом аттракционе было занято несколько наездников. Двое самых незадачливых на ее глазах сломали себе шею. Но разве у нее был выход? Блаватская стала подсадной уткой, выходила на манеж, словно обыкновенная зрительница, — испытывать судьбу. Разумеется, в случае удачного преодоления всех восемнадцати барьеров она, дополнительно к своему заработку, получила бы объявленный денежный приз. Но именно это не входило в ее задачу: тогда пришлось бы распрощаться с цирком, уступить место другому, идти на все четыре стороны и добывать себе пропитание каким-нибудь иным способом.

Блаватская должна была преодолеть не все, а наибольшее число барьеров. Елена Петровна принимала, выходя из зрительского ряда, самый веселый и бесшабашный вид, притворяясь, что ей все нипочем, и с помощью циркового жокея нарочито неловко взгромождалась на взбрыкивающую лошадь. Она с такой силой и решимостью вцеплялась в конскую гриву, что на какие-то секунды лошадь под ней смирялась, и без особого напряжения Елена Петровна, прежде чем свалиться, брала несколько барьеров. Цирк сотрясался от хохота.

В цирке однажды к ней привязался полный немолодой человек, который внешне походил на хорохорящегося вдовца и который пришел в ужас, когда узнал, что она питается, по русской привычке, одними бутербродами. Он сокрушался по поводу ее одинокой и неустроенной жизни в Константинополе. Блаватская не придала никакого значения этому случайному знакомству. Но лицо запомнила.

Через несколько дней Елена Петровна обнаружила его лежащим на константинопольской улочке. Он был тяжело ранен разбойниками. Она оказала ему первую помощь и отвезла в ближайшую гостиницу.

Ее карьера наездницы в цирке быстро закончилась. Однажды произошло то, чего следовало ожидать. Ей надоело играть в поддавки. Блаватская захотела по-настоящему выиграть. Ее лошадь удачно преодолела шестнадцать препятствий, но на предпоследнем споткнулась и рухнула на землю, придавив ее собой.

И вновь в смертельный для ее жизни миг перед ней появился высокий красавец, облаченный в причудливые одежды. Он вытащил ее, разбитую и окровавленную, из-под лошади. Она узнала его, своего Хранителя, по вдохновенному и задумчивому лицу с огненным мечтательным взглядом.

Это видение продолжалось минуты две, а затем она увидела склонившегося над ней уже знакомого толстяка. Так она окончательно закрепила свое знакомство с Агарди Митровичем, одним из известных в Европе оперных певцов, басом, итальянцем по отцу.

Он влюбился в нее с первого взгляда, бесповоротно, без надежды на взаимность. Но именно его в конце концов она также полюбила, единственно ему была покорна и отдала бы все на свете, только бы он пережил ее. Однако распоряжаться человеческой судьбой было не в ее власти.

Удар о землю не прошел для нее бесследно. Она сломала ребро, которое неудачно срослось. Боль в груди беспокоила на протяжении двадцати лет.

После появления Хранителя ее жизнь более-менее наладилась.

Она наконец-то встретилась в Константинополе с графиней Софьей Киселевой, урожденной княжной Потоцкой, полькой по происхождению. Графиня была восторженной, эгоцентричной дамой, у которой любовь к оккультизму сопрягалась со склонностью к тайной политической деятельности. Проще говоря, графиня была агентом влияния русского правительства, принимала посильное участие в крупной политической игре. Ей исполнилось шестьдесят лет.

В Константинополе графиня была еще самоотверженной защитницей русского самодержавия и ревнительницей православия.

Елене Петровне пришлось жить с ней под одной крышей и считаться с ее старческими причудами. А графиня отличалась заметными странностями. Она, например, обрядила ее в мужское платье. Куда пикантней и заметней немолодой женщине, по-видимому, считала она, путешествовать с юным смущающимся студентом, чем с бесшабашной девушкой, от которой неизвестно чего ожидать.

Переодевание ничуть не смутило Блаватскую, напротив, ей безумно понравилось находиться в мужском платье. Она даже была готова сыграть роль евнуха, если бы сведения об Атлантиде и египетские тайны, к которым она фанатически стремилась, находились в серале арабского эмира или гареме турецкого паши. Может быть, в этом случае Блаватская согласилась бы и на роль одалиски, несмотря на все свое отвращение к плотским утехам.

Волею судьбы Елена Петровна, сопровождая графиню Киселеву, оказалась в самом центре сложнейших международных интриг, связанных с интересами России на Востоке. В некоторых из них она позднее самым деятельным образом участвовала.

Вместе с графиней Киселевой Елена Петровна отправилась в Египет.

Некоторое время она была в замешательстве от увиденного. Получалось, что древние египтяне представляли цивилизацию, во много раз превосходящую по уровню развития современную западную. Египетская премудрость поражала разнообразием своих открытий, присутствием колдовской силы, легко проникающей в тайны природы. Очертания Древнего Египта выступали из тумана неопределенности и полуфантастических историй.

Она продиралась сквозь заросли научных гипотез к настоящему пониманию древности человечества. Начало ее духовному прозрению положила изображенная в каменных рисунках египетская «Книга мертвых», образный язык которой напоминал ей язык христианского «Откровения». Особенно это касалось верования в бессмертие души.

Что ожидает человека после смерти, будет ли он снова жить? Вот вопрос, который не давал ей покоя. Она искала на него ответ на гранитных страницах пещерных храмов, на сфинксах, пропилонах и обелисках. Это были мистические письма в будущее, которые она должна была прочитать. Блаватская старалась понять, в чем состоит религиозное начало мира? Только поняв это, она могла бы обнаружить истоки библейского «Откровения» в седой древности, в сумерках истории, еще до разделения арийских и семитических семей. Большие надежды в своем поиске она возлагала на археологию. Ведь археологические находки не могут лгать, они самые достоверные свидетельства исчезнувшей жизни. Она готова была искать эти исторические памятники по всему миру. Тогда-то она и позавидовала змеям, которые обитают в развалинах храмов и дворцов. Недаром человек считает змею символом мудрости.

Свой путь Блаватская начала с Египта — колыбели человечества. Она пыталась углубиться в постижение духовной

Вселенной, изучить ее законы и подчинить себе ее силы. Она отринет христианское богословие как догматическое, усомнится в непогрешимости науки, надсмеется над материализмом своего века. Не может быть многих истин о Боге, истина о Боге — только одна. Божественная сущность принимает разнообразные формы и разные образы, ее задача — вернуть людям ощущение духовного единства в материальном многообразии.

Непревзойденное искусство египетских каменщиков воплощали пирамиды и многочисленные, не столь грандиозные усыпальницы фараонов в долине Нила. Самой загадочной была Великая пирамида Хеопса. В сопоставлении с этими замечательными памятниками глубокой древности блекли современные дворцовые постройки — жалкое подобие былого умственного могущества египтян.

Древние египтяне повсюду оставляли свои письмена, словно послание будущим поколениям, — на мебели, на утесах, стенах, саркофагах, гробницах, на каждом предмете, уцелевшем в потоке времени. Они вырезали, высекали и ваяли этот многокилометровый свиток человеческой мудрости в надежде, что их знания не пропадут бесследно.

Блаватская увидела, что Древний Египет — родина многих искусств, по крайней мере, музыкального, изобразительного, театрального. Египтяне знали в совершенстве, как извлекать гармонические звуки из струнных инструментов, например из арфы. Торс статуи Рамсеса II поражал взгляд своим гигантским размером. Рядом с ним все остальные скульптуры казались маленькими. Филигранной отделкой отличались ювелирные изделия из золота, серебра и самоцветов. А стеклянная имитация драгоценных камней, особенно изумруда, была доведена до совершенства. Художественная резьба по камню: по сиениту, граниту и базальту — в Древнем Египте была широко распространена и считалась не высоким искусством, а обычным ремеслом. В бездну времен уходили чудесные творения египтян.

Его ученые обладали основательными знаниями в астрономии и математике, физике и химии, медицине и биологии. Были древние египтяне и искусными мореходами. В Египте, как она была уверена, впервые культивировались виноградарство и виноделие. Также было присуще древним египтянам умение изготовлять плотные и тонкие ткани. Она вспомнила, что фараон подарил Иосифу одежду из тонкого полотна, золотую цепь и много других изящных и красивых вещей. Египетское полотно имело в мире высокую репутацию. В это полотно пеленали умерших фараонов и знатных египтян, и оно прекрасно сохранилось по сей день.

Много тысячелетий назад на этой земле был заложен фундамент для постоянно строящегося здания науки. Все достижения египтян были незначительной, видимой невооруженным глазом частью огромного культурного мира древности. Этот мир был непосредственно связан, по ее мнению, с опустившейся на морское дно Атлантидой. Чтобы увидеть большее, следовало обрести другое, безграничное зрение. Но как этого достичь, она тогда еще не знала. Египетская земля предстала перед ней как обиталище тайны. Одно было ясно: основой высочайшей цивилизации египтян являлась религия. В величайшей тайне в храмах изучали магию, с помощью которой познавали оккультные силы природы и осуществлялись во время мистерий чудесные исцеления.

Как она верила в предание об Атлантиде! Как она хотела обнаружить тайные летописи древних мудрецов! Блаватская слышала, что существует ключевой камень, весь испещренный священными непроизносимыми буквами. Этот камень использовался древними строителями как высшая точка крыши, имеющей вид арки. Об этом ключевом камне, на котором каждая из девяти букв представляла одно из божественных имен, начертанных знаками-эмблемами, знали первые франкмасоны. Они по атрибутам обозначенных на камне богов опознавали принадлежность каждого из масонов к тому или иному братству. Об этой тайне ей поведал князь Александр Голицын.

Блаватская уже знала, что многие ключи к библейским чудесам древности и к известным феноменам современности, к нераскрытым проявлениям человеческой психологии и физиологии находятся в руках «посвященных», членов тайных масонских братств. Она поставила цель потратить жизнь на раскрытие этих тщательно оберегаемых тайн, сделать все от нее зависящее, чтобы тайное эзотерическое знание стало доступно людям. Может быть, мудрецы древности также стремились к этому, но обстоятельства жизни не позволяли обнародовать им великие открытия. Иисус Христос был, вероятно, первым, кто решился на подобный шаг, за что его и распяли.

Блаватская верила в Христа безличного, но не в Иисуса из Назарета. Для нее Кришна или Будда был тот же Христос. Она считала, что христианское учение перековеркано и грубо материализовано церковью. Блаватская поверила в безличный божественный Принцип, в то, что древние гностики звали Христос, — «проявленный свет», а не «помазанный», как перевели это слово, существовавшее тысячи лет у язычников, греческие отцы церкви, отождествив его с еврейским словом «мессия». Блаватская впервые усомнилась в церковных догматах и учениях.

Спустя много лет она назовет их страшнейшей материализацией духа.

Для Блаватской творческие результаты путешествия по Египту обнаружились не сразу. Потребовалось время, почти двадцать шесть лет, чтобы образ древнеегипетской богини плодородия, воды и ветра Изиды, символ женственности и семейной верности, совместился с христианским образом Девы Марии. Это произошло в ее фундаментальном труде «Разоблаченная Изида», в котором излагались основные принципы теософского учения и утверждался культ Майтреи — будды грядущего исторического цикла.

Девятнадцатилетней Лоло тогда вряд ли было по силам сочинить что-либо подобное. Для этого требовалась незаурядная эрудиция, осмысление, как сейчас сказали бы, огромного количества культурной информации.

Она с удовольствием путешествовала по Востоку с графиней Киселевой, которая знала, разумеется, кто такая Изида, и рассказала Блаватской немало об этой древнеегипетской богине, совершенно искренне при этом сокрушаясь, что старые времена, когда фараоны и мудрецы ладили друг с другом, безвозвратно прошли.

В Каире Блаватская познакомилась с Альбертом Лейтоном Роусоном, американским художником, начинающим арабистом и любознательным путешественником. Знакомство с этим молодым человеком стало для нее важным событием, окончательно привязало к миру иллюзий. С его помощью она пристрастилась к гашишу.

Князь Александр Голицын как будто навеки исчез, растаял в неизвестности. О нем не было ни слуху ни духу. И это при том, что их, казалось, объединяли одни понятия, одни стремления, одна тайна — Атлантида. Люди неожиданно встречаются и так же неожиданно расстаются. К этому надо было привыкнуть. Таков, вероятно, закон человеческой жизни, и ничего с этим нельзя поделать.

Встреча с Альбертом Лейтоном Роусоном была очень кстати. В какой-то мере он заменил исчезнувшего Александра Голицына: его тоже интересовала восточная мистика и тайна исчезнувшей Атлантиды.

Сильное влечение к духовной деятельности до такой степени захватило ее, что Блаватская объявила графине Киселевой и Роусону о своем предназначении — разомкнуть до космических далей узкие рамки, в которых существует человечество. Она собиралась своей славой превзойти строителя Великой пирамиды Хеопса.

Естественно, ее друзья сочли эти заявления более чем самонадеянными — безосновательными и хвастливыми. Блаватская была уверена в себе и знала главное направление своей деятельности — попытаться соединить иллюзию и реальность. Это и был прорыв в запредельное и необъяснимое.

Однажды в душную каирскую ночь ей приснился кошмар, будто дьявол ввел в заблуждение ее чувство неосознанной силы. Он превратил ее в смерч, и она вздымала морские волны, топила суда, крушила людские жилища, сносила горы и подрезала под корень вековые сосны, и они ложились на землю, как ровно скошенная трава. Стон и рев стоял в мире.

Дьявол убеждал ее в том, что ничтожней человеческих тварей нет ничего на свете. Он безраздельно овладел ее доверчивой душой. Она проснулась в холодном поту. Египет вдруг напугал ее спонтанно возникающими миражами.

Блаватская уехала в Париж.

В Париже Блаватская встретилась с еще одной высокопоставленной дамой из России — своей крестной матерью — княгиней Багратион-Мухранской, которая принадлежала к древнейшей царской династии Багратидов.

Там же, в Париже, она обратила на себя внимание месмеристов, последователей знаменитого чудотворца Месмера, с которого начинается история животного магнетизма и гипноза и который умер в Германии в 1815 году в возрасте восьмидесяти лет. Его жизнь знала великие триумфы, однако он закончил се в почти полном забвении. Обычная судьба тех, кто уповает на счастливую звезду и полагается на три ненадежных подспорья — на время всеобщего умопомешательства, на благоприятный случай и на собственную дерзость.

В Европе и до Месмера встречались люди с резкими демоническими чертами лица и блестящими искристыми глазами, которые силой внушения прилежно творили чудеса. При помощи магических заклинаний и лунного света они исцеляли больных и возбуждали в обществе ажиотаж. Так, граф Калиостро околдовал чуть ли не всю Европу, а швед Сведенборг погрузил ее в мистический транс.

Через несколько лет Елена Петровна скажет, что медиумство — это несчастье, болезнь. Безопаснее человеку со слабой волей, предупреждала она, попасть в общество воров, пьяниц и мошенников, чем сделаться центром или постоялым двором для кикимор, которых называют громким именем духов и поэтизируют.

Жизнь под опекой «махатмы» Мории

Отец Елены Петровны, Петр Алексеевич Ган, не забывал блудную дочь. Он по мере сил и возможностей оказывал ей из России постоянное вспомоществование. А как же иначе? В душе он гордился Елениной независимостью и ее бурным темпераментом.

Блаватская не церемонилась с родственниками. К большинству из них она не испытывала сентиментальных чувств. Если и скучала по дому в Тифлисе, то иногда, по вечерам, когда находилась одна. Оставшись без графини Киселевой, которая вернулась в Россию, и без Агарди Митровича, который получил ангажемент на весенне-летний сезон и пел в театрах Европы, она затосковала и даже перестала ерничать и надо всем насмехаться.

Блаватская тяготилась размеренным, строго регламентированным бытом свиты княгини Багратион-Мухранской. Вокруг богатой княгини суетилось много посторонних людей. Она играла роль младшей фрейлины при большом, но достаточно амбициозном и шумном дворе.

Весной 1851 года княгиня, а с ней и Блаватская из Парижа переехали в Лондон и остановились в отеле «Миварт» (в настоящее время отель «Клеридж») напротив Гайд-парка. Там, окруженная скучными людьми, Елена Петрована не знала, чем себя занять, и по целым дням не раскрывала рта. Она довольствовалась общением с княгиней, которая была набожна, держала ее взаперти и заставляла читать вслух Библию и Четьи-Минеи. Этих книг Блаватская не понимала или не хотела понять — какая разница.

В «елисейских полях» Блаватской не удалось занять достойного места. В 1850–1851 годы ее талант медиума оказался невостребованным. Месмеристы во Франции влачили жалкое существование. В моде был научно-технический прогресс, а не мистические откровения. Материализм на время превозмог идеализм. Европейцев Восток интересовал не как родина духовных озарений, а как источник дарового сырья и дешевой рабочей силы. Старым богам устраивались пышные аутодафе. В роли инквизиторов выступали ученые мужи и политиканы разных мастей.

Выдающиеся умы продавали, как Исав, право первородства за чечевичную похлебку — устроенный быт и газетную трескотню в их адрес.

Идею возрождения человечества любовью подменила другая идея — всемогущество науки. В силу пара верили больше, чем в силу проповеди. Апофеозом науки и техники стала открывшаяся в Лондоне Всемирная промышленная выставка, или, как ее называли, «Великая выставка».

В Гайд-парке был воздвигнут ослепительный Хрустальный дворец, сооруженный из стекла и стали по проекту Дж. Пэкстона, — подлинная жемчужина. К нему стекались толпы народа. Он, казалось, воплощал полноту и гармонию жизни, неукротимую жажду человечества к прекрасному. Возникла неизвестная доселе железно-стеклянная архитектура. По словам В. В. Стасова, это был «первый шаг, смелый до дерзости, невероятный до безумия, с которого начинается новая архитектура Европы».

Для современников Хрустальный дворец стал явленным чудом. Недаром Н. Г Чернышевский увидел в нем прообраз завтрашнего дня и в романе «Что делать?» в фантастическом «Четвертом сне Веры Павловны» поселил в огромных сооружениях из метала и стекла людей будущего.

Вниманию посетителей выставки были предоставлены тринадцать тысяч экспонатов, от новейших жаток фирмы Мак-Кормика до монстроподобного алмаза «Кохинур». Лондон с мая 1851 года (время нахождения выставки в Лондоне, затем она поехала по другим городам Европы) напоминал вавилонское столпотворение. Люди приезжали со всего света, за пять месяцев выставку посетило 6 009 948 человек, успех по тем временам небывалый.

«Великая выставка» была самым захватывающим аттракционом XIX века. Ее грандиозный размах подавлял, не только восхищал и удивлял.

Казалось, что Европа общими усилиями заложила этой выставкой фундамент здания, в котором найдется место для мирной, созидательной жизни всем европейским народам. Какое это было горестное заблуждение!

Как только выставка закрылась, началась безобразная агония. Уже на следующий год резко усилилось противостояние между Великобританией, Францией, Турцией, с одной стороны, и Россией — с другой. А еще через год началась Крымская война. В 1857 году в Индии вспыхнуло кровавое Сипайское восстание — ответ феодального быта на западный прогресс, который воспринимался индийцами как изощренное насилие над их жизненным укладом.

Блаватская зорко высматривала слабые и сильные стороны «Великой выставки». Слабые стороны состояли в том, что на выставку были затрачены огромные деньги, тогда как в той же Англии находилось достаточно много людей, не каждый день имевших кусок хлеба.

Этой выставкой Европа цинично хвасталась перед собой и всем миром своим могуществом и богатством. Невозможно было,

однако, ожидать, что с барского европейского стола колониальным народам достанутся хоть какие-нибудь крохи.

Сильной стороной выставки стало горячее поклонение человеческому разуму.

Из посещения выставки Блаватская вынесла важную идею: мистицизм, с помощью которого совершенствуется человеческая личность, нельзя противопоставлять научному анализу, необходимо с широких (а не узких) научных позиций исследовать и постигать тайны человеческого духа. Наряду с этим она окончательно утвердилась в той мысли, что средоточием всего мира, центром, около которого должны вращаться Солнце, Луна и звезды, является личность духовного наставника. В ином случае, как ей казалось, духовная свобода неизбежно принимает грубые формы, превращается в своеволие, делает землю — адом, а жизнь — невыносимой нравственной пыткой. Она предвосхитила, сама того не ведая, самодовлеющую роль вождя, харизматического лидера в XX веке.

Блаватская уже давно чувствовала брезгливую раздражительность по отношению к людям. И страдала от этого состояния. «Все сильные личности, — считала она, — должны быть проповедниками нравственности. Страшный час суда Божьего — это переход человечества с одной эволюционной ступени на другую. Тогда-то и происходит отделение зерен от плевел. В человеческой истории было несколько таких часов».

Трудно представить, но уже в Лондоне в сознании юной Блаватской в общих чертах обозначился план восстановления единства человечества, каким оно, по ее представлениям, существовало в Атлантиде. Чтобы победить, необходимо было слить в одно целое науку и религию.

…Княгиня объявила о своем отъезде из Лондона. Блаватская оставалась с одной из ее клевреток, абсолютно незначительной женщиной. Несчастье заключалось в том, что Багратион-Мухранская ее полюбила и от полноты чувств была готова оставить при себе до самой своей смерти. Материнская нотка стала проглядывать в ее обращении с нею.

К величайшему изумлению княгини, Блаватская отказалась от дальнейшего совместного путешествия и тут же перебралась в гостиницу поскромнее, но также в самом центре Лондона, — на Стрэнд-стрит. Общение с княгиней привело Елену Петровну в состояние депрессии, не в ее натуре было изо дня в день обращаться с кем-то робкое почтительно. Подобный этикет сводил Блаватскую с ума, она однажды от отчаяния чуть было не бросилась в Темзу с моста Ватерлоо.

Слава Богу, отец прислал ей немного денег, было на что

жить. Приближался день ее двадцатилетия. Она купила себе в подарок альбом форматом семь на одиннадцать дюймов для рисования и записей. Это очень ценный биографический источник, сохранившийся до наших дней и помимо зарисовок содержащий несколько таинственных записей. Вот одна из них, очень странная, говорящая о важнейшем событии в жизни Блаватской:

«Незабываемая ночь! Значительная ночь в Рамсгейте, 12 августа (это 31 июля по русскому календарю. — *А.С.*) мой день рождения — мне исполнилось тогда 20 лет. Я встретила М., Учителя из моих снов».

Рамсгейт — курорт на побережье под Лондоном. Почему-то там Елена Петровна решила отметить в полном одиночестве свой день рождения. Ей захотелось отдохнуть на воле от долгого заточения в гостинице, от своих пугающих и причудливых мыслей. Впрочем, Рамсгейт не был пустынным местом. В теплые дни его пляжи до отказа заполняли отдыхающие лондонцы, с трудом можно было пробраться к воде, лавируя между густо разбросанными по песку человеческими телами.

На первой странице альбома Блаватская передала в линиях и красках свои ощущения от морской воды и прогулочных лодок, безмятежную атмосферу отдыха. Под этим рисунком она и сделала запись о встрече с Учителем из ее снов. В то же время в разговорах со своими последователями она неоднократно утверждала, что эта знаменательная встреча произошла в Лондоне, в Гайд-парке, у главного павильона выставки — Хрустального дворца. Именно там она увидела своего Хранителя, которого сразу узнала и который сделал ей тайный знак. Этого человека Блаватская называет «Великой душой», «махатмой» Морией.

Встречи Блаватской с ее, как она называла, Гималайскими «махатмами» (среди них Мория был ей ближе всех) с этого момента приобрели определенную периодичность. Они проходили, как правило, в уединенных местах, в атмосфере мистической таинственности и абсолютной секретности. Описывая убежище своих Учителей, Блаватская перетолковывает ключевое понятие индуизма «майя». В ее объяснении это не столько магическая сила сотворения феноменального мира, сколько таинственная завеса, скрывающая от посторонних Гималайских «махатм» и места их обитания.

Среди исследователей творчества Блаватской высказывается мнение, что человеком, которого она могла действительно увидеть и с кем могла познакомиться в Рамсгейте, был известный писатель Эдвард Бульвер Литтон. Его произведения пользовались

чрезвычайной популярностью в России, одну из его повестей перевела мать Блаватской Е. А. Ган — это был ее литературный дебют. К тому же Эдвард Бульвар Литтон слыл знатоком розенкрейцеров, то есть тех масонов, чьи алхимические опыты, магические обряды и церемониал производили на нее сильное впечатление. Так, его волшебная новелла «Зано-ни» надолго запомнилась Блаватской и определенно повлияла на некоторые мотивы ее творчества. Однако наибольшее влияние на ход ее мыслей оказали эссе Эдварда Бульвера Литтона о сверхчеловеке.

Розенкрейцер Бульвер Литтон — государственный деятель, эрудит, автор знаменитого романа «Раса, которая нас превзойдет» — через десятки лет вдохновит в Германии группу преднацистских мистиков. Романист описал события, людей, психика которых достигла высшей, по сравнению с нашей, стадии эволюции: они будут обладать властью над миром и над собой, которая равняет их с богами; сейчас сверхлюди таятся под землей, в глубоких пещерах, и скоро появятся, чтобы править человечеством.

Существует также предположение, что очаровательный день в Рамсгейте окончился обычной для нее галлюцинацией — настолько опьяняюще подействовал свежий морской бриз на ее воображение. А может быть, она на минуточку увлеклась случайно встреченным на пляже молодым человеком и все ее существо задышало жизнью и счастьем? На эту мысль наводит рисунок на второй странице альбома, изображающий мужчину и женщину на фоне прекрасной летней ночи. Очень романтически и загадочно звучит надпись, сделанная Блаватской под этим рисунком: «Огненные цветы разбросаны по небу. Мужчина сказал женщине: «Я люблю тебя». Эти слова возникли из божественного аромата души».

Если уж совсем бесцеремонно вторгаться в интимный мир Блаватской, то эти слова следует рассматривать как романтическую интерлюдию, связку между ее трепетной мечтательностью и вполне определенным знакомством с человеком из плоти и крови.

Вспомним, что до поездки в Рамсгейт Елена Петровна находилась под опекой княгини Багратион-Мухранской. Долгие, скучные дни с княгиней тянулись томительной, однообразной чередою и довели ее до отчаяния.

Она ждала человека, который придет и даст ей развлечение и духовную пищу. К сожалению, ее любовная история, едва начавшись, тут же закончилась. К такому выводу заставляет прийти запись на третьей странице альбома: «Любовь — это отвратительный сон, а счастье существует разве что в подчинении

сверхъестественным силам». Открыв альбом на четвертой странице, находим имя и лондонский адрес нового человека — капитана Миллера, драгуна. Теперь уже невозможно узнать, был ли именно он причиной ее горьких разочарований в любви, ведь под рисунками нет дат.

На странице пятой изображен пудель, сидящий на столе, — очевидный мотив гётевского «Фауста». В этом же альбоме на следующих страницах появляется изображение Агарди Митровича в роли Мефистофеля.

Блаватская тосковала по настоящей любви ив то же время хотела освободиться от этой тоски. Ей казалось, что она обязательно найдет себе защитника среди людей, не избалованных вниманием белых женщин, и в подобном случае такое знакомство будет самым радикальным лекарством.

Существует еще одна версия, откуда появились в жизни Блаватской «махатмы». Полагают, что она познакомилась с несколькими непальскими принцами, приехавшими на Всемирную промышленную выставку. С одним их них она особенно подружилась и называла его для окружающих «махатмой» Морией. Ее последователь Ледбиттер поддерживает эту версию, ссылаясь на разговор с Еленой Петровной.

Так или иначе, но в августе 1851 года Блаватская познакомилась с красивым высоким молодым человеком восточного происхождения, который стал для нее искусным лоцманом в бескрайнем море знаний. И не только лоцманом, а «впередсмотрящим» ее жизни, хозяином ее судьбы.

Откуда появилось у него имя Мория? Я думаю, что Блаватская использовала библейское название горы, на вершине которой Исайя собирался принести в жертву Богу собственного сына и где был построен, согласно преданию, храм Соломона. Впервые она обнаружила это имя, как мне представляется, не в Библии, где оно встречается дважды, а в книге своего детства и юности «Мудрость Соломона».

Блаватская неоднократно встречалась в Лондоне с «махатмой» Морией. Он рассказал ей о грандиозных планах по совершенствованию человечества и дал понять, что путь этот будет тернистым. Он предоставил ей время немного подумать, прежде чем она согласится на сотрудничество. «Махатма» Мория просил сохранить до поры до времени их встречу в тайне. Он обещал ей путешествие в Тибет и там, в Гималайском Братстве, подготовить к уникальной роли посредницы между «махатмами» и обыкновенными смертными.

С этого времени жизнь Елены Петровны Блаватской приобрела новый смысл и значение. Если прежде она была в

одиночестве, то теперь ее брал под опеку человек, достигший высочайшего уровня духовности. И не просто помогал ей, а делал своим доверенным лицом, местоблюстительницей Гималайского Братства в так называемом цивилизованном обществе. Вот такого человека она могла любить без памяти, чтить его и ему повиноваться. Он вышел из-за таинственной завесы, чтобы быть с ней рядом и направлять ее.

В дальнейшей своей деятельности Е. Блаватская подчеркивала важность в человеческом сообществе принципов элитаризма и иерархии. Вот почему она внушала своим последователям, что сама она получила рукоположение, как теософка, непосредственно от двух членов Гималайского Братства, «махатм» Мории и Кут Хуми. Блаватская не относила их к богам, считая скорее членами эволюционной группы арийцев, которые через нее готовы передать свою мудрость остальному арийскому человечеству. Ее наставники, как она проповедовала, указывают верный путь создания пятой арийской корневой расы. Блаватская, став впоследствии авторитетнейшей представительницей оккультизма, особое значение придавала роли элитарных священников корневых рас прошлого.

Англия ее разочаровала. В этой стране почти никому не было дела до психических феноменов. Появилась, правда, в Кембридже немногочисленная группка молодых людей, которых заинтересовала как эта неисследованная сторона человеческой психики, так и связанные с ней явления.

Оккультный бум начался чуть позднее, в 1852 году. Приехавшая в Лондон из Америки медиум миссис Хейден за свои демонстрации брала гинею с человека. В 1853 году мания столоверчения охватила английское общество. Участие в спиритических сеансах принимали королева Виктория и принц Альберт.

Все эти факты, связанные с отсутствием и с возникновением моды на контакт с потусторонними существами, не следует упускать из виду, и тогда перед нами откроется бытовая сторона жизни Блаватской в Лондоне после отъезда княгини Багратион-Мухранской.

Елена Петровна опять оказалась без средств существования, без опекающих ее русских друзей, с неопределенными планами на будущее. Она не любила вспоминать то время, переломное и тяжелое в ее судьбе.

Последующие семь лет жизни Блаватской выпали из поля зрения даже ее придворных летописцев. Альфред Перси Синнет, которому она немало рассказала о себе, также не смог восстановить «белые пятна» в ее биографии с 1851 по 1858 год и

сетовал на отсутствие у Блаватской привычки вести дневник и на ее плохую память. Елена Петровна умела, как никто другой, заметать следы и прибегать к мистическому туману, когда была в этом крайне заинтересована.

Она основное внимание обращала не на частности, а на общий стиль своей насыщенной бурными событиями жизни. Стиль этот, разумеется, был сугубо романтический. Поэтому в беллетристических произведениях Блаватской вы не найдете изображения обыкновенных людей и заурядных ситуаций. Ее герои — не от мира сего, особенные, избранные натуры. Они подвержены роковым страстям и мучительным сомнениям. Она предпочитала эффектные сцены в духе Шиллера, и это переносилось также на ее устные рассказы о собственной жизни, в которых обязательно проливалась кровь, а окружающий мир кишел подосланными убийцами и негодяями, уродами и дураками, сотрясался политическими скандалами, интригами и заговорами, был полон смертей и походил на сумасшедший дом. Чтобы в таком мире окончательно не потерять рассудок, требовалась поддержка противодействующих злу, справедливых и добрых сил. Именно эти силы воплощали Гималайские «махатмы» Мория, Кут Хуми, Лал Сингх и другие.

Она всегда держала в уме ту простую истину, что большинство людей — нравственные дальтоники и воспринимают мир в черно-белых красках…

Семь лет жизни Блаватской, о которой у нас нет достоверных сведений, были необыкновенными — единственное, что можно сказать с уверенностью.

Очень может быть, что она побывала в это время в Индии, Непале, Тибете, на Яве, в Сингапуре, на Цейлоне. Все может быть. По крайней мере, в письмах к Альфреду Перси Синнету она утверждала, что в 1855 году поехала вторично в Индию только потому, что тосковала по Учителю. Блаватская утверждала, что в августе 1851 года она из Англии направилась в Новый Свет с целью изучения культуры и обычаев индейцев, где провела год, сначала в Канаде, а затем в США и Мексике. В это время скончалась княгиня Багратион-Мухранская, ее крестная мать, которая завещала ей 85 тысяч рублей золотом.

В 1858 году Елена Петровна обнаружилась в Париже в окружении Даниеля Юма, знаменитого спирита. Он был женат на русской подданной графине, Александрине Кроль, сестре графини Кошелевой-Безбородько, с последней Блаватская была знакома с юности. Юм родился в Шотландии, но известность приобрел в Соединенных Штатах Америки. В 1855 году он возвратился в Европу и был принят в высшем обществе.

Спиритизм как специфическое религиозное движение возник в США в 1848 году и на первых порах не привлек к себе массового внимания. Его рождение связано с таинственными, непроизвольно проявляющимися «постукиваниями», которые исходили от невидимых существ и напугали семью американских фермеров Фоксов. Две младшие дочки Фоксов, в возрасте двенадцати и тринадцати лет, нашли ключ, позволявший им получать ответы на задаваемые призракам вопросы.

Духов обыкновенно вызывали, сидя вокруг небольшого круглого столика, положив на него руки. Духи отвечали стуками на задаваемые вопросы, ударяя при произнесении кем-то из собравшихся всех букв алфавита по очереди на те именно, из которых должны были составляться слова ответа. Столик, наклоняясь в разные стороны, громко стучал, ударяя об пол одной из своих ножек, указывая таким образом, какие именно буквы следует записывать. Записав букву, начинали опять называть весь алфавит.

Было замечено, а затем и предано широкой огласке, что ответы часто бывали очень удачны, а сделанные предсказания чаще всего сбывались. Вызыванием духов занимались по вечерам, это походило на гадания. Духи иногда отвечали немедленно, торопясь, не дослушав даже до конца вопроса, на лету схватывая мысль.

Спустя некоторое время возможности принимать потустороннюю информацию расширились благодаря столоверчению, механическому письму и ясновидению. С сестер Фокс началось повальное увлечение беседами с душами умерших людей. Появилась целая армия медиумов. К 1870 году души всех покойников, казалось, переместились на постоянное жительство в США, слетелись, как мотыльки, на свет газовых ламп в американских гостиных.

Спиритизм проявил себя после окончания Гражданской войны в США, то есть во второй половине шестидесятых годов. Нельзя упускать из внимания, что Гражданская война унесла большое количество человеческих жизней и до крайней степени обострила у оставшихся в живых чувство вины перед погибшими.

Проблема существования загробной жизни, которую наука не рассматривала вовсе, а церковь трактовала догматически и формально, перерастала из проблемы отвлеченной и философской в самую что ни на есть бытовую и сугубо личную. В 1870 году 11 миллионов американцев верили всему, что демонстрировалось на многочисленных спиритических сеансах. Это были уже не только «постукивания», «пощелкивания», «позвякивания колокольчиков», но и вещи более осязательные и

видимые: материализация призраков, например. Такой наплыв феноменов заставил Лондонское диалектическое общество сформировать комиссию по их исследованию, которую возглавил сэр Альфред Уоллас — последователь дарвиновской теории естественного отбора. К ужасу Общества, комиссия пришла к заключению, что явление спиритизма требует более серьезного внимания и исследования, чем было до сих пор.

В США такую же позицию занял Гораций Грилей, редактор «Нью-Йорк геральда». Он встал на защиту сестер Фокс, обвиняемых в мошенничестве и обмане. Поддержка двух уважаемых и известных людей укрепила авторитет спиритизма среди американцев. Не нанесли ему ощутимого вреда и многочисленные иронические и критические статьи в американской прессе. Так, «Сатердей ревью» охарактеризовал спиритизм как «одно из несомненно приводящих к вырождению суеверий, которые когда-либо укоренялись в разумных существах».

Даниель Юм довел до артистического совершенства спиритические демонстрации, превратил их в великолепное шоу. Главное — он не брал деньги со зрителей. Подарки со стороны титулованных особ, разумеется, в счет не шли. Неудивительно поэтому, что Юм стремительно разбогател. В 1855 году это был высокий стройный молодой человек двадцати двух лет, с элегантной бородкой, безупречно одетый. Его коньком являлась частичная материализация, психические эффекты, левитация. Все свои феномены он демонстрировал при ярком свете, а не в полумраке или в темноте, как поступали обычно другие медиумы. Юм поднимал в воздух столы, стулья и самого себя. Можно представить, какой он имел ошеломительный успех среди скучающей аристократической публики! Для Юма было легче простого воспарить к потолку, оставить там карандашную помету и медленно опуститься на пол. Он как-то однажды «вытек», словно дым, из окна ванной комнаты и, задержавшись несколько мгновений на высоте семидесяти футов над землей, опять «втек» в дом, но на этот раз со стороны окна гостиной. Поверить в такое странное происшествие было просто невозможно, однако находились свидетели феноменов Юма, которые клятвенно уверяли, что все это видели собственными глазами. Не без влияния фанатов, поверивших в сверхъестественные силы своего кумира, слава о Юме как чудотворце широко распространилась в Европе. Педантично узкий скептицизм людей науки относительно подобных аномальных явлений, неожиданных и парадоксальных фактов, не укладывающихся в обычные представления людей, шел на руку спиритам.

Действительно, неразумно, с любых точек зрения, исключать чудесное из сферы непредвзятого, всестороннего рассмотрения.

Даниель Юм был гениальный гипнотизер и умный человек.

Блаватская встречала на базарах в Константинополе и Каире дервишей, которые длинными иглами и узкими лезвиями кинжалов прокалывали себе щеки, языки, руки и ноги, становились голыми ступнями на раскаленное железо и приплясывали на нем, заглатывали живьем ядовитых скорпионов. Все это делалось на глазах у множества людей, без каких-либо признаков испытываемой боли. Елена Петровна видела, как дервиши с помощью пения и пляски доводили себя до беспамятства, входили в транс и, уже совершая умопомрачительные действия, быстро-быстро вертели головой, словно что-то в ней взбалтывали, приводили себя в полное одурение.

На Юма Блаватская не произвела особого впечатления. Удивительно, но он отказал ей в праве считать себя медиумом и назвал вульгарной и безнравственной женщиной. В свою очередь, она не осталась в долгу и объявила лихорадочно-нервную атмосферу, в которой производились Юмом спиритические показы, искусственной и растлевающей.

Она обратила внимание, что даже самые выдающиеся медиумы прибегают к фокусническим трюкам. О спиритах, таким образом, у Блаватской сложилось мнение как о ловких и изощренных обманщиках, использующих свои медиумические способности в корыстных целях.

Манипуляция людской доверчивостью и простодушием тогда еще казалась ей отвратительным, недостойным порядочного человека делом. Позднее она изменит свои оценки, что хорошо, а что плохо в человеческом сообществе. Однако когда ее называли медиумом, она приходила в ярость.

Призрак Атлантиды вновь возник в ее сознании. Она достоверно знала, что чудеса гипноза, заново открытые европейцами, были известны и практиковались в Египте и Индии на протяжении тысячелетий. Факиры, дервиши и йоги владели различными магическими, способностями, как доводить себя и других до гипнотического состояния.

В 1858 году Блаватской исполнилось двадцать семь лет. Вот уже почти девять лет, как она находилась вдалеке от родного дома. Ей захотелось напомнить о себе, и она написала тете Надежде о своем возможном приезде в Россию. Ее волновало прежде всего, как поведет себя в этом случае Н. В. Блаватский, законной женой которого она все еще считалась.

В России между тем произошли большие перемены. Царь

Николай I скончался от вирусного гриппа, которым его заразил приехавший из Парижа граф П. Д. Киселев. На престол взошел Александр II. Страна находилась накануне великих реформ.

Произошли также важные события в семье Блаватской. Спустя год после ее бегства из России умерла вторая жена отца, оставив дочку Лизу, и тогда же П. А. Ган забрал к себе от Фадеевых своих детей — Леонида и Веру. В семнадцать лет Вера вышла замуж за сына генерала Яхонтова и родила ему двух дочек. К несчастью, ее муж вскоре умер.

О Елене Петровне в семье были не самого лестного мнения. Взрослые знали, что она жива, но ее имя в разговорах не упоминалось. О ее жизни за границей доходили кое-какие сведения, прежде всего от графини Киселевой и княгини Багратион-Мухранской. Кто-то передал дедушке и бабушке Блаватской газетные вырезки о ее выступлениях как пианистки и дирижера в Европе.

Большой переполох в семье вызвало письмо Агарди Митровича дедушке А. М. Фадееву. Митрович обращался к нему как внук, а ее называл своей женой. Блаватская не сообщила ему, что уже однажды выходила замуж и не развелась. Это письмо окончательно подорвало в глазах близких ее репутацию порядочной женщины. Никто из них не ожидал, что у нее хватит нахальства приехать в Россию. Но Елена Петровна была не из робких женщин, отличалась резкостью манер и решительностью в действиях.

Предположительно летом или ранней осенью Блаватская, оставив на время Митровича в Европе, появилась в России. В каком городе она остановилась — неизвестно и не столь уж существенно. Куда более важным представляется отношение близких к ее возвращению в лоно семьи. Елена Петровна обратилась за помощью к Надежде Андреевне, и та, написав письмо в Эривань, слезно умоляла Блаватского не устраивать публичного скандала в связи с появлением ее блудной племянницы. Известно, что Н. А. Фадеева, Вера Петровна и Елена Петровна стояли горой друг за друга.

Н. В. Блаватский оказался благородным и незлобивым человеком. Он в ответном письме от 13 ноября (по старому стилю) 1858 года признал, что у него давно исчез интерес к Елене Петровне, и меланхолично заметил, что время лечит раны, смягчает горе и стирает из памяти многие события нелепой и безотрадной жизни. Он выражал надежду, что они наконец-то получат развод и Елена Петровна снова сможет выйти замуж. Н. В. Блаватский собирался подать в отставку и уединиться в своем имении. Иными словами, он прощал ее предательство.

Если Н. В. Блаватский оказался покладистым и сговорчивым человеком, то дедушка А. М. Фадеев ничего не хотел о ней слышать. Он наотрез отказался принять в Тифлисе неблагодарную внучку. Надежда Андреевна нашла выход из создавшейся двусмысленной ситуации и предложила Блаватской остановиться у овдовевшей сестры Веры.

Так, в Рождество Елена Петровна после девятилетней разлуки оказалась в Пскове в кругу семьи. В доме Яхонтовых было семейное торжество, выдавали замуж золовку Веры, и по этому случаю приехал их отец П. А. Ган, брат Леонид и маленькая сводная сестра Лиза.

Сестра Блаватской Вера описала эту незабываемую встречу: «Мы все ждали, что приезд ее состоится на несколько недель позже. Но, странно, когда я услышала дверной звонок, я вскочила на ноги в полной уверенности, что это она. Случилось так, что дом моего свекра, в котором я тогда жила, был полон гостей в тот вечер. Это была свадьба его дочери, гости сидели за столом, а дверной звонок звонил не переставая. Я была настолько уверена, что она приехала, что, гостям на удивление, я быстро встала и побежала к дверям, не желая, чтобы дверь сестре открыли слуги.

Преисполненные радости, мы обнялись, забыв в этот момент обо всем. Я устроила ее в своей комнате, и, начиная с этого вечера, я убеждалась в том, что моя сестрица приобрела какие-то необыкновенные способности. Постоянно, и во сне и наяву, вокруг нее происходили какие-то невидимые движения, слышались какие-то звуки, легкие постукивания. Они шли со всех сторон — от мебели, оконных рам, потолка, пола, стен. Они были очень слышны, показалось, что три стука означали — «да», два — «нет».

Блаватская рассказывала о своих странствиях. Все это было так необычно, так ново для них, что они едва ей верили. Они представляли желтые воды Нила, яркое голубое небо, скороходов хедива в куртках, шитых золотом, с откидными рукавами, цветные окна домов, женщин в чадрах, кареты, обитые атласом и с грозными евнухами на козлах, гортанно кричащую, полураздетую толпу, гоношащиеся и грязные базары, весь огромный город Каир, разлегшийся за Нилом у подножия Макаттама, с мечетью Мухаммеда Али и с двумя остроконечными минаретами, казавшийся фантастическим видением.

Елена Петровна была совершенно другая — немало повидавшая и уверенная в себе женщина с теми же жгуче-синими глазами и с загадочным выражением на лице. Однако от нее по-прежнему веяло чем-то наивно детским.

Брату исполнилось восемнадцать лет, он учился на

юридическом факультете Дерптского университета. У сестры Веры было небольшое именьице Ругодево в Псковской губернии, купленное незадолго перед смертью ее мужем. Вся семья Гана, включая Лизу, решила основательно отдохнуть в деревне. Перед поездкой в Ругодево они несколько недель провели по отцовским делам в Петербурге. В столице у Блаватской несколько поубавился медиумический пыл.

В Ругодеве все еще существовал патриархальный уклад жизни. В незамысловатом усадебном доме они провели больше месяца. Жили бы они и дольше, если бы не скорбное известие из Тифлиса о том, что бабушка Е. П. Фадеева умирает. Бабушка была наполовину парализованной уже в то приснопамятное время, когда Елена Петровна замыслила и осуществила побег из России. Однако голова у бабушки оставалась светлой. Она обучала чтению и Закону Божьему детей средней дочери Екатерины Витте. Блаватская не видела бабушку больше одиннадцати лет. В такой трагической ситуации, когда Е. П. Фадеева доживала последние дни, дедушка сменил гнев на милость и разрешил Елене Петровне приехать в Тифлис, проститься, как они ее называли, с «бабочкой».

Е. П. Фадеева умерла 24 августа 1860 года.

Показания В. П. Желиховской (Яхонтовой) о паранормальных способностях ее сестры Елены Петровны Блаватской

«…Как это часто бывает, самые близкие и дорогие Блаватской люди скептически относились к ее способностям. Ее брат Леонид и отец дольше всех были противниками очевидного, но сомнения брата были сильно поколеблены после следующего эпизода.

Однажды в нашей гостиной собралось очень много гостей. Некоторые музицировали, другие играли в карты, но большинство, как всегда, было занято феноменами.

Леонид фон Ган не присоединялся ни к одной из этих групп, а медленно прохаживался по комнате, наблюдая за окружающим. Это был физически очень сильный, мускулистый юноша, голова которого была полна полученными им в университете знаниями, латинским и немецким языками и т. д. И не верил ничему и никому. Он остановился у кресла сестры и выслушал ее рассказ о том, что некоторые люди, называемые медиумами, могут сделать легкие предметы настолько тяжелыми, что их невозможно будет поднять и, наоборот, тяжелые предметы могут сделать легкими.

— И ты хочешь сказать, что можешь это сделать? — иронически спросил сестру Леонид.

— Медиумы могут, и я также делала, хотя не всегда могу отвечать за результат… Я попробую. Я просто укреплю этот шахматный столик. Кто хочет попробовать, пусть поднимет его сейчас, а потом попробует поднять его второй раз, после того как я его укреплю.

— Ты сама не коснешься столика?

— Зачем мне его касаться? — ответила Блаватская, спокойно улыбаясь.

После этого один молодой человек уверенными шагами подошел к шахматному столику и поднял его как перышко.

— Хорошо, — сказала она, — а теперь, будьте любезны, отойдите в сторону.

Приказ был выполнен. Все замолчали и, затаив дыхание, наблюдали, что она будет делать. Ее большие глаза обернулись к шахматному столику. Строго глядя на него и не отводя глаз, она движением руки пригласила молодого человека поднять столик. Он подошел к столику и с самодовольным выражением лица схватил его за ножки. Столик нельзя было сдвинуть с места. Скрестив свои руки, как рисуют Наполеона, он медленно сказал: «Это хорошая шутка».

— Да, действительно хорошая шутка! — отозвался Леонид. Он решил, что молодой человек тайно сговорился с его сестрой и теперь дурачит всех.

— Могу ли я попробовать? — спросил он сестру,

— Прошу, попробуй, — смеясь, ответила она.

Брат, улыбаясь, подошел к столику и, в свою очередь, захватил ножку столика своей мускулистой рукой. Улыбка мгновенно исчезла с его лица, и он смотрел в полной растерянности. Затем он очень внимательно рассмотрел хорошо знакомый ему шахматный столик и всей своей силой ударил его ногой. Столик не шелохнулся. После этого он попытался потрясти столик, прижав его к своей могучей груди обеими руками. Раздался скрип, но столик так и не поддался его усилиям. Его три ножки казались привинченными к полу. Потеряв надежду сдвинуть столик, Леонид отошел от него и, сморщив лоб, пробормотал: «Как странно!»

Все гости были привлечены к столику, возникли шумные споры, многие, и старые, и молодые, попытались поднять этот маленький треугольный столик или хотя бы сдвинуть его с места, но безуспешно.

Видя, как брат ее был потрясен, Блаватская сказала ему со своей обычной беззаботной улыбкой: «Ну а теперь попробуй еще раз поднять столик!» Леонид приблизился к столику, опять взял его за ножку и рванул его кверху, чуть не вывихнув руку от этого

чрезмерного усилия. На этот раз столик легко поднялся, как перышко.

…Это случилось в Петербурге, через несколько месяцев после того, как г-жа Блаватская, ее отец и я покинули Псков. Мы прибыли в Петербург по делам и остановились в гостинице, собираясь через некоторое время отправиться в имение моего покойного мужа Ругодево, расположенное в Новоржевском уезде, в двухстах верстах от Петербурга, чтобы провести там лето.

До обеда мы были заняты делами, а послеобеденное время и вечера отдавали визитам, и ни о каких феноменах у нас не было времени и подумать.

Однажды вечером нас навестили двое старинных друзей отца. Они были очень заинтересованы новым спиритуализмом, и им, естественно, очень хотелось что-нибудь по этой части повидать. После того как гостям показали несколько феноменов, они заявили, что полностью убеждены в поразительных способностях Блаватской и никак не могут понять, как наш отец, наблюдая подобные проявления, может все еще оставаться равнодушным?

Отец сидел в это время спокойно за столом, раскладывая «большой пасьянс». На прямой вопрос он ответил, что все это чепуха и о таких пустяках не хочет и слышать. Серьезному человеку нечего заниматься такими глупостями. Однако друзья его настаивали на том, чтобы во имя их старой дружбы полковник Ган произвел какой-нибудь эксперимент. Они предложили отцу написать в другом помещении какие-нибудь слова, которые затем духи должны были бы «простучать».

В конце концов полковник согласился, скорее всего, потому, что надеялся на то, что ничего из этого не получится и он сможет над друзьями своими посмеяться. Он пошел в другую комнату и на клочке бумаги написал несколько слов, положил эту бумажку себе в карман и, улыбаясь, засел снова за свой пасьянс.

«Ну что ж, наш спор будет скоро разрешен — сказал его друг К-в, — но что вы скажете, если слово, которое вы написали, будет правильно повторено? Разве вы в этом случае не вынуждены будете поверить?»

«Что я сказал бы, если бы это слово было отгадано, я в настоящее время сказать не могу, — скептически ответил он, — но одно для меня ясно: с того момента, как вы заставите меня поверить вашему так называемому спиритуализму, я буду готов поверить в черта, колдуна, ведьму, русалку, во все суеверия старых баб, и вы сможете тогда поместить меня в дом умалишенных».

После такой декларации он спокойно продолжал свой пасьянс, ни на что больше не обращая внимания… Я стала

произносить буквы алфавита, старый генерал отмечал стуки, только Блаватская ничего не делала. В конце концов мы получили одно слово, но оно было таким неожиданно абсурдным, что никак нельзя было, как нам казалось, связать его с тем, что мог бы написать отец… Мы ожидали какого-то продолжения и поглядывали друг на друга с сомнением, произнести ли это слово вслух или нет? На наш вопрос: все ли это? — прозвучали энергичные ответные стуки, которые на нашем коде означали: «Да, да, да!»

Увидев наше возбуждение, отец посмотрел на нас поверх своих очков и спросил: «Ну? Есть ли у вас ответ? Он должен быть очень глубокомысленным».

Он встал и, улыбаясь, приблизился к нам. Я пошла ему навстречу и несколько смущенно сказала, что есть только одно слово. «И какое?» — «Зайчик». Надо было видеть необычайную перемену в выражении лица отца, когда он услышал это единственное слово! Он побледнел, как покойник, дрожащими руками поправил свои очки и поспешно сказал: «Позвольте мне посмотреть. Давайте сюда. Действительно ли это так?»

Он взял этот отрывок бумаги и взволнованным голосом произнес: «Зайчик. Да. Зайчик. Так оно и есть… Как странно».

Вынув из кармана бумажку, на которой он написал несколько слов, будучи в соседней комнате, он протянул ее мне и гостям. На бумажке был вопрос и ожидаемый ответ. «Как звали мою любимую лошадь, на которой я совершал свои первые военные турецкие походы?» А ниже стояло «Зайчик».

Мы торжествовали и откровенно выражали свои чувства. Это единственное слово «Зайчик» произвело потрясающее впечатление на старого полковника. Как это часто случается с неисправимыми скептиками, убедившись однажды, что в претензиях его старшей дочери есть нечто, что не могло быть объяснено ни обманом, ни колдовством, он ринулся в феномены со всей горячностью серьезного исследователя.

…Поселившись в нашем поместье Ругодево, мы чувствовали себя как бы пересаженными в некую заколдованную страну и совсем уже не удивлялись движущимся вещам, которые необъяснимым образом перемещались с места на место и по какой-то неизвестной нам, но разумной силе вмешивались в нашу жизнь. В конце концов мы перестали обращать внимание на них, хотя эти феноменальные случаи другим казались чудесами…

…Все жители дома часто среди белого дня видели туманные человеческие тени, расхаживающие по комнатам, в саду, у клумб перед домом и вблизи старой церквушки. Мой отец (так недавно бывший великим скептиком) и мисс Леонтина, гувернантка

нашей младшей сводной сестры Лизы, часто говорили мне, что вот только совершенно ясно они видели эти тени…

…Не только Блаватская, но и наша девятилетняя сестричка Лиза видала однажды посетителей, бесшумно скользящих по коридорам старого дома… Удивительно, что она совсем не боялась, считая их живыми людьми и только интересовалась: откуда они пришли, кто они и почему никто, за исключением ее «старшей» сестры, не хочет придавать значения их появлению? Ей это казалось очень нелюбезным. Но она скоро утеряла свою способность ясновидения. Может быть, об этом позаботилась Блаватская.

…Мирную жизнь в Ругодеве нарушила ужасная болезнь Блаватской. Возможно, что во время ее одиночного путешествия по степям Азии она получила тяжелую рану. Мы не знали, как это произошло. Глубокая рана эта время от времени вновь открывалась, и тогда она испытывала невыносимые боли, часто вызывавшие судороги, за которыми следовал транс, подобный смерти.

Болезненное состояние обычно длилось от трех до четырех дней, и после этого рана заживала так же быстро, как она вдруг появлялась. Как будто бы какая-то невидимая рука ее закрывала, и от болезни не оставалось и следа. Однако вначале она не знала, что все так кончится, поэтому испуг ее и расстройство были очень большими.

Мы поехали в ближайший город за врачом, но он мало чем смог помочь, не потому, что был плохим хирургом, но по причине некоего феномена, происходившего каждый раз при попытке его помочь. Только он осмотрел рану у лежавшей без сознания пациентки, как внезапно увидел большую темную руку, протянутую между своей рукой и раной, которую он собирался перевязать. Глубокая рана находилась вблизи сердца, а рука передвигалась от горла до середины туловища. Растерянность его увеличивали и бешеные стуки, которые раздавались с середины потолка, с пола, от оконных рам, от всей мебели — настоящий хаос звуков.

Весной 1860 года я и Леля покинули Ругодево и отправились на Кавказ, чтобы навестить наших бабушку и дедушку, которых не видели много лет.

…В то время спиритизм (или спиритуализм) только лишь начинал развиваться в Европе. Необыкновенные психические способности Блаватской, проявленные ею еще в детские и юношеские годы, за время ее путешествии значительно возросли и определились, и она вернулась в Россию, обладая многими оккультными способностями, которые в то время приписывали

медиумам.

На мои вопросы она отвечала, что эти явления, как в детстве, так и в юности, всегда сопутствовали ей и что по своей воле она могла заставить «стучащих» усилить свои стуки или уменьшить их, а то и совсем прекратить. Конечно, лучшие люди Пскова знали, что происходит в мире, слышали о спиритизме и его проявлениях, но сами они никогда не слыхали этих «стучащих духов». В Петербурге были медиумы, но до Пскова они еще не добрались.

…Когда ее называли «медиумом», Блаватская смеялась и говорила, что она не медиум, а только медиатор — посредник между умершими и живыми, но я никогда не могла понять эту разницу… Моя сестра во время своего многолетнего отсутствия путешествовала по Индии, где, как мы теперь знаем, медиумические феномены высмеиваются, и объясняют их совсем иначе. Медиумизм, по их представлениям, исходит из такого источника, из которого моя сестра черпать не считала возможным, и поэтому она не признавала за собой эти качества.

…Трудно даже кратко описать то, что за время пребывания Блаватской в Пскове она нам показала… Все это можно классифицировать следующим образом

1. Прямые и вполне ясные ответы, письменные или устные, на ментальные вопросы — или «чтение мыслей».

2. Обнаружение различных болезней, наименование их полатыни и указание последующего курса лечения.

3. Сообщение о некоторых тайнах, о которых никто не знал, особенно в тех случаях, когда кем-то был проявлен обвиняющий ее скептицизм.

4. Изменение веса мебели и человека.

5. Получение писем от неизвестных корреспондентов, письменных ответов на вопросы. Письма эти мы находили в невероятных местах.

6. Показ присутствующим задуманного ими предмета.

7. Звуки музыки по желанию Блаватской.

Вскоре мы убедились, что «работающих духов», как нам всегда объясняла Блаватская, надо разделить на несколько категорий.

Низшие из этих невидимых существ показывали лишь физические феномены. Высшие — редко соглашались беседовать с чужими. Они давали себя видеть, или чувствовать, или слышать лишь в те часы, когда мы были одни в семье и когда в нашей среде царили полный мир и согласие… когда никто из нас не старался провести какие-то эксперименты или увидать необыкновенные явления и когда не было никого, кого надо было

убеждать в чем-то или информировать…

По большей части феномены не имели связи между собой, и казалось, что они не зависели от ее воли, очевидно, не было принято во внимание ни одно из предшествующих обстоятельств, и, как казалось, они противоречили ближайшему высказанному желанию и воле.

Мы сердились, когда был случай убедить какого-нибудь очень интеллектуального исследователя, но из-за упрямства или нежелания Блаватской ничего не выходило…

Я хорошо помню, как однажды в гостях, куда издалека приехало несколько семейств, чтобы повидать феномены, Блаватская не дала никаких доказательств своим способностям, хотя и говорила, что делает все, что может. Это продолжалось несколько дней. (Елена Петровна объясняла это усталостью и отвращением ко всевозрастающей людской жажде «чудес».)

Гости уехали неудовлетворенными и настроенными скептически.

Но только ворота за ними закрылись, и бубенчики еще звенели при проезде ими последней аллеи, как в комнате все ожило. Мебель вела себя так, как если бы в каждом ее предмете была способность говорить. Мы провели вечер и большую часть ночи, как будто мы находились в магических стенах дворца Шехерезады…

Пока мы в столовой ужинали, на пианино, которое находилось в соседней комнате, было сыграно несколько звучных аккордов. Пианино было запертым и стояло так, что мы могли его видеть через открытые двери. Затем по приказанию Блаватской к ней по воздуху прилетели ее мешочек с табаком, спичка, носовой платочек, одним словом, все, что бы она ни попросила или что бы ни заказывали ей попросить.

Затем в комнате вдруг погасли все лампы и свечи, как будто по комнате прошло сильное дуновение ветра. Когда мы зажгли спички, то вся мебель: диваны, кресла, шкафчики с посудой и большой буфет — все было перевернуто вверх ногами, но при этом ни один орнамент, даже мельчайший, никакой предмет посуды, не пострадали.

Только мы пришли в себя от этих чудес, как снова услышали игру на фортепиано — чисто и хорошо исполненный длинный бравурный марш. С зажженными свечами мы подошли к инструменту (я при этом проверила, все ли присутствуют). Как мы полагали, фортепиано было заперто, а последние аккорды еще вибрировали под закрытой крышкой.

…Она была, как тогда говорили ее современники, «хорошо пишущим медиумом». Это означает, что она могла сама написать

ответы в то время, когда говорила с окружающими на совершенно постороннюю тему… Блаватская рассказала нам, что в детстве и позже она в этих случаях видит мысль спрашивающего или ее яркий отблеск, как будто бы эта мысль висит в царстве теней вблизи головы вопрошающего. Ей надо только внимательно снять с нее копию или позволить руке механически записать ее. Во всяком случае, она никогда не чувствует, что ею руководит какая-то внешняя сила, т. е. никакие «духи» ей не помогают…

Когда чью-либо мысль надо было передать стуком, положение было другое. Прежде всего, ей надо было прочесть мысль спрашивающего, запомнить и объяснить ее, затем следить за тем, как произносят одну за другой буквы алфавита, и направлять поток воли, чтобы он произвел стук при нужной букве.

Часто бывало, что сестра моя что-то читала, а мы — наш отец, гувернантка и я — не желая ее тревожить, обращались ментально к невидимым силам и в тишине, держа наши мысли про себя, записывали буквы, которые выстукивались на ближайшей стене или на столе. Интересно, что такой безмолвный разговор с этой «разумной силой», которая всегда излучалась в присутствии моей сестры, был особенно интенсивным, когда она спала или была серьезно больна.

…Она уже давно оставила разговоры с помощью стуков (особенно когда она жила в Мингрелии) и находила более удобным отвечать словесно или письменно. Это она делала сознательно и просто, как она объясняла, наблюдая мысли людей, которые исходили из их голов лучистыми спиралями или в виде струй, принимающих определенные тона и формы.

Часто такие мысли и ответы на них запечатлевались в ее мозгу и формировались в слова и фразы. Насколько я понимаю, здесь происходил процесс соединения ясновидения с чтением мыслей. Иногда во время записывания Блаватская, казалось, впадала в состояние комы или магнетического сна с широко раскрытыми глазами, но и при этом все же рука ее шевелилась и она продолжала записывать. Когда в таком состоянии она отвечала на ментальные вопросы, ответы ее редко были неудовлетворительными.

Здесь сама Блаватская дает примечание: «Вполне естественно, ибо это не был магнетический сон и никакая не «кома», но обыкновенное состояние интенсивного сосредоточения, когда малейшее рассеяние приводит к ошибке. Люди, знакомые лишь с медиумическими явлениями и не знающие наших философских основ, часто совершают эту ошибку».

Все это время ее оккультные способности не только не

ослабевали, но с каждым годом становились все сильнее. Казалось, что она по своей воле может выполнить все, что угодно… Однако случайные, эпизодически происходящие феномены становились все реже, но когда они происходили, то были всегда очень необычными.

После возвращения к жизни и здоровью (после своей таинственной болезни) Блаватская покинула Кавказ и уехала в Италию.

Уже перед отъездом в 1863 году в ее способностях произошли существенные изменения.

В то время, когда я это пишу (1885 г.), вот уже более двадцати лет прошло с того времени, когда еще происходили независящие от ее воли феномены. Не могу сказать, когда именно произошла эта перемена в ее оккультных способностях, так как она в это время жила вдали от нас и при встречах мы редко этого касались, лишь в письме она однажды прямо ответила на этот вопрос: «Теперь я уже никогда не буду подверженной внешний влияниям».

Я верю этому заверению, потому что в течение пяти лет мы имели возможность наблюдать, как постепенно изменялись ее способности.

В Пскове и Ругодеве еще не редко случалось, что она не могла ни контролировать эти проявления, ни прекратить их. Позже мы наблюдали, что она становилась все более способной овладевать ими. В конце ее пребывания у нас, после неожиданной и тяжелой болезни в Тифлисе, стало очевидным, что она может вызывать эти явления и проводить их по своему желанию.

Она продемонстрировала это, прерывая феномены по своей воле на несколько дней или недель. Когда этот срок истекал, она могла их снова вызвать или не вызвать и разрешала своим близким выбирать, что им захочется. Короче говоря, мы все убеждены в том, что, когда проявлялась ее могущественная природа, она могла своей несокрушимой волей, тем или иным способом, сделать послушными силы невидимого мира, население которого она отказывалась называть «духами и душами».

Время невосполнимых утрат

В тифлисское знойное лето 1860 года Е. П. Блаватская познакомилась со своим двоюродным братом — двенадцатилетним Сережей Витте, миловидным, застенчивым и бледным. Трудно было предположить, что спустя много лет он,

министр финансов при Александре III и Николае II, станет среди российских чиновников первым лицом: архитектором новой индустриальной России.

Он и она остались в памяти русских людей. У каждого из них было свое поприще, но их объединяло общее в характере. По существу, они жили, как получится, любили прихвастнуть, проявляли в нужные моменты вероломство, удивляли окружающих своей мелочностью, отличались скрытностью. Вместе с тем они обладали развитым интеллектом и сильной волей, неуемной энергией и потрясающей проницательностью. Когда надо было, видели людей насквозь.

Родовые черты Долгоруковых и Фадеевых проглядывают во всем их поведении, таком неординарном и запоминающемся.

У них не было злого умысла, зачастую их поступки определяли страсти и романтические надежды. Они бывали иногда нетвердыми в своих решениях и занимаемой позиции, даже с ущербом для собственной репутации.

В воспоминаниях С. Ю. Витте, написанных им в шестьдесят два года, Блаватская предстает не в розовом свете и не с лучшей стороны. Он описывает ее с чувством внутренней обиды, вызванной не столько ее поступками, затрагивающими честь семьи, сколько явным несоответствием оригинала сложившемуся в его юном сознании образу роковой женщины.

Он думал увидеть очаровательную куртизанку, сводящую с ума мужчин, а перед ним оказалась толстая неряшливая особа, к тому же плохо и старомодно одетая. Именно внешний вид Елены Петровны поверг его в шок, а позднее, в старости, это чувство разочарования в женщине его мечты дало о себе знать в желчном и каком-то небрежном тоне повествования, словно он писал не о близкой родственнице, а о совершенно постороннем человеке.

Непременным условием проживания Елены Петровны в Тифлисе, поставленным А. М. Фадеевым, было возвращение к законному мужу. Она это условие безоговорочно приняла, рассчитывая, по-видимому, на обещание, которое дал в письме тете Надежде Н. В. Блаватский.

Желая доставить Елене Петровне удовольствие и верный данному слову, Н. В. Блаватский перед ее появлением в Тифлисе уехал на время для лечения в Берлин. Правда, его принципиальности хватило ненадолго. В ноябре, возвратившись в Россию, он неожиданно для всех подал в отставку с поста вице-губернатора Эриванской губернии и перебрался в Тифлис, чтобы опять замаячить перед ее глазами.

Как Блаватская считала, ее муж был до нелепости глупым человеком. Она не принимала во внимание деликатность и

хрупкость его натуры, а в особенности не хотела замечать те робкие шаги, которые он делал навстречу ей, может быть втайне надеясь, что его блудная жена образумится и больше не доставит ему никаких хлопот. Как обольщался этот несчастный и наивный человек!

На первых порах Елена Петровна соблюдала осторожность и, скучая до отчаяния, старалась по мере сил не шокировать общество. Она большую часть времени проводила в доме у дедушки, в старинном особняке князя Чавчавадзе, в кругу всей семьи, среди родственников и ближайших друзей. Отсутствие в доме бабушки, Е. П. Фадеевой, сказывалось, но дом по-прежнему оставался нарядным и ухоженным. Бабушкина коллекция растений, редких бабочек и букашек была подарена Петербургскому университету. Особенно Е. П. Блаватская сблизилась с тетей Надеждой и дядей Ростиславом.

Не прошло и месяца, как Е. П. Блаватская вошла в курс семейных дел. Дедушка, как и раньше, оставался в семье основным кормильцем, он занимал должность члена Совета при наместнике Кавказа, однако прежней бодрости и живости в нем уже не было. После смерти жены он одряхлел и как-то умственно сдал. Ему исполнился семьдесят один год. Дядя Ростислав приобрел широкую известность как военный историк. Его перу принадлежал монументальный труд «Шестьдесят лет войны на Кавказе». Тетя Надежда переняла от своей матери страсть к собиранию редких вещей и пополняла доставшуюся ей в наследство коллекцию образцами оружия всех времен и народов, китайскими и японскими божками, византийской мозаикой, персидскими коврами, произведениями живописи, а также старинными книгами. В доме все еще чувствовался достаток, он был открыт для друзей и знакомых, особенно в нем привечали людей своеобразных и бывалых. Семья Фадеевых всегда славилась широким гостеприимством.

Дядя Ростислав и тетя Надежда не чаяли души в своей племяннице, взяли под свою защиту и делали все, что могли, чтобы скрасить ее тифлисскую жизнь. Для них она оставалась неразумной девочкой с непомерным самолюбием, с вечно тревожными мыслями и с нелепыми угловатыми движениями, маленькой несчастной фурией, которую природа наделила необыкновенными способностями, а судьба с ней обошлась прескверно.

Елене Петровне удалось привлечь внимание тифлисского общества медиумическими сеансами, которые она еженедельно устраивала в доме А. М. Фадеева. Естественно, что уроки спиритизма она давала даром. Блаватская получала удовольствие

от создаваемой ею гармонии между миром живых и мертвых, ведь в какой-то степени она была прилежной ученицей европейской знаменитости, спирита и мага Даниеля Юма. Для тех, кто знал ее ближе, она обставляла свои мистические спектакли бытовыми мизансценами, импровизировала на ходу, с почти незаметной иронией относясь к зрителям. Ей помогали в создании атмосферы потустороннего блестящая эрудиция и необыкновенная память на нужные детали, которые она вытаскивала откуда-то из-под мусорной кучи повседневности, из своего никому не известного прошлого и придавала с их помощью впечатляющую достоверность зрелищу появления призраков с того света. Своими инфернальными пантомимами и звуковыми эффектами Елена Петровна расстраивала и без того некрепкие человеческие нервы, производила в зрителях временное легкое помешательство, чем очень гордилась.

Блаватская обычно предваряла демонстрацию феноменов рассказами о поразительных случаях из собственной жизни, которые противоречили обыденным явлениям и заслуживали названия сверхъестественных.

Даже мать Сергея Витте, тетя Екатерина, освобождалась при этом на время от гнета ежедневной жизни и смотрела на нее влюбленными глазами, как на расшалившуюся, еще неумелую чаровницу.

Все они, невольные или вольные соучастники этих мистических радений, почему-то стеснялись дедушки А. М. Фадеева и с нетерпением ждали, когда, попрощавшись с гостями, он уйдет к себе в спальню. Трудно объяснить, но все были убеждены, что старый человек, знавший еще Александра I, масона и мистика, не поймет и осудит их полуночные забавы, их игру с привидениями, то сильное влечение к странным явлениям, которое наполняло их приятным ощущением крайней нервозности. Может быть, они просто не хотели сыпать ему соль на раны, видя, как он тяжело переживает смерть бабушки, Е. П. Фадеевой?

В салоне князя Барятинского, на свою беду, встретила Елена Петровна барона Николая Мейендорфа.

Эстляндский барон, всесторонне образованный, увлеченный спиритизмом, не без сумасшедшинки в глазах, Николай Мейендорф пришел в восхищение от Елены Петровны. Он нашел ее обворожительной и бесподобной; с первой встречи будто невидимая ниточка протянулась между ними.

Николай Мейендорф оказался закадычным другом, названым братом Даниеля Юма, известного американского спирита и фокусника, — как тут было не броситься в объятия друг друга!

Барон, безупречный красавец, гроза женщин, увлекся Блаватской. Это удивило окружающих, которые считали, что молодой человек либо что-то в нем не разглядел, либо его неожиданно вспыхнувшая страсть была заранее приготовленным и отлично разыгранным фарсом. Правды так никто и не узнал. Несомненно, что Николай Мейендорф относился к категории противоречивых и изменчивых людей; впрочем, как и сама Елена Петровна.

Роман между ними развивался бурно и стремительно, на одном дыхании. Барон был женатым человеком, его супруга принадлежала русской аристократии.

И тут в Тифлисе некстати появился с гастролями Агарди Митрович, ее прежний возлюбленный, один из лучших европейских басов. Их знакомство в Константинополе не оборвалось внезапно, а имело свое продолжение. Приезд Митровича нарушил устойчивость и соразмерность любовного треугольника, появилась другая геометрическая фигура — квадрат. Елена Петровна с ужасом обнаружила, что беременна.

Барон Мейендорф решительно отказался от будущего отцовства. Потрясенный Н. В. Блаватский постарался сохранить лицо и назначил Елене Петровне ежемесячное содержание в 100 рублей. Агарди Митрович наблюдал развитие событий со стороны, не зная, как и чем ей помочь.

На общем семейном совете решили отправить Елену Петровну в дальний гарнизон, в Мингрелию; там она должна была донашивать ребенка и родить.

В гарнизоне, куда она попала, ее словно не замечали. Деньги от Н. В. Блаватского часто задерживались, она едва сводила концы с концами. Тетя Е. А. Витте, получая ее письма с просьбой о помощи, в ответ читала нотации о том, что необходимо обходиться малым, и не высылала ни копейки дополнительно к деньгам Блаватского.

Ребенка пришлось вытаскивать щипцами. Гарнизонный врач не был повивальной бабкой, у него дрожали руки, и он повредил новорожденному кости. Блаватская родила мальчика-уродца.

Чего только не натерпелась Елена Петровна за девять месяцев своей беременности! А увидев своего первенца, впала в летаргическое состояние. Бесчувственную, ее погрузили в лодку и отправили рекой до Кутаиси.

Сопровождавшие Блаватскую люди рассказали малоправдоподобную историю. Будто от нее отделился призрак и пошел по воде, как по суху, навстречу прибрежным лесам. Это случилось в первую ночь, а во вторую, ближе к утру, от нее отошли не одна, а две эфемерные тени, два бесплотных двойника

и растаяли во мраке.

Неудивительно, что вскоре от нее сбежали почти все слуги, при ней остался один верный человек, старший лакей в доме А. М. Фадеева. В Кутаиси у нее начались галлюцинации, словно она заболела горячкой.

В Тифлис ее привезли скорее мертвой, чем живой. Преследуемая роком, она умственно перешла, как сейчас сказали бы, в параллельный мир, обосновалась в столь ей привычной области грез и фантазий.

Как явствует из воспоминаний сестры Веры, много сил затратили тетя Надежда и дядя Ростислав, чтобы содействовать ее душевному и физическому выздоровлению. Именно они вернули ее тогда к нормальной жизни.

Удивительные перемены совершаются с людьми! Вскоре по возвращении в родной дом Елену Петровну невозможно было узнать: она стала матерью, и матерью любящей, прилежной и заботливой.

Медиумические сеансы, полуночные беседы о тайнах Атлантиды, фантастический, недосягаемый Тибет, даже ее «махатма» Мория — все это воспринималось теперь, как мираж, который исчез и больше никогда не появится. Оставался ууакающий розовый комочек, ее трогательный уродец, ее любимая крошка Цахис. Она думала только о своем сыне, которого назвала Юрием, и терялась в догадках о его будущем.

Агарди Митрович уехал из Тифлиса на гастроли в Европу. Н. В. Блаватский помогал деньгами, а в 1862 году подал прошение об оформлении на нее паспорта, куда должен был быть вписан Юрий. Также он снабдил Елену Петровну специальной бумагой, позволяющей ей посетить с сыном Таврическую, Херсонскую и Псковскую губернии, то есть те места, где проживали ее родственники. Никто из них, кроме самой Елены Петровны, не пытался представить в то время Юрия чужим ребенком.

Она потребовала у барона Мейендорфа определенности по отношению к собственному сыну. В момент последнего и окончательного объяснения с бароном у него был, она обратила внимание, неподвижный мертвый взгляд, словно он прятался по ту сторону жизни от нее и от Юры. Он не признал Юру своим ребенком, но после некоторых размышлений и переговоров с родственниками согласился принять на себя часть расходов по его содержанию.

Конечно, следовало привезти Юру к дедушке, ее отцу П. А. Гану и сестре Вере. Поэтому Елена Петровна отправилась в Псковскую губернию и пыталась представить дело так, что она приемная мать ребенка. Она тогда впервые отказалась от

материнства. Прямо скажем, что ее отец отнесся к появлению на свет незаконнорожденного и к тому же больного внука без всякого энтузиазма.

Может быть, боязнь семейного скандала заставила Елену Петровну совершить первый некрасивый поступок в отношении сына. Она обратилась к псковским врачам — профессорам Боткину и Пирогову, впоследствии получившим всероссийскую известность, — с просьбой предоставить ей соответствующий документ о ее бесплодии. Получив затребованную медицинскую справку, она использовала ее как козырную карту в игре с ханжами и лицемерами, кто свою викторианскую мораль ставил выше Нагорной проповеди Христа. Боткин и Пирогов, благородные и добрые люди, прекрасно понимали, что ложь, на которую она решились, святая и соответствовала их представлению о гуманности.

Елена Петровна была полностью поглощена заботами о сыне. Все ее прежние медиумические и оккультные увлечения имели мало общего с той обыкновенной жизнью, которую она вела и которая ей искренне нравилась. Мальчик требовал особого ухода, и она вступила в отчаянную борьбу за его здоровье. Елена Петровна донашивала свое старое или взятое с чужого плеча, — тетины капоты и сестринские платья. В ее положении стало совершенно невозможным устраивать спиритические сеансы, творить феномены или заниматься иной неестественной деятельностью. Она, по-видимому, боялась потерять сына и поклялась не заглядывать больше за роковой предел.

Елена Петровна теперь целиком полагалась на себя, на тетю Надежду и дядю Ростислава. По возвращении из Пскова в Тифлис она остановилась у Р. А. Фадеева. Дядя все еще был холостяком и жил самостоятельно в большой и удобной квартире. С ним было легко и спокойно, правда, из-за его врожденной любви к порядку между ними иногда происходили короткие ссоры.

Н. В. Блаватский ее не беспокоил, а в декабре 1864 года он и вовсе подал в отставку, навсегда исчез из поля зрения — уехал доживать старость в Полтавскую губернию, в свое имение.

После нескольких лет молчания неожиданно, как обычно, обнаружился Агарди Митрович. Он не держал на нее зла, тосковал и настойчиво звал их Юрой в Италию, где у него был ангажемент. Она, долго не раздумывая, согласилась. Мигом собралась в дорогу и на Рождество уже была в Италии.

Елена Петровна смертельно боялась за Юру, мальчик хирел на глазах. Он умер осенью 1867 года ранним утром.

Смерть Юры, как огненный смерч, выжгла все искреннее и естественное в ее душе.

…Елена Петровна творила, что хотела: перекраивала биографии близких людей, переиначивала происходившие с ней события, мифологизировала обыденные вещи. Так, она приписала возраст Агарди Митровича Н. Блаватскому, невесть что насочинила о себе, Юре, Митровиче, Блаватском, Мейендорфе. В особенности она навела много тумана вокруг жизни и смерти своего мальчика. Отреклась от своего материнства.

Но что самое ужасное, она представила свою человеческую трагедию в батальных образах, настаивая на том, что в эти осенние месяцы 1867 года сражалась на стороне Джузеппе Гарибальди, была ранена в битве при Монтане, основательно покалечена шрапнелью, а ее левая рука буквально висела на нитке после полученного удара саблей. Вот таким символическим образом она переживала смерть своего сына и отречение от материнства.

В действительности же, похоронив Юру, она и Агарди Митрович некоторое время жили в Киеве. Митрович с ее помощью выучил русский язык, достаточно хорошо, чтобы участвовать в таких русских операх, как «Жизнь за царя» и «Русалка». Елена Петровна тогда же поссорилась с другом своего детства, генерал-губернатором Киева князем Александром Дондуковым-Корсаковым. Она написала на него эпиграмму и расклеила по городу. Сейчас уже трудно представить, по какому поводу.

Естественно, Елена Петровна и Митрович стали нежелательными лицами в Киеве.

Из Киева они переехали в Одессу к тетям Екатерине и Надежде.

1869 год был также годом утрат и для семей Фадеевых и Витте. Умер дедушка А. М. Фадеев и муж тети Кати, отец Сергея — Юлий Витте. С их смертью исчезла спокойная зажиточная жизнь. Дедушка оставил одни долги, поскольку платил жалованье 84 прежним крепостным. Екатерина Витте и Надежда Фадеева упаковали чемоданы и двинулись в Одессу, там предстояло учиться в университете двум сыновьям тети Кати — Борису и Сергею.

Однако положение, в котором оказались Елена Петровна и Митрович, не шло ни в какое сравнение с бедностью ее тетушек. Бывали дни, когда ей с Агарди Митровичем нечего было есть. Она предпринимала кое-какие попытки заняться бизнесом, как сказали бы сейчас, но полностью прогорела.

И вдруг Агарди Митрович получил приглашение в Каирскую оперу. Это было настоящее спасение. Они спешно тронулись в путь.

Пароход «Эмония», отплывавший в Александрию из Неаполя

с четырьмястами пассажирами на борту, с грузом пороха и петардами, взорвался и затонул 4 июня 1871 года в Неаполитанском заливе. Среди его пассажиров были Елена Петровна и Агарди Митрович. Она чудом спаслась, а он утонул.

Воспоминания С. Ю. Витте о своей двоюродной сестре Е. П. Блаватской

Когда я познакомился с ней, то был поражен ее громаднейшим талантом все схватывать самым быстрым образом: никогда не учившись музыке, она сама выучилась играть на фортепиано и давала концерты в Париже (и в Лондоне); никогда не изучая теорию музыки, она сделалась капельмейстером оркестра и хора у сербского короля Милана; давала спиритические представления; никогда серьезно не изучая языков, она говорила по-французски, по-английски и на других европейских языках, как на своем родном языке; никогда не изучая серьезно русской грамматики и литературы, многократно, на моих глазах, она писала длиннейшие письма стихами своим знакомым и родным с такой легкостью, с которой я не мог бы написать письмо прозой; она могла писать целые листы стихами, которые лились, как музыка, и которые не содержали ничего серьезного; она писала с легкостью всевозможные газетные статьи на самые серьезные темы, совсем не зная основательно того предмета, о котором писала; могла, смотря в глаза, говорить и рассказывать самые небывалые вещи, выражаясь иначе — неправду, и с таким убеждением, с каким говорят только те лица, которые никогда, кроме правды, ничего не говорят. Рассказывая небывалые вещи и неправду, она, по-видимому, сама была уверена в том, что то, что она говорила, действительно было, что это правда, поэтому я не могу не сказать, что в ней было что-то демоническое, сказав попросту, что-то чертовское, хотя, в сущности, она была очень незлобивым, добрым человеком. Она обладала такими громаднейшими голубыми глазами, каких я никогда в жизни ни у кого не видел, и когда она начинала что-нибудь рассказывать, а в особенности небылицу, неправду, то эти глаза все время страшно искрились, и меня поэтому не удивляет, что она имела громадное влияние на многих людей, склонных к грубому мистицизму, ко всему необыкновенному, т. е. на людей, которым приелась жизнь на нашей планете и которые не могут возвыситься до истинного понимания и чувствования предстоящей всем нам загробной жизни, т. е. на людей, которые ищут начал загробной жизни, и так как они их душе недоступны,

то они стараются увлечься хотя бы фальсификацией этой будущей жизни…

…В конце концов если нужно доказательство, что человек не есть животное, что в нем есть душа, которая не может быть объяснена каким-нибудь материальным происхождением, то Блавацкая может служить этому отличным доказательством: в ней, несомненно, был дух, совершенно независимый от ее физического или физиологического существования. Вопрос только в том, каков был этот дух, а если встать на точку зрения представления о загробной жизни, что она делится на ад, чистилище и рай, то весь вопрос только в том, из какой именно части вышел тот дух, который поселился в Блавацкой на время ее земной жизни»[1].

ПЕРВЫЕ ШАГИ К ОККУЛЬТНОЙ ВЛАСТИ

Перелом

Из Александрии в октябре 1871 года Елена Петровна приехала в Каир, в котором не была больше двадцати лет. Ее сердце утомилось и очерствело от общения с обыкновенными живыми людьми. Она приступала к осуществлению своих замыслов — наладить связь с недосягаемым миром древних богов, мудрецов и покойников.

У египтян сохранились мифы, относящиеся к достопамятной эпохе атлантов. Она должна была ознакомиться с учениями различных жреческих школ, особенно ее интересовала богиня Изида, отличающаяся необычной мудростью. Эта богиня превосходила всех богов силой своего чародейства.

Елена Петровна поверила в свою путеводную звезду. Ее звездой стала Венера, она же Люцифер, она же Урусвати, утренняя звезда, демоническая посредница между ночью и днем, мраком и светом, стоящая неусыпным стражем у могильных врат, лицом — к живым, затылком — к мертвым.

Елена Петровна совершенно не узнала Каира. Много новых зданий было построено, еще больше строилось. Повсюду слышался шаркающий звук разгуливающих по доскам рубанков, сухой перестук молотков. Плескались и журчали фонтаны, на улицах и бульварах было множество белых людей, преимущественно англичан и французов. Кроме туристов Каир заполонила целая армия инженеров и рабочих Суэцкого канала. Эти специфические пилигримы нуждались в своих пророках, гадалках и ясновидящих.

Елена Петровна возобновила старые знакомства, прежде всего с кудесником и ясновидящим Паоло Ментамоном, а также обзавелась новыми: близко сошлась с женщиной-медиумом, француженкой мадам Себир; завела дружбу с эксцентричной Лидией Пашковской, неутомимой русской путешественницей, исследовательницей Верхнего Нила, время от времени отсылающей свои статьи в «Фигаро» (тогда-то, быть может, в ее сознание запала мысль начать самой писать для газет); прочно привязала к себе молодую Эмму Каттинг из Леванта, англичанку по происхождению.

В компании трех экстравагантных дам Елена Петровна Блаватская проводила в Каире время, общалась с русскими дипломатами.

В Каире она с энтузиазмом принялась за организацию Общества по исследованию спиритических феноменов, в этом ей активно помогала мадам Себир. Титаническими усилиями Елена Петровна в конце концов организовала какое-то подобие Общества, ей удалось даже собрать значительную сумму денег.

К несчастью, все дело испортила мадам Себир, ее подвела недостаточная опытность в проведении трюков, отсутствие необходимой «ловкости рук». Члены Общества обнаружили муляж появлявшейся в полумраке длани призрака. Ею оказалась набитая ватой перчатка, подвешенная к потолку и управляемая веревочками. Пришлось вернуть разгневанным джентльменам и дамам их деньги. Таким образом была посрамлена теория французского метафизика Аллана Кордека, согласно которой душа умершего превращается в дух и заявляет о себе посредством медиумов (именно через них передаются сообщения с того света).

Разумеется, Елена Петровна не имела к этому отвратительному событию никакого отношения, о чем тут же публично оповестила многих. В письме к тете Надежде Блаватская живописала случившееся в присущей ей драматически-ернической манере, всю вину переложив на мадам Себир. По ее версии, один из обманутых членов Общества, грек по национальности, во время завтрака ворвался к ней с пистолетом и угрожал пристрелить. Но только после того, как она закончит утреннюю трапезу, — это был воспитанный человек, настоящий джентльмен. К счастью, уверяла она тетю, ей удалось его обезоружить, и в настоящее время он находится в сумасшедшем доме.

Вряд ли этот устрашающий эпизод в действительности имел место, но дурная слава уже витала над ней, словно мстительный призрак, и требовались новые усилия, новые неожиданные решения, чтобы, не обращая внимания на неудачи, продолжать начатое дело.

Ее жизнь в Каире не напоминала, как прежде, волшебную восточную сказку. Всю зиму 1872 года она перебивалась с хлеба на воду и сомневалась, дотянет ли до весны. Ее спасла беззаветная преданность Эммы Каттинг, которая занимала для нее деньги.

Эмма стала ее закадычной подругой, испытывая к ней, по-видимому, самые сильные чувства. Очерствевшая душа Елены Петровны опять оживала. Эмма Каттинг доказала ей, что еще существуют на земле сердобольные люди, всегда готовые по неизвестным причинам и без корыстных целей прийти на помощь.

Елена Петровна охотно изливала перед Эммой душу. Ей больше некому было довериться, не на кого положиться.

Эмма Каттинг терпеливо выслушивала подругу, узнавая много нового о ее жизни. Казалось, что Блаватская раскрыла перед ней все свои тайны. Обнажилась до самого основания.

Между тем никто из них, ее верных соратниц и соратников, не предполагал, что открывшаяся сокровенная сущность Блаватской, как медуза Горгона, могла превращать в камень наивных и доверчивых людей. Сама же Елена Петровна тогда еще не знала, что превращенные ею в камень люди при столкновении с ними могут больно ударить. В недалеком будущем Эмма Каттинг, став после замужества леди Куломб, ей это продемонстрирует.

В Каире Блаватская пересмотрела кодекс нравственных правил и понятий о чести. Она с этого времени осознала себя политиком, для нее тайны спиритизма уже не существовали сами по себе, как загадки человеческой психики. Эти тайны стали притягивающим магнитом, и не она единственная попала под его воздействие. Таких «намагниченных» людей оказались многие тысячи, и они, в свою очередь, притягивали других, любопытных и любознательных. Не сложно было предвидеть, что в итоге получится из этого неожиданного явления массового психоза, а также понять, какие огромные выгоды оно сулит.

Елена Петровна твердо решила установить контроль над разбушевавшимся интересом к потустороннему. В ином случае вышедшая из берегов стихия неминуемо приводит, как она полагала, к неисчислимым бедствиям. Теперь Блаватской приходилось чутко улавливать глухой мистический гул толпы.

На берегу Нила Елена Петровна поклялась себе поддерживать стихийно разгоревшийся жертвенный огонь, судить, утешать и брать на себя чужие грехи. Присягнула пирамиде Хеопса, что будет для толпы матерью, вроде Пречистой Девы, для неокрепших умом — мудростью, в дремучем лесу насилия и предрассудков прорубит прямые просеки, и люди увидят небо. Она была уверена, что заразит людей собственной верой, поселит их в надземной стране надежд и предчувствий, выведет за обыденную явь в многомерное пространство сновидений и грез, сквозь души «махатм» преломит скучную людскую жизнь. Она научилась любить призрачный мир. Обещала, что с голубого неба мечты ее правда сойдет на землю.

Блаватская верила, что станет провозвестницей всеобщего счастья, обрежет лишние побеги и даст завязаться плодам. Она обещала, что никого не упрекнет за свою разбитую жизнь. На тех, кто за ней не пойдет, она грозилась наслать мор, глад и невыносимую долю. Елена Петровна явно нарушала заповедь «не сотвори себе кумира».

Она всецело отдалась служению оккультной идее. Мысль о грозной силе влиять на людей въелась в ее плоть, кровь и сознание.

Блаватская доказала, что кое-чего стоит. Создание Общества по исследованию спиритических феноменов было ее первым шагом к верховной оккультной власти. Ее роковая ошибка заключалась в том, что она своевременно не обратилась за помощью к своим — россиянам. Не представлялся благоприятный случай. В российском консульстве в Каире шла вражда между сотрудниками, им было не до нее.

Елена Петровна сожалела, что связалась с мадам Себир. Вместе с тем без нее она уже не смогла бы обойтись. Мадам Себир ведала всем реквизитом медиумического театра, служила ей «крышей» при сомнительных и рискованных авантюрах. Она была ее глазами и ушами. Блаватская утешала себя тем, что у всех великих людей есть скрытые, недостойные их привязанности, своеобразные громоотводы для порочных страстей. Ей было, однако, досадно, что мадам Себир возомнила о себе невесть что.

В сущности, цель Елены Петровны была достигнута. Она создала в Каире Спиритическое общество. Несмотря на разразившийся скандал, оно не прекратило своего существования. Об этом свидетельствовал приехавший в Каир американский спирит Джеймс М. Пиблз. В своем отчете он отметил, что был безумно рад узнать, что «мадам Блаватская при поддержке мужественных соратников организовала Спиритическое общество, в котором одаренные медиумы записывают сообщения с того света, а также выявляются другие формы потустороннего присутствия».

К моменту приезда Пиблза в Каир весной 1872 года Елена Петровна уже находилась в России, ее сопровождала мадам Себир, с ними также были купленные по случаю обезьянки. Появление Блаватской в Одессе в апреле 1872 года не привело в восторг ее родственников. У Елены Петровны начались бесконечные ссоры и перепалки по каким-то малозначительным поводам. Она определенно раздражала тетю Екатерину, мать Сергея Витте. Та смотрела на нее, как на змею, стоявшую на хвосте.

«Пусть я уж лучше останусь со своей неудачливой, голодной и безвестной жизнью и со своим непризнанным талантом, но ни за что не пойду у них на поводу» — так рассуждала, вероятно, Блаватская, желая как можно быстрее уехать из Одессы, где ее всегда ожидали одни неприятности. В эти сумрачные дни ее жизни она написала письмо русским жандармам, изложила фантастический проект о том, как следует работать на арабском

Востоке представителям тайной полиции. Она долго и безуспешно ждала ответа.

Елена Петровна задержалась в Одессе и убралась восвояси ровно через год. Она поехала сначала в Бухарест, к старой подруге мадам Попеску, а оттуда направилась в Париж, где обосновался ее двоюродный брат Николай, сын Густава Гана.

Письмо начальнику жандармского управления города Одессы III отделения собственной его императорского величества канцелярии

Одной из тайн Е. П. Блаватской, до сих пор окончательно не раскрытой, является ее письмо от 26 декабря 1872 года начальнику жандармского управления города Одессы III отделения собственной его императорского величества канцелярии. По сей день не совсем ясно, что побудило Е. П. Блаватскую взяться за перо и обратиться к русским жандармам с предложением своих услуг.

Может быть, Блаватская захотела обрести связь с Родиной, получить прощение за нарушение законов Российской империи? Ведь она покинула Россию нелегально, не оформив заграничного паспорта, не испросив на поездку в Константинополь разрешения властей. Елена Петровна пишет об этом своем единственном «преступлении» в письме, подчеркивая, что больше никаких противоправных действий она не совершала. Может быть, это злополучное письмо появилось на свет в результате тех несчастий, которые обрушились на нее: смерть в 1867 году ее внебрачного сына Юрия (мальчику было пять лет), гибель Митровича во время кораблекрушения 4 июля 1871 года?

Елена Петровна утверждала, однако, что Юрий был ею усыновлен и являлся внебрачным сыном сестры ее мужа — Надежды Блаватской. Во всяком случае, эти две смерти стали для нее страшным испытанием. Так, в письме к тете Надежде Фадеевой, объясняя свой разрыв с христианской церковью, она писала, что «бог русской православной церкви умер для нее в тот день, когда не стало Юры».

А может быть, написанию этого письма способствовали бесконечные ссоры с родственниками во время пребывания в Одессе в апреле 1872 года. Как бы то ни было, письмо, сравнительно недавно обнаруженное в одесском архиве, по мысли его публикаторов, должно было стать неоспоримым свидетельством якобы духовного изъяна русской теософки, убийственным компроматом против нее. Ведь становиться

тайным осведомителем, соглядатаем, стукачом, секретным агентом по доброй воле во все времена и во всех государствах считалось и считается постыдным, самым последним делом.

Но таким ли уж действительно злополучным было это письмо?

Елена Петровна Блаватская предлагала себя русскому правительству в качестве международного агента. В частности, в своем письме она исповедовалась. Она писала о своих возможностях, на сей раз связанных не с ее медиумическими способностями, а с ее образованием.

Комментаторы этого злополучного письма Елены Петровны Блаватской квалифицируют его прежде всего как изначально преступное с точки зрения морали деяние. Вынося подобный обвинительный вердикт, они, на мой взгляд, полностью игнорируют как внешние факторы, так и внутренние побуждения Блаватской. Многие из этих комментаторов настолько предвзяты в недоброжелательном отношении к автору письма, что не хотят даже вчитаться в него и потому-то превратно толкуют его содержание. Они попросту не замечают, каков характер услуг, предлагаемых Блаватской через охранное отделение русскому правительству, каковы истинные цели ее обращения, в основе которых, как она пишет, верность России и ее интересам.

Совершенно ясно, что Блаватская видела себя искусной и проницательной лазутчицей в чужом стане, разведчицей и готова была в соответствии со своей новой ролью пойти на всяческие жертвы, лишения и невзгоды не ради корысти, а ради интересов государства Российского.

В конце концов то, что предлагала русским жандармам Блаватская, означало ее переход в ряды тех, кого на современном языке разведки называют «нелегалами», она даже не рассчитывала на дипломатический иммунитет. Нельзя также не учитывать того, что имперское, державное мышление среди деятелей русской культуры было свойственно не одной Блаватской. XIX век — это век борьбы империй за сферы своего влияния. Блаватская предлагала свои услуги в качестве тайного агента прежде всего в Египте и Индии. Ее главным врагом была Англия. Нельзя забывать о том, что такой патриотизм в русских людях укрепила Крымская война 1853–1856 годов за господство на Ближнем Востоке.

Вообще говоря, в мире нравственных ценностей нюансы иногда приобретают решающее значение в конечной оценке, что есть хорошо, а что есть плохо.

И наконец, разве можно забывать о том, что письмо писала талантливая писательница, чьими очерками по Индии «Из пещер

и дебрей Индостана» зачитывалась спустя двенадцать лет вся образованная Россия? Для письма Блаватской характерен остроновеллистический, приключенческий тон.

Читая это, понимаешь, что перед нами не столько деловое письмо-обращение, сколько талантливый эскиз будущей авантюрной новеллы. Понимаешь, что ничего нет удивительного в том, что она получила отказ. Чиновники сыска в России всегда опасались художников, людей с непредсказуемыми действиями и поступками. А ведь письмо Блаватской — прямое свидетельство, что ее обман, мистификация — все это есть игра художника. Игра, предвосхитившая стиль поведения и творческие поиски художника-авангардиста, тип которого начал складываться в самом начале XX века.

Не став международным тайным агентом русского правительства, Е. П. Блаватская углубилась в сферу тайного и малопонятного. И на этом пути, казалось бы очень далеком от деятельности спецслужб, она чуть было не оказалась втянутой в отвратительную интригу, связанную с фальсификацией «Протоколов сионских мудрецов», чуть было не попала в некрасивую историю. Однако ее то ли уберег от этого Бог, то ли случай.

В то время, когда Елена Петровна познакомилась с Юлианой Глинкой, фрейлиной русской императрицы Марии Федоровны и тайным агентом зарубежного отделения охранки в Париже, в ее душе ясно обозначился надлом, — она вступала в последний период своей жизни, в старость, которая далеко не всегда сопровождается мудростью.

Одесса, 26 декабря, 1872 г.

Ваше превосходительство!

Я жена действительного статского советника Блаватского, вышла замуж 16 лет и по обоюдному соглашению через несколько недель после свадьбы разошлась с ним. С тех пор постоянно почти живу за границей. В эти 20 лет я хорошо ознакомилась со всей Западной Европой, ревностно следила за текущей политикой не из какой-либо цели, а по врожденной страсти, я имела всегда привычку, чтобы лучше следить за событиями и предугадывать их, входить в малейшие подробности дела, для чего старалась знакомиться со всеми выдающимися личностями политиков разных держав, как правительственной, так и левой крайней стороны. На моих глазах происходил целый ряд событий, интриг, переворотов… Много раз я имела случай быть

полезной сведениями своими России, но в былое время по глупости молодости своей молчала из боязни. Позже семейные несчастья отвлекли меня немного от этой задачи. Я — родная племянница генерала Фадеева, известного Вашему превосходительству военного писателя. Занимаясь спиритизмом, прослыла во многих местах сильным медиумом. Сотни людей безусловно верили и будут верить в духов. Но я, пишущая это письмо с целью предложить Вашему превосходительству и родине моей свои услуги, обязана высказать Вам без утайки всю правду. И потому каюсь в том, что три четверти времени духи говорили и отвечали моими собственными — для успеха планов моих — словами и соображениями. Редко, очень редко не удавалось мне посредством этой ловушки узнавать от людей самых скрытных и серьезных их надежды, планы и тайны. Завлекаясь мало-помалу, они доходили до того, что, думая узнать от духов будущее и тайны других, выдавали мне свои собственные. Но я действовала осторожно и редко пользовалась для собственных выгод знанием своим. Всю прошлую зиму я провела в Египте, в Каире, и знала все происходящее у хедива, его планы, ход интриг и т. д. через нашего вице-консула Лавизона покойного. Этот последний так увлекся духами, что, несмотря на всю хитрость свою, постоянно проговаривался. Так я узнала о тайном приобретении громадного числа оружия, которое, однако ж, было оставлено турецким правительством; узнала о всех интригах Нубар-паши и его переговорах с германским генеральным консулом. Узнала все нити эксплуатации нашими агентами и консулами миллионного наследства Рафаэля Абета и много чего другого. Я открыла Спиритское общество, вся страна пришла в волнение. По 400, 500 человек в день, все общество, паши и прочие бросались ко мне. У меня постоянно бывал Лавизон, присылал за мной ежедневно, тайно, у него я видела хедива, который воображал, что я не узнаю его под другим нарядом, осведомляясь о тайных замыслах России. Никаких замыслов он не узнал, а дал узнать мне многое. Я несколько раз желала войти в сношение с г. де Лексом, нашим генер<альным> консулом, хотела предложить ему план, по которому многое и многое было бы дано знать в Петербурге. Все консулы бывали у меня, но потому ли, что я была дружна с г. Пашковским

и женой его, а m-me де Леке была во вражде с ними, по чему ли другому, но все мои попытки остались напрасными. Леке запретил всему консульству принадлежать Спиритскому обществу и даже настаивал в том, что это вздор и шарлатанство, что было неполитично с его стороны. Одним словом, Общество, лишенное правительственной поддержки, рушилось через три месяца. Тогда отец Грегуар, папский миссионер в Каире, навещавший меня каждый день, стал настаивать, чтобы я вошла в сношения с правительством папским. От имени кардинала Барнабо он предложил мне получать от 20 до 30 тысяч франков ежегодно и действовать через духов и собственными соображениями в видах католической пропаганды и т. д. (…) Отец Грегуар принес мне письмо от кардинала, в котором тот снова предлагал мне в будущем все блага, говорит: «ll est temps que l'ange des tene-bres devienne <l'>ange de <la> lumiere»[2] и обещает мне бесподобное место в католическом Риме, уговаривает повернуться спиной к еретической России. Результат был тот, что я, взяв от папского миссионера 5 тысяч фр<анков> за потерянное с ним время, обещала многое в будущем, повернулась спиной не к еретической России, а к ним и уехала. Я тогда же дала об этом знать в консульство, но надо мной только смеялись и говорили, что глупо я делаю, что не соглашаюсь принять такие выгодные предложения, что патриотизм и религия есть дело вкуса — глупость и т. д. Теперь я решилась обратиться к Вашему превосходительству в полной уверенности, что я могу быть более чем полезна для родины моей, которую люблю больше всего в мире, для государя нашего, которого мы все боготворим в семействе. Я говорю по-французски, по-английски, по-итальянски, как по-русски, понимаю свободно немецкий и венгерский язык, немного турецкий. Я принадлежу по рождению своему, если не по положению, к лучшим дворянским фамилиям России и могу вращаться поэтому как в самом высшем кругу, так и в нижних слоях общества. Вся жизнь моя прошла в этих скачках сверху вниз. Я играла все роли, способна представлять из себя какую угодно личность; портрет не лестный, но я обязана Вашему превосходительству показать всю правду и выставить себя такою, какою сделали меня люди, обстоятельства и вечная борьба всей жизни моей, которая изощрила хитрость во мне, как у

краснокожего индейца. Редко не доводила я до желаемого результата какой бы то ни было предвзятой цели. Я перешла все искусы, играла, повторяю, роли во всех слоях общества. Посредством духов и других средств я могу узнать, что угодно, выведать от самого скрытного человека истину. До сей поры все это пропадало даром, и огромнейшие в правительственном и политическом отношении результаты, которые, примененные к практической выгоде державы, приносили бы немалую выгоду, — ограничивались микроскопической пользой одной мне. Цель моя — не корысть, но скорее протекция и помощь более *нравственная,* чем *материальная.* Хотя я имею мало средств к жизни и живу переводами и коммерческой корреспонденцией, но до сей поры отвергала постоянно все предложения, которые могли бы поставить меня хоть косвенно против интересов России. В 1867 г. агент Бейста *предлагал мне разные блага за то,* что я русская и племянница ненавистного им генерала Фадеева. Это было в Пеште, я отвергла и подверглась сильнейшим неприятностям. В тот же год в Букаресте (Бухаресте. — *А*.С.) генерал Тюр, на службе Италии, но венгерец, тоже уговаривал меня, перед самым примирением Австрии с Венгрией, служить им. Я отказалась. В прошлом году в Константинополе Мустафа-паша, брат хедива египетского, предлагал мне большую сумму денег через секретаря своего Вилькинсона, и даже один раз сам, познакомившись со мной через гувернантку свою француженку, — чтобы я только вернулась в Египет и доставляла бы ему все сведения о проделках и замыслах брата его, вице-короля. Не зная хорошо, как смотрит на это дело Россия, боясь идти заявить об этом генералу Игнатьеву, я отклонила от себя это поручение, хотя могла превосходно выполнить его. В 1853 г., в Баден-Бадене, проигравшись в рулетку, я согласилась на просьбу одного неизвестного мне господина, русского, который следил за мной. Он мне предложил 2 тысячи франков, если я каким-нибудь средством успею добыть два немецких письма (содержание коих осталось мне неизвестным), спрятанных очень хитро поляком графом Квилецким, находящимся на службе прусского короля. Он был военным. Я была без денег, всякий русский имел симпатию мою, я не могла в то время вернуться в Россию и огорчалась этим ужасно. Я согласилась и через три дня

с величайшими затруднениями и опасностью добыла эти письма. Тогда этот господин сказал мне, что лучше бы мне вернуться в Россию и что у меня довольно *таланту,* чтобы быть полезной родине. И что если когда-нибудь я решусь переменить образ жизни и заняться серьезно делом, то мне стоит только обратиться в III отделение и оставить там свой адрес и имя. К сожалению, я тогда не воспользовалась этим предложением.

Все это вместе дает мне право думать, что я способна принести пользу России. Я одна на свете, хотя имею много родственников. Никто не знает, что я пишу это письмо.

Я совершенно независима и чувствую, что это — не простое хвастовство или иллюзия, если скажу, что не боюсь самых трудных и опасных поручений. Жизнь не представляет мне ничего радостного, ни хорошего. В моем характере любовь к борьбе, к интригам, быть может. Я упряма и пойду в огонь и воду для достижения цели. Себе самой я мало принесла пользы, пусть же принесу пользу хоть правительству родины моей. Я — женщина без предрассудков и если вижу пользу какого-нибудь дела, то смотрю только на светлую его сторону. Может быть, узнав об этом письме, родные в слепой гордости прокляли бы меня. Но они не узнают, да мне и все равно. Никогда ничего не делали они для меня. Я должна служить им *медиумом* домашним так же, как их обществу. Простите меня, Ваше превосходительство, если к деловому письму приплела ненужные домашние дрязги. Но это письмо — исповедь моя. Я не боюсь тайного исследования жизни моей. Что я ни делала дурного, в каких обстоятельствах жизни ни находилась, я всегда была верна России, верна интересам ее. 16 лет я сделала один поступок против закона. Я уехала без пашпорта за границу из Поти в мужском платье. Но я бежала от старого ненавистного мужа, навязанного мне княгиней Воронцовой, а не от России. Но в 1860 г. меня простили, и барон Бруно, лондонский посланник, дал мне пашпорт. Я имела много историй за границей за честь родины, во время Крымской войны я неоднократно имела ссоры, не знаю, как не убили меня, как не посадили в тюрьму. Повторяю, я люблю Россию и готова посвятить ее интересам всю оставшуюся жизнь. Открыв всю истину Вашему превосходительству, покорнейше прошу принять все это к сведению и если понадобится,

то испытать меня. Я живу пока в Одессе, у тетки моей, генеральши Витте, на Полицейской улице, дом Гааза, № 36. Имя мое Елена Петровна Блаватская. Если в продолжение месяца я не получу никаких сведений, то уеду во Францию, так как ищу себе место корреспондентки в какой-нибудь торговой конторе. Примите уверения, Ваше превосходительство, в безграничном уважении и полной преданности всегда готовой к услугам Вашим

Елены Блаватской.

На новом берегу

Блаватская познакомилась с американским врачом Лидией Маркетт, которая стажировалась в парижских больницах и посещала лекции на медицинские темы. Лидия Маркетт провела с Еленой Петровной много времени и сохранила о ней память как о человеке, ведущем чрезвычайно замкнутый образ жизни. Блаватская часами либо рисовала, либо что-то писала. Помимо Лидии Маркетт и двоюродного брата она общалась с четой Леймар, людьми весьма авторитетными в оккультных парижских кругах, возглавившими после смерти Аллана Кардека спиритическое движение в Европе. Судя по всему, именно от них Блаватская узнала о спиритическом буме в США.

В июне 1873 года Блаватская купила за 125 долларов билет до Нью-Йорка в каюту первого класса на отплывающий из Гавра пароход и осталась с почти пустым кошельком. Она послала отчаянное послание отцу в Россию с просьбой немедленно выслать ей денег на адрес российского консульства в Нью-Йорке. Петр Алексеевич Ган никогда не отказывал старшей дочери в финансовой помощи, с пониманием входил во все ее нужды и быстро откликался на ее просьбы. На этот раз она не получила ответа. Елена Петровна не могла знать о том, что ее отец находится при смерти.

Лето 1873 года во Франции было жарким. В Гаврском порту, наполненном грохотом и раскаленной пылью, Е. П. Блаватская в широкополой шляпке, в строгом дорожном костюме уже было ступила на пароходный трап, как вдруг ее взгляд упал на бедно одетую, плачущую женщину, прижимающую к себе двух малюток.

«Что случилось, мадам?» — участливо спросила женщину Елена Петровна. Оказалось, что женщине с детьми продали

поддельные билеты на тот же пароход. Деньги на билеты выслал из Америки ее муж, который долго их копил. Обманутая женщина не знала, что делать.

Блаватская вошла в ее положение. Она немедленно продала свой билет в каюту первого класса. Ее 125 долларов хватило на покупку четырех самых дешевых билетов. Елене Петровне предстояло провести десять дней кошмара на нижней палубе, перегруженной пассажирами, среди грязи, смрада и корабельных крыс. Однако счастливые лица матери и ее детишек придали ей мужества, она все плавание находилась в приподнятом настроении.

Елена Петровна Блаватская объясняла свой неожиданный отъезд из Франции тем, что так велел поступить ее Хранитель, таинственный индус, «махатма» Мория.

Блаватская ехала в новую страну практически без денег, как и миллионы эмигрантов из Европы. Мятежная русская аристократка, неспокойная натура, она втайне надеялась, что США предоставят ей последний шанс победить, громко заявить о себе. И ее надеждам суждено было сбыться.

Е. П. Блаватская оказалась в Нью-Йорке предположительно 5 июля 1873 года.

Страна испытывала спад производства, в ней насчитывалось 3 миллиона безработных. Положение, в котором вдруг она очутилась, было безвыходным. Одиноким женщинам-переселенкам приходилось в Нью-Йорке намного хуже, чем мужчинам. Их не принимали, например, в приличные гостиницы, требовались сопровождающие лица мужского пола. С женским трудоустройством обстояло еще хуже. Пишущих машинок к тому времени не изобрели, деятельность в сфере бизнеса практически исключалась. Можно было работать школьными учительницами, телеграфистками, гувернантками, продавщицами, швеями, фабричными работницами.

Елена Петровна энергично занялась поиском как места для своего проживания, так и необходимых средств существования. Она поселилась в беднейшем квартале Нью-Йорка, на Медисон-стрит, 222, в новом многоквартирном кооперативном доме, заняла комнату на втором этаже. Это было жилище для порядочных, энергичных женщин со скудными средствами.

Первое время Блаватская зарабатывала себе на жизнь, выделывая искусственные цветы. В этом ремесле она в достаточной мере преуспела еще в Одессе, когда жила там с Агарди Митровичем. В доме на Медисон-стрит у членов жилищного кооператива была комната для общих собраний и доставки почты, в ней-то Елена Петровна и проводила большую

часть своего времени. В этой комнате она говорила часами, вспоминая свою жизнь в разных странах, что само по себе было увлекательно и интригующе. Однако более глубокое впечатление оказывало на слушательниц описание прошедшей жизни какого-нибудь человека, которое делала Блаватская по их просьбе.

Занимательными рассказами о чудесных явлениях природы Блаватская собирала вокруг себя большое количество поклонниц. Одной из них стала мадам Магнон из французской Канады, с ней Блаватская основательно подружилась.

Мадам Магнон предложила Блаватской переехать к ней и жить некоторое время вместе, по крайней мере, до тех пор, пока не закончатся денежные затруднения. Елена Петровна вдруг перестала получать деньги от отца. Все объяснило письмо от сводной сестры Лизы от 18 октября 1873 года. В письме содержалась скорбная весть о скоропостижной смерти их отца, П. А. Гана, и сообщалось, что он похоронен в городе Ставрополе. Лиза также уведомляла старшую сестру о наследстве и о незамедлительной высылке ей первых 1500 рублей с вычетом пяти банковских процентов.

С такими деньгами Елена Петровна уже могла выбрать себе жилище по вкусу, что она тотчас и сделала.

Время шло, а настоящего дела, ради которого Блаватская приехала в Соединенные Штаты, не появлялось. Полученные от Лизы деньги быстро кончились, однако в начале 1874 года пришла остальная часть причитающегося ей наследства. Это была более значительная сумма. Елена Петровна переселилась в дорогую гостиницу, она любила пошиковать, пожить на широкую ногу, когда представлялся случай.

В начале 1874 года Е. П. Блаватская познакомилась с Ганной Вольф, журналисткой из нью-йоркской газеты «Стар». Ганну Вольф заинтересовали соображения Елены Петровны по поводу роли женщин в американской периодической печати. Спустя некоторое время они встретились на съезде феминисток. Блаватская зачастила к Ганне Вольф в гости, потом перешла к долгим рассказам о собственной жизни и закончила тем, что перезнакомилась со всеми ее друзьями. Их отношения ухудшились после того, как Блаватская представила на редактуру якобы свою сатиру на американские нравы. Оказалось, что Елена Петровна переписала заново на плохой английский язык Салтыкова-Щедрина или Тургенева (мнения исследователей насчет авторства расходятся), внеся в текст лишь незначительные изменения, а именно переименовав Россию в Соединенные Штаты, а царя — в президента. Естественно, литературный дебют Блаватской как англоязычной писательницы тогда не состоялся.

Литературную известность на Западе она приобрела после выхода в свет в 1877 году «Разоблаченной Изиды», которая с того времени неоднократно переиздавалась, и ее общий тираж составил полмиллиона экземпляров.

Е. П. Блаватская вошла во вкус литературной работы и задумала дописать неоконченный роман Чарлза Диккенса «Эдвин Друд», обратившись, как она объявила, к духу умершего писателя.

Помимо журналистов Блаватская познакомилась с «ясновидящим» Эндрю Джексоном Дэвисом, сочинения которого она начала переводить на русский язык, и по этому поводу списалась с известным издателем оккультных сочинений в России Александром Аксаковым, предложила ему напечатать книгу американца.

Дэвис широко прославился удивительным врачебным даром. Он проникал взглядом внутрь человека и по состоянию внутренних органов диагностировал его болезни. «Ясновидящий» уверял, что кожа пациента для него прозрачная, как стекло. Дэвис впадал в транс и мог часами беседовать с душами давно умерших людей.

Он предвидел многие позднейшие открытия, например, описал в общих чертах автомобиль, аэроплан и пишущую машинку. Один лишь Жюль Верн превзошел его по количеству предугадываемых чудес науки будущего. Дэвис был человеком малообразованным. Он проучился в школе не больше пяти месяцев. Между тем отсутствие школьного образования не помешало ему «наговорить» двадцатишеститомный труд «Гармоническая философия».

Из этой энциклопедии «ясновидения» Блаватская почерпнула многие идеи для «Тайной Доктрины» — главного труда своей жизни, особенно представления о происхождении и эволюции звездных миров. Дэвис долгое время опекал ее, оказывал денежную помощь.

Однако не Эндрю Джексону Дэвису, а полковнику Генри Стилу Олкотту было уготовано судьбой стать ближайшим сподвижником Елены Петровны в создании теософической империи. Полковник Олкотт был из англосаксонской семьи первых поселенцев. Он принимал участие в Гражданской войне на стороне северян, состоял председателем комиссии по расследованию убийства президента Линкольна. Его так же, как Е. П. Блаватскую, интересовали феноменальные природные явления.

Через восемнадцать лет полковник Олкотт так описывал обстоятельства своего знакомства с Е. П. Блаватской:

…Особые обстоятельства свели нас вместе. В один

прекрасный день июля месяца 1874 года я сидел в своей адвокатской конторе и обдумывав одно очень важное дело, которое получил от Нью-Йоркского муниципалитета, как вдруг мне пришла в голову мысль, что вот уже годы я не обращаю внимания на спиритуалистическое движение… Я вышел на улицу и на углу купил номер журнала «Бэннер офф лайт». В нем я прочел о совершенно невероятных феноменах, происходящих на какой-то ферме в районе Читтендена, штат Вермонт. Я сразу решил, что если все это правда, то мы здесь встретились с важнейшим явлением современной науки, и что мне надо поехать туда и во всем убедиться самому. Так я и сделал. Все оказалось так, как было описано в журнале.

Я там провел три или четыре дня и вернулся в Нью-Йорк. О своих наблюдениях я написал в газете «Нью-Йорк сан»… Потом редактор «Нью-Йорк дейли график» поручил мне снова поехать в Читтенден и взять с собой какого-нибудь художника, который мог бы по моим указаниям рисовать происходящие явления… 17 сентября я вернулся на ферму Эдди… Я поселился в этом таинственном доме и в течение 12 недель ежедневно переживал сверхъестественные вещи… Дважды в неделю газета «Нью-Йорк дейли график» печатала мои письма про «духов Эдди», иллюстрированные художником Капесом. Эти письма обратили на себя внимание госпожи Блаватской и привели к тому, что она поехала в Читтенден. Это и свело нас вместе…

На ферме обычно обедали в 12 часов. Она появлялась в столовой с какой-то французской дамой (с мадам Магнон. — *А.* С.), и, когда мы вошли, они уже сидели за столом. И прежде всего мне бросилась в глаза ярко-красная гарибальдийская рубаха на первой даме, которая так контрастно выглядела по сравнению с окружающим ее тусклым фоном. Ее волосы были тогда пышные, светлые, шелковистые, вьющиеся, едва доходили до плеч и напоминали тонкое руно. Они и ярко-красная рубаха привлекли мое внимание, прежде чем я смог рассмотреть ее черты подробнее. У нее было массивное калмыцкое лицо, сила, образованность и выразительность его контрастировали с заурядными образами, так же как ее красное одеяние среди серых и бледных тонов стен, мебели и безликой одежды остальных гостей.

Дом Эдди постоянно посещали с целью увидеть медиумические феномены самые разнообразные и необычные люди. Когда я увидел эту эксцентричную даму, я подумал, что это одно из таких лиц. Остановившись на пороге, я шепнул Капесу: «О! Посмотрите на этот экземпляр!.. Когда обед закончился, обе дамы вышли, г-жа Блаватская скрутила себе папироску, и я

протянул ей огонь, чтобы иметь повод заговорить с нею».

Итак, Е. П. Блаватская и Генри Стил Олкотт встретились на ферме братьев Эдди 14 октября 1873 года. Они быстро поняли друг друга и стали закадычными друзьями. По многу часов они прогуливались по аллеям фермы, беседовали под кронами мощных буков, кленов и вязов, сверкавших золотом и темно-красной медью. Теплая и сухая осень стояла на дворе. У Е. П. Блаватской и Генри Стала Ол-котта оказались разные взгляды на природу происходящих на ферме феноменов. Полковник был убежден, что наблюдал настоящих пришельцев с того света. Он предпринял все меры, чтобы исключить обман: опечатал окно уборной, из которой призраки выходили в гостиную, осмотрел самым тщательным образом стены и двери и не обнаружил в них ничего тайного, ни параллельных двойных стен, ни каких-нибудь других маскировочных средств.

Блаватская кое-что поняла в действиях братьев Эдди, в их режиссуре. Братья были в большей степени схожи не чертами лица, а тем смелым авантюрным характером, который позволял им ошарашивать «живыми» картинами с того света находящихся во тьме неведения людей.

Комната, в которой происходило медиумическое действо, освещалась тускло горящей керосиновой лампой. На приподнятой над полом сцене, у самой стены, было сооружено что-то вроде кабинета, в глубине которого виднелся закрытый одеялом дверной проем. Зрители размещались на жестких, с прямыми, высокими спинками стульях.

Один из братьев, обычно это был Вильям, шаркающей ленивой походкой поднимался на сцену и усаживался на стул посреди кабинета. Звучала тихая мелодичная музыка, слышались нечеткие, вздыхающие голоса, какие-то печальные слова. Зрители словно прирастали к стульям, когда в дверном, расширенном Вильямом проеме в зыбком полумраке возникали светящиеся руки, они порхали в воздухе, удлинялись, тянулись к зрительному залу, и дамы в первом ряду вскрикивали: их пышные прически обдувал могильный холод.

Вместе с тем животный страх смерти на время отступал, появлялось наслаждение потусторонним. Все с нетерпением ждали главного события — материализацию призрака. И укутанная в белый саван фигура наконец-то возникала на сцене как свидетельство реальности загробного существования. Мир теней оказывался ближе и роднее, чем находящаяся на краю света Россия, с которой у Блаватской тогда не было практически никаких связей.

В тот вечер, когда она решила разнообразить оккультный

спектакль новыми персонажами, среди публики находились знаменитые люди: спиритический писатель и лектор Джеймс Пиблз, профессор музыки, мистик Лензбург и медиум из Чикаго миссис Керей. Другими словами, экзаменационная комиссия по принятию Е. П. Блаватской в круг профессиональных оккультистов была хотя и немногочисленная, но вполне солидная и авторитетная.

Елена Петровна не ударила лицом в грязь. Она все представила чуть-чуть по-иному. Внесла в спектакль братьев Эдди новые мизансцены, отрежиссировала его с большим артистизмом. Триумвират экзаменаторов пришел в восторг от увиденного, оценил по достоинству ее ум и находчивость. Она же сидела в зале среди зрителей, как в константинопольском цирке, и терпеливо ожидала своей очереди. К тому же она выполняла роль эксперта, совсем не выпячивая себя. Вот в чем была ее гениальная находка!

На сцене один за другим появлялись хорошо ей знакомые по грузинской жизни люди. Всем на удивление материализовался дух Михалко Гугидзе в национальной грузинской одежде, слуги тети Екатерины Витте, который ожидал ее и ее младенца в Кутаиси и довез до Тифлиса. По просьбе Елены Петровны он станцевал на сцене зажигательный кавказский танец — лезгинку. Зрители были в шоке. В нахлобученной по самые брови шапке возник в деревенской американской глуши разнаряженный купец из Тифлиса Хассан Ага, за ним — Сафар Али Бек, охранник-курд, сопровождавший ее по поручению Никифора Блаватского на Кавказе, у него в руках оказалась длинная, украшенная перьями дрофы пика. Укутанная в пуховый оренбургский платок, переваливаясь, как утка, и отдуваясь, вышла на сцену толстая старуха, — Блаватская признала в ней Верину крепостную няньку. Вслед за этой бабусей возник осанистый вельможный господин в черном строгом костюме и со Святой Анной на шее. Орден держался на красной муаровой, с двумя черными полосками ленте.

«Вы мой отец?» — едва выдохнула Елена Петровна. «Дядя!» — ответил тот укоризненно. Покраснев от стыда, она тут же оповестила собравшихся, что перед ними предстал материализовавшийся дух родного брата ее отца — Густав Алексеевич Ган, председатель на протяжении двенадцати лет уголовного суда в Гродно и умерший в 1861 году. Перед публикой он появился в мундире, в каком был погребен.

Глаза зрителей, естественно, вылезали из орбит от удивления, такой сногсшибательной экзотики они еще не видели.

Но самое поразительное происшествие случилось чуть-чуть

позднее. Эта была словно последняя эффектная фраза в конце произведения, впечатляющая и надолго запоминающаяся.

Явившийся дух некоего Георгия Дикса передал ей непосредственно в руки отцовскую медаль, которая была получена Петром Ганом за храбрость в турецкой кампании 1828 года и находилась, как утверждала Елена Петровна, вместе с ним в гробу.

Крик, который исторгла Блаватская, рассматривая на ладони вновь вернувшуюся к ней из могилы семейную реликвию, был настолько естественным, что никто из присутствующих не заподозрил ее в притворстве. Он, казалось, исходил из самой глубины ее потрясенной души. Затем последовал короткий обморок.

Мизансцены, мастерски поставленные Е. П. Блаватской в спиритическом театре братьев Эдди, не отличались изощренным и тонким вкусом, но на зрителей они подействовали сильнейшим образом, выбили их из привычной колеи, а у наиболее нервных дам вызвали истерику. Тем, кто вдруг взял бы под сомнение ее комментарии, она была готова предоставить фотографическую копию живописного парадного портрета своего отца П. А. Гана, и всякий смог бы убедиться, что на его груди присутствует та же самая медаль.

На следующий день после сеанса с появлением близких и знакомых Блаватской она и мадам Магнон стремительно покинули ферму Эдди и вернулись в Нью-Йорк.

Генри С. Олкотт был потрясен не меньше других увиденным, о чем сообщил в газетном отчете. Она же пыталась навязать ему свое объяснение происшедшего, настаивая на том, что это был маскарад самых низших духовных организмов, которые материализуются с помощью жизненных органов несчастных медиумов, высасывая из них, как вампиры высасывают кровь, вещественные оболочки вместе с жизненной силой и здоровьем. Иными словами, эти духовные организмы облекаются в видимые облики тел, им вовсе не принадлежащих и еще не успевших окончательно разложиться. Они, переодетые в старые платья отошедших созданий, делаясь видимыми, как вороны в павлиньих перьях, дивят, морочат и пугают добропорядочных людей, которые воображают, что видят своих умерших близких.

Однако ее новый друг Генри Стил Олкотт настаивал, что призраки с того света появлялись по зову братьев Эдди, а не в результате каких-либо других причин.

Вообще-то Блаватская не отрицала возможности явления умерших. Она была убеждена только в том, что призраки возникают независимо от воли живых людей, не вызываются

насильственно, а обусловлены духовными устремлениями умерших. Всевозможные наваждения, медиумические явления, одержимость и другие душевные недуги Блаватская объясняла слиянием грешных духов с живыми, призывающими их на себя.

Она придерживалась буддийской теории, которая разделяет человеческое бытие согласно семи принципам. Первый принцип составляет физическое тело; второй — жизненная сила. Третий принцип связан с появлением вещества, создающего эффект обманной формы, когда появляется какое-нибудь чудовище, в простом народе называемое оборотнем. Особое значение для человека имеют пятый и шестой принципы. Пятый принцип представляет самосознание посредством пяти чувств, шестой — божественную душу. Когда пятый и шестой принцип при жизни человека соединяются воедино, что достигается сменами телесных оболочек, реинкарнациями, в результате которых дух постоянно совершенствуется, появляется возможность достичь индивидуального бессмертия. Самый высший принцип — седьмой, он представляет луч или искру Божества.

Между тем не все поверили в инфернальные способности американских фермеров. Через два дня после возвращения Блаватской в Нью-Йорк из Читтендена в «Дейли график» была напечатана язвительная статья известного нейропатолога профессора Джорджа Берда, в которой братья Эдди объявлялись мошенниками самого низкого сорта, а полковник Олкотт назывался простофилей, ослепленным обыкновенными фокусами.

Блаватская с этим согласиться, естественно, не могла и с досадой писала: «Мир пока еще не готов к пониманию философии оккультных наук; пусть они для начала убедятся, что в невидимом мире действительно обитают различные существа, будь то «Духи» умерших или *Первостихии;* и что в человеке немало скрытых сил, которые способны превратить его в Бога на земле».

Блаватская и полковник Олкотт по возвращении в Нью-Йорк встречались чуть ли не каждый день.

Опубликовав свою первую статью в газете «Нью-Йорк график» о необыкновенных явлениях на ферме братьев Эдди, она в глазах своих многочисленных знакомых получила репутацию ярой спиритки, что было с их стороны самонадеянным и абсолютно неверным суждением об ее истинных симпатиях и целях. В то время она подыскивала удобный и мощный трамплин, с помощью которого можно было бы взмыть высоко вверх.

Блаватская воспринимала спиритизм в США как нечто неизбежное, как детище банальных интересов и запросов толпы, она испытывала к нему, обуреваемая сжигающим ее честолюбием,

скорее неприязнь и иронию, чем удивление и любопытство. Елена Петровна, уже имея представление о множестве секретов оккультизма, будучи достаточно просвещенной в технической стороне осуществления медиумических чудес, то есть точно зная, как и с помощью чего достигаются ошеломляющие публику потусторонние эффекты, думала о создании новой философии мудрости, которая состояла бы из глубочайших прозрений мыслителей человечества, начиная от Гомера и Моисея и вплоть до графа Сен-Жермена и ее самой. Все эти люди, проповедовала она, относились к адептам Эзотерического Братства и являлись распространителями оккультного учения. В настоящее время, убеждала Е. П. Блаватская, не перевелись мудрецы, которые проявляют осторожность по отношению к окружающему миру и сами выбирают себе последователей.

…Новый человек, Генри Стил Олкотт, стремительно вошел в судьбу Блаватской и занял в ней непомерно большое место. Какое-то время их даже воспринимали как одно целое. К моменту их первой встречи на ферме братьев Эдди ему шел сорок второй год. Генри С. Олкотт имел юридическую практику, был солидным, богатым человеком, однако его жизнь и то, что он в ней достиг, не доставляли ему особого удовлетворения. Он страдал из-за того, что, прожив полжизни, не нашел самого себя. Все его увлекало. То он занимался фермерским хозяйством, и в этом деле неплохо преуспел, то юриспруденцией, то журналистикой, то военным искусством. В последнем случае он, правда, стал военным человеком не по своей воле, а исключительно по необходимости: началась Гражданская война между Севером и Югом.

Внешне Генри С. Олкотт был представительным мужчиной, выше среднего роста, с приятным открытым лицом, каштановыми волосами, его густая борода по мере приобретения им известности из короткой превращалась в бороду лопатой. На переносице мощного прямого носа он неизменно носил пенсне. Словом, Генри С. Олкотт представлял собой типичный образец практического, энергичного, честного и прямодушного американца.

Артур Конан Дойл как-то заметил в его адрес, что Генри С. Олкотт относится к тем людям, которые с редким моральным мужеством принимают истину, если она даже противоречит их ожиданиям и надеждам.

Что еще сказать о полковнике Олкотте?

Он был масоном, магистром Коринфского ордена системы Королевская Арка, состоял в гугенотской ложе. Сохранился его масонский диплом за номером 448, выданный 20 декабря 1861

года. К масонству принадлежала и Е. П. Блаватская, правда, относящемуся не к западному, а восточному Братству. Так она, по крайней мере, сама утверждала. Елена Петровна была принята в лондонскую ложу 24 ноября 1877 года по обряду усыновления, то есть побочному обряду, который был создан еще до Великой французской революции несколькими масонскими организациями специально для женщин.

В паре с Генри С. Олкоттом Е. П. Блаватская развила бурную деятельность.

Однако она не ставила себе в заслугу знакомство с ним в Читтендене. Согласно ее версии, эта историческая встреча была предопределена волей «махатм», адептов Гималайского Братства, прямых наследников духовных сокровищ атлантов. Вот что Блаватская писала об этом: «В 1873-м, в марте, мне было приказано уехать из России в Париж. В июне было сказано, чтобы я отправилась в США, куда я и приехала 7 июля. В 1874 году, в октябре, я получила задание поехать в Читтенден, штат Вермонт, где на известной ферме Эдди полковник Олкотт производил исследования».

Известность Блаватской росла с каждым месяцем. Со страниц американской прессы она рассказывала читателям невероятные истории о Даниеле Юме, Чарлзе Дарвине, русском царе Александре II, о своих умопомрачительных приключениях в Тибете и Египте. От нее самой, как обратил внимание один из американских репортеров, исходил специфический завораживающий запах, имеющий непосредственное отношение к Востоку. Может быть, это был запах гашиша.

К Е. П. Блаватской приходила слава, которую она годами вожделела и ждала, теперь ей следовало укрепиться в достигнутом успехе. Она неизбежно шла к новым схваткам и победам.

…Елена Петровна предложила взрослым людям игру в сказку. Исходным условием этой игры была вера в мудрость и обширные знания Учителей, адептов Гималайского Братства. Она же возложила на себя роль посредницы между этими посвященными в великие тайны жизни полубогами и обыкновенными невежественными смертными.

От играющих она требовала соблюдения жесткой иерархии, полного послушания и терпения, умения держать язык за зубами.

Блаватская исполняла свою роль духовной наставницы с детской непосредственностью, прямолинейностью и чопорной важностью, словно люди, которых она обучала и передвигала в пространстве, были неживыми послушными куклами. Она наслаждалась игрой с ними, употребляя весь запас красноречия и

недюжинного ума на то, чтобы заставить этих людей свернуть с исхоженной, надежной дороги, которая была огорожена к тому же с двух сторон колючками запретов. Она собиралась перевести их на новую стезю, пролегающую среди болотных топей непонятного, на тот тернистый, но благословенный путь истины, которого страшится и столетиями избегает несчастный, глупый, легковерный и жестокий мир. Она внушила Олкотту, что этот мир пока еще не готов к пониманию оккультных наук, и едва приоткрывала перед ним тайную завесу, объясняя, почему людям неизвестны великие секреты «Книги святой Софии».

Блаватская подавляла в Олкотте любые проявления самостоятельности. Первый раз благодаря ему она устроилась в жизни с некоторым комфортом и не допускала мысли, чтобы ее положение изменилось. Она была строга и справедлива с новым другом. Как любящая мать, брала на себя всю ответственность за его дальнейшую судьбу: только я отвечаю за последствия и результаты, к которым приводят приказы моего Вождя».

Иногда, чрезвычайно редко, Олкотт огорчал ее непослушанием, претендуя на прямую связь с Учителями. Он требовал от нее поначалу дословной и точной передачи ему посланий хранителей древней мудрости и знания. Она тут же ставила его на место. Никаких инициатив с его стороны не требовалось, когда она одна сочиняла, ставила и по ходу дела правила пьесу. В случае неповиновения она стращала его духом-повелителем, невидимым существом Джоном Кингом: «Не задирайте свой нос слишком высоко и не суйте его в запретные тайны Золотых Ворот без чьего-либо присмотра; ведь не всегда рядом в нужный момент может оказаться Джон, чтобы схватить вас за шиворот и благополучно вернуть обратно на землю».

Чувство иронии спасало Елену Петровну в самых двусмысленных ситуациях. С его помощью она сохраняла душевное равновесие. «Я опять схожу с ума и пишу вам на непонятном для вас языке. Перевожу дословно», — ехидничала она в одной из записок Олкотту.

Для нее было постоянным утешением обнаружить, что приструненный Олкотт верит каждому ее слову. Блаватская была непоколебимо убеждена, что ему не придет в голову брать под сомнение подлинность посланий «махатм». Тем более что Елена Петровна всегда с необыкновенной точностью указывала, от кого, когда и зачем эти послания поступали. По поводу одной из этих эпистол она с необыкновенной пунктуальностью сообщала Олкотту: «Послание было передано из Луксора вскоре после полуночи, в ночь с понедельника на вторник. Переписано оно было в Эллоре, на рассвете, одним из секретарей или неофитов,

причем очень плохим почерком».

В США постоянным «контактером» Блаватской с Луксорским Братством был Учитель Серапис Бей. По крайней мере, за его подписью рассылались увещевательные и рекомендательные письма, в которых содержались критика спиритической практики, а также советы, как и с кем налаживать связи. В числе основных адресатов Учителя был Генри С. Олкотт. Серапис Бей представлял себя главой Египетской группы Всемирного Мистического Братства, с ним был также связан еще один адепт — Тьюитит Бей.

Сераписа Бея Елена Петровна называла Вождем и неукоснительно исполняла его приказы. Благодаря их доверительным отношениям она обладала в отличие от большинства смертных оккультным знанием того, где и когда произойдут те или иные события. По крайней мере, она смогла убедить в своем особом даре ясновидения Генри С. Олкотта, которого в одном из своих писем назвала упрямым и своевольным ребенком.

Послания от Сераписа Бея и Тьюитита Бея, как правило, поступали непосредственно из Луксора, города в Египте, расположенного в среднем течении реки Нил. На западной окраине этого города, сохранившейся части древних Фив, находится величественный древнеегипетский храм с большим количеством колоннад, со статуями-колоссами и аллеей сфинксов. Эти послания переписывались с непонятного для непосвященных языка санзар на английский язык, переписчиками, как утверждала Блаватская, были неофиты Египетского Братства в Эллоре — местечке на северо-западе Индии, известном древними, обильно украшенными скульптурой храмами в пещерах.

Олкотт был слишком озабочен увиденными чудесами и не имел времени заниматься проверкой того, о чем ему докладывала Блаватская. Он также принял к исполнению приказ «махатмы» Мории немедленно основать тайное общество, наподобие ложи розенкрейцеров.

У Е. П. Блаватской и Генри С. Олкотта ясно обозначился интерес к тибетскому буддизму. Свою квартиру-салон в Нью-Йорке в районе Манхэттена они назвали «ламаистским монастырем» — «The Lamasery». На полу квартиры были расстелены шкуры тигра и волка, на каминной доске возвышались позолоченная скульптура Будды и механическая птица, осененные листвой стоящих в кадках пальм.

Чучела совы с удивительно живыми глазами, змей, ящериц выглядывали из-за стекол книжных шкафов и с этажерок. Гордостью этого зверинца было чучело бабуина, огромной

обезьяны с круглыми очками на переносице и с книгой Чарлза Дарвина о происхождении видов под мышкой.

В этом салоне собирались искатели истины, привлеченные оккультным энтузиазмом Генри С. Олкотта и остроумными, шокирующими рассказами Блаватской. Все ее гости с каким-то болезненным нетерпением ждали манифестации феноменов. Как вспоминает Олкотт: «Она не скупилась на демонстрации своих психических сил: феномен следовал за феноменом, изумляя, убеждая и обращая в прозелиты ее доктрин тех, кто не скоро бы познакомился с ними и не стал бы, может быть, теософом в силу одних отвлеченных истин и их мудрости».

Из многочисленных «визитеров» Елена Петровна отбирала людей наиболее заинтересованных в постижении теософской премудрости.

Неказистый с виду, но крепкий умом двадцатичетырехлетний адвокат ирландец Вильям К. Джадж стал ее второй опорой вслед за Генри С. Олкоттом.

Вильям К. Джадж, как и она, знал, что такое жизнь, полная лишений. Он родился в Ирландии в 1851 году — в год ее встречи в Лондоне с «махатмой» Морией. В семилетнем возрасте он чуть было не умер, находился в состоянии каталепсии, однако стараниями близких был приведен в чувство, вернулся к жизни. Мальчик рос странным, не от мира сего, с раннего детства пристрастился к мистическим, религиозным книгам. Особенно его интересовала магия.

Во время родов седьмого ребенка умерла мать Вильяма. Семья после смерти матери эмигрировала в Соединенные Штаты и поселилась в Бруклине. Отец Вильяма с трудом кормил семью. Мальчик с четырнадцати лет работал в адвокатской конторе и помогал отцу деньгами. В конце концов Вильям К. Джадж получил право адвокатской практики. К моменту знакомства с Блаватской он занимал положение в офисе прокурора округа, был женат и имел малолетнюю дочь. Вильям помог Елене Петровне и Генри С. Олкотту в создании и регистрации Теософического общества.

Перед учреждением Теософического общества было две неудачные попытки: основание таинственного Братства Луксор, от имени которого Генри С. Олкотт получал многочисленные письма-инструкции, и «Клуба Чудес» — организации по исследованию спиритизма. Наконец, в ноябре 1875 года появилось Теософическое общество, президентом которого стал Олкотт, а Е. П. Блаватская заняла скромное на первый взгляд место секретаря-корреспондента. Однако на самом деле Елена Петровна в Теософическом обществе была ключевой фигурой, ее

положение секретаря-корреспондента означало прямую связь с Гималайским Братством, то есть с Индией. В своем альбоме Блаватская записала: «Из Индии получен приказ основать философско-религиозное общество и выбрать для него название, а также сразу избрать Олкотта его членом. Июль, 1875 г.».

На общем собрании были определены три главные цели Теософического общества: составить начало «Всемирного братства человечества» без различия рас, вер и происхождения, в котором все члены стремились бы к самоусовершенствованию и к взаимному вспомоществованию как нравственному, так по возможности и материальному; распространять изучение арийских и других восточных знаний, верований и литератур; производить изыскания в области неизведанных сил человека.

Почти одновременно в Индии Свами Даянанда Сарасвати основал другое философско-религиозное общество — «Арья Самадж». Теософическое общество и «Арья Самадж» в первые годы своего существования плотно и плодотворно сотрудничали, считалось даже, что они объединились. Недаром на дипломах Теософического общества печатались слова «Теософическое общество «Арья Самадж» Арьяварта».

Вслед за Генри С. Олкоттом Е. П. Блаватская называла Свами Даянанду индийским Лютером, уверяя всех и каждого, что их взгляды совершенно совпадают. По крайней мере, они видели в Боге вечный и вездесущий Закон, известный под различными названиями и именами во всех религиях мира. В свою очередь, Елена Петровна недвусмысленно намекала, что Свами Даянанда тесно связан с адептами Гималайского Братства.

Теософия, по мысли Блаватской, должна была бы уничтожить такие бессмысленные термины, как «чудо» и «сверхъестественное». Елена Петровна была убеждена, что в природе все естественно, да не все известно. Она приготовилась к открытию сокровенных сил окружающего мира.

Блаватская и Генри С. Олкотт удвоили свои усилия для того, чтобы наладить добрые отношения с восточными мудрецами. С необычайным рвением они вступили в переписку с двумя буддийскими монахами, жившими на Цейлоне, — с Сумангалом и Мегиттиватте. Последний прославился тем, что взял верх в трехдневных религиозно-философских дебатах над христианскими миссионерами. Его неожиданная победа основательно укрепила позиции цейлонских буддистов в противодействии как репрессивной политике колониальных английских властей, так и миссионерской деятельности христианских священников на острове.

Навсегда уходило время, когда в Индии и на Цейлоне любой

каприз белого человека считался законом. Среди образованных индийцев и сингалезцев все реже и реже встречались люди с низко склоненной головой и вечно поддакивающим языком.

Однако радужным надеждам на тесное сотрудничество с «Арья Самадж» не суждено было сбыться. В скором времени Теософическое общество вернулось к своей автономии. Уже во время индийской поездки Е. П. Блаватская и Олкотт с горечью обнаружили, что Свами Даянанда трактовал священные источники индуизма — Веды и Шастры — не как мыслитель, ставящий перед собой общечеловеческие цели и задачи, а как патриотически настроенный индус-националист, черпающий в ценностях своей религии силы для борьбы с английским (а шире — с западным) господством. Это прозрение истинной сущности деятельности «Арья Самадж» пришло к Блаватской и Олкотту в Индии, а в Нью-Йорке они только и думали о сказочном путешествии в далекие края. Учитель Серапис Бей проинформировал их, что отплыть в Индию они должны, самое позднее, 17 декабря 1878 года.

В предвкушении обрести тайны Атлантиды Генри С. Олкотт был готов претерпеть тысячу смертей и пройти через врата ада. Он окончательно смирился с тем, что придется сменить комфортабельное и безбедное существование в Нью-Йорке на опасную и полную лишений жизнь паломника.

Генри С. Олкотту шел сорок седьмой год. Слава порядочного и энергичного человека, которую он стяжал себе, обратила на него внимание Блаватской. Недаром ведь она доверила ему пост президента Теософического общества. Ему необходимо было во что бы то ни стало срочно найти деньги на дорогу и на проживание в чужой стране. Умозрительный проект создать в Индии совместную американо-индийскую компанию успеха не имел. Генри С. Олкотту удалось раздобыть рекомендательное письмо от президента Соединенных Штатов Америки, дипломатический паспорт с особыми полномочиями культурного и торгового представителя. К сожалению, это была почетная, ничего, по существу, не значащая дипломатическая миссия. Американское правительство не брало на себя по отношению к нему и его спутникам никаких денежных обязательств.

Е. П. Блаватская перед отплытием в Индию взяла себе американское гражданство. Так было удобнее и спокойнее, устранялась главная опасность — быть объявленной русской шпионкой.

Дата предполагаемого отъезда неотвратимо приближалась, беспокойство Олкотта нарастало, однако денег по-прежнему не находилось. Кое-какая сумма набралась после распродажи

имущества. С аукциона выгодно продали экзотическую обстановку «ламаистского монастыря».

Как известно, Е. П. Блаватская, обладавшая непреоборимой страстью власти, наживала себе множество врагов. Генри С. Олкотт избегал конфликтовать с людьми, ему всегда сочувствовали и помогали. Среди его друзей был Томас Эдисон, который обсуждал с ним свои психические эксперименты и стал одним из видных членов Теософического общества. Незадолго перед отплытием Блаватской и Олкотта в Индию Эдисон послал к ним ассистента с заданием записать их голоса на станиолевый диск. Олкотт собирался взять с собой в Индию фонограф и демонстрировать индийцам чудеса западной техники.

Серьезные разногласия между Теософическим обществом и «Арья Самадж» возникли в 1879 году, когда Е. П. Блаватская и Олкотт прибыли в Индию. Отправились они туда из Нью-Йорка, как и велел Серапис Бей, 17 декабря 1878 года.

Теософическое общество было основано с согласия состоятельных индусов и с надеждой на их покровительство. Предполагалось предоставить американцам возможность получить некоторые знания о духовной мудрости Индии, направить их взгляд на Восток. Соединенные Штаты Америки были избраны потому, что считались самой свободной страной в мире. От деспотии Запада было решено избавляться не путем вооруженной борьбы, а мирными средствами, осуществляя духовную экспансию в страны-монополии.

Индия — страна выстраданной мечты Е. П. Блаватской

В Бомбей они прибыли ранним утром 11 февраля 1879 года. Генри С. Олкотт опустился на колени и поцеловал гранитный бомбейский причал. Елена Петровна удержалась от подобного экстравагантного жеста. Сопровождавшие их от Нью-Йорка художник и архитектор Эдвард Уимбридж и хорошая знакомая Роза Бейтс стояли как вкопанные.

Президента бомбейского отделения «Арья Самадж» Харричанда Чинтамона и других деятелей этого общества, с которыми Блаватская и Олкотт состояли в постоянной переписке, на пристани не оказалось. Никто их торжественно не встречал.

Это было тем более удивительно, что Теософическое общество становилось международным, английские спириты Чарлз Мессей, Стейнтон Мосес и ее подруга Эмилия Кислингбери образовали в Лондоне его отделение. В Соединенных Штатах в Общество вошли такие видные деятели, как изобретатель Томас

Эдисон и генерал Абнер Даблдей. Отделение Общества в Бомбее возглавлял англо-индиец Мулджи Такерсей. Старая знакомая Блаватской по Каиру Лидия Пашковская подготовляла почву для открытия нового отделения в Японии. Мало того. Чтобы подчеркнуть индийскую ориентацию Теософического общества, оно было переименовано в мае 1877 года в Теософическое общество «Арья Самадж». Предполагалось, что такое название теснее сблизит его членов с Индией.

И вот черная неблагодарность — их никто не встретил. Они стояли довольно долго под палящим индийским солнцем, совершенно растерянные, перед просторной круглой площадью, почти у кромки Аравийского моря, в глубине которой высились громоздкие мрачные здания. Перед ними клокотала полуголая пестрая индийская толпа. Люди с белой тряпкой вокруг бедер и в белоснежных длинных, навыпуск рубахах, некоторые в ослепительных чалмах и разноцветных тюрбанах, перебивая друг друга, жестикулировали и предлагали всякую всячину — земляные орехи, бананы, пухлые пористые мандарины, небольшие приплюснутые дыни и оранжево-рыжую, с темными пятнами и продольными бровками папайю — полуовощ, полуфрукт. Теснота и давка были невыразимые. И вдруг они увидели, как сквозь эту толчею к ним пробирается толстый запыхавшийся индус с луноподобным лицом. Это явился Харричанда Чин-тамон, который чуть было не забыл об их приезде.

Перед тем как отправиться в Индию, Олкотт обратился письмом к Чинтамону с просьбой снять для четырех человек скромный, недорогой домик в индусском квартале. Вместо этого индус предложил им свое жилище, освобожденное от домочадцев бунгало, практически без мебели и с туалетом во дворе. Однако этот непритязательный дом предстал в ее глазах раем после треволнений и неудобств морского путешествия. Отдых в разогретом тропическим солнцем, но хорошо продуваемом помещении казался блаженством.

На следующее утро весть о них распространилась среди местных жителей, и на первом приеме по случаю их приезда присутствовало больше трехсот человек.

Согласно индийскому обычаю каждому из них повесили на шею гирлянду из белых жасминовых лепестков, а также из лепестков охристых «гэнда» и белых, с потемнением у основания «годаври». Генри С. Олкотт от подобного радушного обращения растрогался до слез. Елене Петровне показалось совершенно невероятным, что в России стоят морозы, метет пурга, лошади увязают в снегу, люди берегут тепло, законопатили двери и окна.

Здесь же, в Индии, многие жилища стояли нараспашку, сияли дырами, в большинстве из них не было дверей, а крышу застилали тряпки и рогожи.

В Бомбее они были нарасхват, выслушивали в свой адрес бесчисленное количество приветственных речей. Индийцы их превозносили до небес при всяком удобном случае. У них кружилась голова от успеха и воздаваемых почестей. Генри С. Олкотт вообще пребывал в эйфорическом состоянии и назвал их первые дни в Индии «ничем не омраченным счастьем». Он, как всегда, поторопился с обобщениями.

Однажды утром Чинтамон представил Блаватской и Олкотту непомерный по сумме счет, в который вошла оплата их проживания, еды, радушных приемов и поздравительных телеграмм, мелкий ремонт по дому и другие траты, включая даже аренду трехсот стульев для приветствовавших их индийцев. Еще один такой счет — и они остались бы без гроша в кармане. Е. П. Блаватская безуспешно попыталась опротестовать у Чинтамона явно преувеличенные расходы по их пребыванию в Бомбее. Он присвоил себе к тому же шестьсот рупий, высланные ими заранее на бомбейский адрес «Арья Самадж».

Пришлось срочно перебираться в другой дом, который они без особых затруднений нашли, и проживание в нем оказалось вдвое дешевле.

Мулджи Такерсей рекомендовал им в качестве слуги сообразительного пятнадцатилетнего юношу-гуджератца по имени Баллах-Булла. Это имя Елена Петровна переиначила в Бабулу. Юноша был услужлив, говорил на пяти языках и прижился при Блаватской. Долгое время он сопровождал ее в путешествиях по Индии, Цейлону, Европе.

Многие интеллектуальные индусы изъявляли желание вступить в Теософическое общество. Блаватская получила необычно теплое приветствие от Альфреда Перси Синнета, редактора «Пайонияра», влиятельной ежедневной английской газеты, рупора британского правительства в Индии. К ее удивлению, Синнет выражал надежду увидеть ее в Аллахабаде (редакция его газеты находилась в этом городе) и был готов опубликовать статью о Теософическом обществе.

Е. П. Блаватская чувствовала себя как нельзя лучше. С утра облаченная в легкое воздушное платье, принимала гостей на веранде, а Бабула стоял за ее спиной с опахалом из павлиньих перьев.

Подходило время совершения чудес.

Ведь обман, к которому прибегнул Чинтамон, последователь и сподвижник Свами Даянанды Сарасвати, бросал тень, в

известном смысле, на репутацию ее «махатм». Такой поворот мысли вполне мог возникнуть у ее спутников и, разумеется, уже возни кал. В Соединенных Штатах Америки Теософическое общество едва существовало. Вильям Джадж жаловался в письмах к ним, что касса Общества пуста и он с нетерпением ждет их возвращения.

От Блаватской требовались радикальные меры, неожиданные и смелые шаги. Должен был появиться «махатма» Мория и изменить, казалось бы, тупиковую ситуацию. Елена Петровна решила действовать безотлагательно.

Ее первыми мишенями были избраны Мулджи Такерсей и Генри С. Олкотт. Изложим происшедшие события весны 1879 года в хронологическом порядке.

29 марта Блаватская попросила Такерсея заказать легкую двухместную коляску с откидным верхом. Она села вместе с ним в коляску и, указывая дорогу вознице, окружным путем доехала до Парела, пригорода Бомбея, расположенного на морском берегу. Там она велела подъехать к воротам богатого поместья и, оставив Такерсея в коляске, позвонила в дверь роскошного особняка. Ей открыл высокий индус, с которым она исчезла на какое-то время в доме. Вышла она из дома совершенно одна, но с букетом роз. Как Елена Петровна объяснила своему спутнику, розы предназначались в подарок Олкотту от таинственного индусского оккультиста.

У Такерсея возникли сомнения в увиденном. Он запомнил, что они побывали в районе Парела. Именно там, на берегу моря, горел погребальный костер его матери. Никогда прежде он не видел в этом месте великолепного особняка, почти дворца. Он вообще не встречал подобных строений в Индии. Блаватская предупредила его, чтобы он не пытался обнаружить то место, где они только что побывали. Она его не обманула. Все попытки Такерсея снова увидеть роскошный дом ни к чему не привели. Дом словно растаял во влажном тропическом воздухе.

Блаватская под большим секретом сообщила ему и Олкотту, что особняк, в котором она побывала, принадлежит Гималайскому Братству и используется путешествующими гуру и их учениками — чела как странноприимный дом. Для посторонних людей его сделали невидимым.

4 апреля Елена Петровна вместе с Генри С. Олкоттом, Такерсеем и Бабулой отправились поездом до станции Нарел и далее на пони до пещер Карли. Во время этого путешествия Олкотт получал таинственные письма от неизвестных лиц, а также подарки: букет роз и небольшую лаковую шкатулку.

В пещерах странные события продолжались. Как только они

расположились для трапезы на каменном полу одной из самых просторных пещер, Елена Петровна заговорщицким голосом объявила, что где-то поблизости находится маленькая пещера, а в ней тайная дверца, ведущая в огромную залу в самом сердце горы, там-то и устроена школа адептов Гималайского Братства. Олкотт обстучал стены нескольких пещер, однако никакой скрытной дверцы не обнаружил.

Вечером, расположившись у подножия горы, они вдруг спохватились, что Блаватская отсутствует. Она куда-то исчезла. Со стороны пещер посреди ночи они услышали хлопанье дверью и взрывы хохота. Через какое-то время появилась Елена Петровна и объяснила как ни в чем не бывало, что посетила оккультную школу Гималайского Братства.

Спустя четыре дня со стороны Блаватской произошла еще одна демонстрация чудесного, необъяснимого. Они возвращались почтовым поездом в Бомбей. Мулджи спал, растянувшись на верхней полке. Елена Петровна и Олкотт сидели напротив друг друга, и она который раз втолковывала ему о полученном телепатическим путем распоряжении «махатм» ехать им вдвоем в Раджпутану, в Пенджаб. Олкотт слушал, как всегда, вполуха. Она сочла необходимым предупредить об этой новой поездке оставшихся в Бомбее Уимбриджа и Бейтс, чтобы те не думали, что она с Олкоттом разъезжает по Индии в собственное удовольствие. Елена Петровна написала на клочке бумаги: «Попросите Гулаба Сингха телеграфировать Олкотту о том, что велено мне в пещере вчера. Пусть это будет испытанием для всех остальных так же, как и для него». Блаватская небрежным жестом выбросила эту записку за окно едущего полным ходом поезда. Олкотт зафиксировал машинально время. На часах было 12.45 дня.

По возвращении домой Роза Бейтс протянула им только что полученную на имя Олкотта телеграмму. В ней говорилось о необходимости немедленно выезжать им в Раджпутану. На телеграмме стояло время и место ее отправления: 2 часа дня, станция Курджит, та самая станция, которую они проехали через некоторое время после того, как Елена Петровна выбросила записку за окно.

Е. П. Блаватская между тем больше всего на свете хотела встретиться со Свами Даянандой Сарасвати. Она уже поняла, что ради нее он не приедет в Бомбей. Приходилось ехать самой. Даянанда Сарасвати находился в Сахаранпуре. В Индии стояла страшная жара, был конец апреля.

На этот раз члены Общества «Арья Самадж» встретили их в Сахаранпуре достойно и радушно, одарили цветами, фруктами и сластями. Наконец-то состоялась долгожданная встреча со Свами

Даянандой Сарасвати. Большее внимание Свами уделял спутникам Блаватской, чем ей самой. Сказался, по-видимому, мужской шовинизм. Она поняла, что Свами Даянанда не рассматривает ее лично и деятельность Теософического общества серьезно. А ведь она настойчиво внушала Олкотту, что Даянанда относится к членам Гималайского Братства.

Количество писем, получаемых Олкоттом от «махатмы» Гулаба Сингха, стремительно возросло.

Английская полиция установила за Блаватской и ее друзьями слежку, ее принимали за русскую шпионку.

Денег у них становилось все меньше и меньше. Ее спутники выражали неудовольствие путешествием.

Роза Бейтс капризничала и действовала Блаватской на нервы. Генри С. Олкотт настаивал на возвращении домой.

В июне в Бомбей пришел муссон. Лило как из ведра. У них потекла крыша, и искатели эзотерических тайн сидели в комнате под зонтами.

Из затопляемых земляных нор повылазили змеи, скорпионы, ядовитые пауки. Приходилось всегда быть начеку. Ежедневное хныканье Генри С. Олкотта раздражало Блаватскую до головной боли. Однажды он удостоился выволочки от самого «махатмы» Мории, который писал ему, что никто силой не заставлял Олкотта покидать родной дом, и сожалел, что полковник не ведет себя, как настоящий мужчина, оказавшийся в трудной ситуации. После этого послания Генри С. Олкотт прекратил разговоры о немедленном отъезде из Индии. Еще одно событие, весьма неприятное, окончательно привело его в чувство. Он получил из Соединенных Штатов Америки известие о том, что потерял на страховом полисе и акциях серебряных рудников больше 10 тысяч долларов.

Приблизительно в это же время Блаватская узнала, что ее разыскивает Эмма Каттинг, ее старая знакомая по каирской жизни, информированная о ней, как никто в мире. Эмма жила на Цейлоне со своим мужем, французом Алексисом Куломбом. Она вышла за него замуж вскоре после того, как Елена Петровна уехала из Египта. Эмма Куломб рассчитывала на помощь старой подруги.

К лету 1879 года денежные дела Блаватской пошли на поправку. В Теософическое общество вступило много состоятельных индусов.

Ей и Олкотту приходилось работать не покладая рук, совмещая кабинетную работу с практической деятельностью. Письма она писала обычно по ночам. В результате ночных бдений у Блаватской возникла мысль издавать ежемесячный теософский

журнал.

Своим соратникам она объявила, что «махатма» Мория пришел от ее идеи в восторг. Имя Мории Блаватская упоминала в исключительных случаях.

Журнал было решено назвать «Теософист», его первый номер вышел 25 сентября 1879 года и состоял из статей о буддизме, Древнем Китае, материалов по тригонометрии, а также из панегирика Свами Даянанде Сарасвати. Присутствовала в нем и безвкусная реклама Теософического общества.

Небольшой тираж «Теософиста» успешно разошелся. Следующий его номер был выпущен в количестве 750 экземпляров.

Блаватская активно переписывалась с Альфредом П. Синнетом и его женой. Они пригласили ее и полковника посетить Аллахабад, что было с благодарностью принято.

Елена Петровна наслаждалась путешествием по Индии.

В сопровождении супругов Синнет Блаватская и Олкотт посетили Бенарес, город индусских святынь и святых.

Первые месяцы 1880 года Блаватская была занята работой над очерками об Индии для русского издателя Михаила Каткова, который платил ей за каждую написанную страницу щедрый гонорар — 50 рублей (по тем временам 5 фунтов стерлингов), к тому же она взялась за перевод на английский язык для «Пайонияра» книги Николая Гродекова «Через Афганистан».

Генри С. Олкотт также не сидел сложа руки, читал лекции и занимался насущными делами расширяющегося Общества.

В марте, однако, прекраснодушие было нарушено суровым, издевательским письмом Свами Даянанды Сарасвати, который возвращал свой диплом Теософического общества и требовал от них в дальнейшем нигде не упоминать своего имени как теософа. Конфликт между теософами и индусами из «Арья Самадж» входил в фазу открытого противостояния.

В самый неподходящий для Блаватской момент появились Эмма и ее муж. Французский консул в Галле и другие сердобольные люди собрали для них деньги на билеты пароходом до Бомбея.

Она вновь привязалась к Эмме, с которой могла быть совершенно откровенной, Эмма выполняла ее деликатные поручения. Например, оповещала Олкотта о странной фигуре в белом, увиденной ею в саду, и была искренне удивлена, когда полковник объяснил, что это, по-видимому, один из членов Гималайского Братства.

Новое появление Эммы в ближайшем окружении Блаватской не предвещало ничего хорошего. Это она интуитивно

почувствовала. Чета Куломбов преподнесла массу чрезвычайно неприятных сюрпризов после отъезда Блаватской из Индии. Ее обвинили, ничто-же сумняшеся, в надувательстве и мошенничестве.

В Индии Блаватская и Олкотт купили землю на окраине Мадраса для штаб-квартиры Теософического общества. Место называлось Адьяр. Елена Петровна выбрала этот кусок индийской суши для столицы своей оккультной империи не случайно. Она была убеждена, что именно там сохранилось кое-что от легендарной Лемурии. Там же, как она полагала, уцелел осколочек от гигантского сверхконтинента Гондваны, который в доисторические времена объединял Индию, Южную Америку, Австралию, Африку и Антарктиду. На индийской земле она надеялась обнаружить следы Атлантиды. Особенное внимание ее привлекло племя Голубых гор — тода. В людях этого племени, в их глубоких познаниях законов природы она видела отблеск величия исчезнувшей цивилизации атлантов.

Кроме того, Блаватская не торопила время, она запланировала свой триумф на далекое будущее. А если быть точным, через столетие после своей смерти, на 1991 год. Ее пророчество сбылось. Ее триумф состоялся в точно указанный срок. И местом этого триумфа стала Россия.

Еще раз о «Великих душах», «махатмах» Блаватской

Блаватская прекрасно понимала, какую бурю вызовет в христианском мире созданное ею в 1875 году в Нью-Йорке Теософическое общество — эта «великая республика совести», как она его называла. Вся надежда возлагалась ею на масонские организации. В масонах она видела союзников. Недаром с масонством ненавистная ей римско-католическая церковь вела многовековую затяжную войну. Масонство вполне могло стать основательным фундаментом того величественного здания, которое она и ее соратники пытались возвести.

Елена Петровна в своих решительных планах по выпрямлению человеческого духа делала исключительный упор на авторитет «Великих душ», «махатм», Гималайских Правителей, звездных пришельцев, членов своеобразной ложи «Белого Братства», сохранивших тайное эзотерическое знание исчезнувшей Атлантиды и управляющих историческим процессом.

Блаватская приоткрыла тайную завесу и дала свое объяснение феномену «махатм»: «Я знала Адептов, «Братьев», и не

только в Индии и за пределами Ладакха, но и в Египте и Сирии («Братья» находятся там и по сей день). Имена «Махатм» не были известны в то время, их знали только в Индии. Как бы их ни называли: Розенкрейцеры, Каббалисты, Йоги, все они Адепты, молчаливые, таинственные, уединенные, хранящие тайну, раскрывающие себя лишь немногим (как и я), в течение семи — десяти лет доказавшим свою абсолютную преданность, соблюдавшим молчание даже под угрозой смерти. Я выполняла Их требования и стала той, что я есть… Все, что мне было разрешено говорить, является правдой. За Гималаями есть многонациональный центр Адептов. Таши-Лама знает Их, и они действуют сообща. Некоторые из Них прямо связаны с Ним и все-таки остаются неизвестными средним ламам, которые в большинстве своем невежественны. Мой Учитель и К. Х. а также несколько других, знакомых мне лично, находятся там».

С помощью «махатм» и избранных ими посвященных адептов осуществляется, как полагала Блаватская, трансцендирование внутрь человека высших духовных ценностей, а также представлений о том, что необходимо для формирования подлинно совершенной личности. Она верила в особую миссию королей-священников, обитающих в легендарной стране Шамбале, которые были на протяжении веков связаны с ее «махатмами». Они принадлежали, по ее мнению, к высшим иерархам лемуро-атлантической династии, которые остались чисты духом в отличие от своих погрязших в пороках подданных.

Блаватская верила, что свет мудрости идет с Востока. Любой никудышный йог, по ее мнению, знал и умел намного больше, чем все просвещенные члены масонских лож, вместе взятые. В Индии Елена Петровна окончательно определилась в привязанностях и авторитетах. И это несмотря на то, что индийские путешествия отнимали у нее немало душевных и физических сил.

О многих своих невзгодах и трудностях Елена Петровна поведала в письмах к знакомым и незнакомым людям. В некоторых из этих писем Блаватская была на редкость откровенной.

Елена Петровна писала всем тем, кто мог бы оказать ей содействие, поддержать Теософическое общество. Рассчитывая на отклик, она написала письмо И. П. Минаеву, выдающемуся русскому востоковеду, основателю отечественной индологической школы. И. П. Минаев был широко известен своими трудами по буддизму, философии и лингвистике, исторической географии, фольклору, средневековой и новой истории Индии. Свое двухлетнее путешествие по Индии он

описал в книге «Очерки Цейлона и Индии», вышедшей в 1878 году.

Блаватская во всех своих начинаниях надеялась на крупный успех, поэтому ей было очень важно заполучить в союзники крупного русского ученого. Вряд ли она догадывалась, что И. П. Минаев помимо своих научных штудий сотрудничал с российским Генеральным штабом. Знай она это — не писала бы тогда, что английские власти подозревают в ней русскую шпионку.

Письма Гималайских Братьев получали разные люди в разное время и в различных странах. Первое письмо было получено теткой Надеждой в Одессе в 1870 году, последнее — Анни Безант в Лондоне в 1900 году. Немало писем «махатм» приходило на имя сподвижника Блаватской, президента Теософического общества Генри С. Олкотта, начиная с 1875 года. Целая кипа писем свалилась на голову (в буквальном смысле) Альфреда Синнета. Самое большое количество писем написал «махатма» Кут Хуми.

За письмами «махатм» стоял диковинный, ни на что не похожий мир. Для Блаватской воображаемое всегда было выше существующего на самом деле.

Недаром самые сильные ощущения она испытывала в снах. Письма «махатм» содействовали ее общению с людьми, в которых она была заинтересована, на другом — высоком и неземном уровне. Эти исписанные нервным почерком кусочки бумаги гармонизировали человеческий хаос, преодолевали в человеке надлом, расширяли пределы его возможностей. Письма «махатм» были вызовом миру честолюбивых посредственностей. Они смиряли гордыню тех людей, кто тягостную раздраженность выдавал за резкость и изящество ума, а безудержное возношенье сомнительных добродетелей — за привило хорошего тона.

Единственное, чего на дух не выносила Елена Петровна, так это оседлый образ жизни. Каждый прожитый ею год с того времени, когда она пустилась в бега, — это калейдоскоп стран, городов, людей. Однако не внешняя мишура была для нее смыслом жизни.

С политической точки зрения появление Блаватской в Индии, американской гражданки, русской по происхождению, было событием неординарным и не могло остаться не замеченным английскими властями.

Елена Петровна заявила без обиняков, что приехала в Индию по совету «махатм» специально для того, чтобы обогатить свои эзотерические знания новыми разысканиями. Иными словами, это было ее настоящее паломничество на духовную родину. Она не собиралась путешествовать в обычном смысле этого слова. Ее

интересовало другое — обретение духовной истины.

Блаватская, обладая острым писательским зрением, в дневниковой форме зафиксировала в путевых очерках «Из пещер и дебрей Индостана» свои наблюдения, настроения и мысли, которые появились в результате ее прикосновения к стране своей детской мечты. Однако она больше всего надеялась укрепить отношения с «махатмами», с теми, кто уже получил духовную свободу и даже приобрел сверхъестественные способности: был способен творить чудеса, управляя природными стихиями.

Как писал А. Бэшем:…уже в одном из поздних гимнов «Ригведы» сообщается о необычных святых людях, отличных от брахманов (представители высшей жреческой касты, «дваждырожденные». — *А.* С.). Их называли «молчальниками» (муни): одеждой им служил ветер, и, напоенные собственным молчанием, они были способны подниматься в воздух и парить, как птицы или полубоги. Считалось, что муни, испивший магическую чашу бога Рудры, легко читает мысли людей».

Имя «махатмы» Мории возвращает нас в древнюю историю державы Маурьев, в IV–II века до новой эры. Среди представителей династии Маурьев наибольшую известность получил царь Ашока, образец справедливого, веротерпимого и образованного монарха. Ашока к тому же был чрезвычайно благожелателен к буддизму. В самом имени «махатмы» Мории (фонетически созвучном родовому имени Маурьев) таится уверенность в возвращении для Индии золотого века, в обретении независимого национального существования.

Основное впечатление, которое Блаватская вынесла из ознакомления с Индией религиозной, — впечатление ее исключительной сложности. Она поняла, что к этой Индии вряд ли возможно прилагать какие-то обычные мерки и масштабы. Оценки окажутся односторонними и, следовательно, неверными.

Но то, что Блаватская увидела и узнала, показалось ей в самом деле небывалым и неслыханным, Это был совершенно новый мир, в котором существовало, однако, если внимательно к нему присмотреться, много такого, что ей было хорошо известно по прежним путешествиям в другие страны.

Это был чрезвычайно значительный духовный мир. Культурно-религиозная традиция в нем не пресекалась тысячелетиями — вот что его в первую очередь отличало. И дух человеческий при этом не отучнел, не одряхлел, не распался.

Уже одно это таило в появлении подобного мира какой-то глубочайший смысл, какую-то божественную цель.

Но чем больше она всматривалась в Индию реальную, тем меньше что-либо в ней понимала. Побывав в этой стране, по

крайней мере, дважды, она пришла к выводу, что узнала ее поверхностнее, чем созерцая со стороны.

«Каноны», «догматы», «точки зрения» не давали ответа на вопрос — существует ли на самом деле Гималайское Братство?

Адекватные орудия познания мистической Индии находились у безымянных странствующих учителей, у «шраманов» (буквально: «бродяги»), не особенно выпячивающих себя на публике и уединенно живущих в окружении немногочисленных учеников в своеобразных индийских скитах — ашрамах.

Из этих ашрамов она надеялась выбрать один-единственный — настоящую, не подложную скинию индийской духовности. Ей поначалу казалось, что возвышенное, сосредоточенное чувство благоговения к Индии, охватившее всю ее еще в детские годы в Саратове, способно совершить невероятное: привести прямо в Гималайское Братство.

Прискорбная наивность, с какой Блаватская цеплялась за эту надежду, была достойна уважения, и не более того.

Нельзя отрицать, что появление в ее сознании образа «махатмы» Мории дало всей ее жизни мощный импульс. Ясно при этом, что идея Хранителя зародилась и долго вынашивалась в ее подсознательных интуициях в связи с комплексом безотцовщины. Она не могла смириться со спорадическим, от случая к случаю, появлением рядом с ней отца, Петра Алексеевича Гана.

Была ли Блаватская живой богиней? Нет, конечно. Она была ученицей, адептом полубогов, а точнее — отшельников, «махатм», которые приобрели сверхъестественные способности, недоступные простым смертным.

Блаватская была вся пронизана иррациональной стихией, одержима демонами, витающими между добром и злом. Отсюда в ее воспоминаниях о себе так много путаницы, просто бессмыслицы и несуразностей. От демонизма, граничащего с сатанизмом, она не освободилась до самой смерти.

Блаватская пыталась обрести новое равновесие, исходя из нетрадиционных для Запада предпосылок, выработанных философско-мистической и религиозной мыслью индусов и связанных с теориями перевоплощения и переселения душ, с законом кармы и с мокшей — возможностью абсолютного освобождения от земных перерождений духовно развитых людей. Это обращение к древней мудрости, как она полагала, будет способствовать универсальному перерождению к лучшему и дальнейшей эволюции человеческого рода.

Другое дело, что помимо воли Блаватской и желания ее последователей теософическое движение не добилось поставленных задач. Переломить человеческую психологию

оказалось намного сложнее, чем представлялось вначале.

Рафинированная мистика не озарила пребывающее во тьме невежества человечество, а была сравнима разве что с болотными огоньками, то вспыхивающими зовущим, обманным светом, то тревожно, словно в агонии, мерцающими, то неожиданно и безвозвратно гаснущими.

Что бы ни доказывала Елена Петровна (а доказать она могла что угодно), ее воинство пополнялось исключительно такими новобранцами, у которых жажда чудес была нестерпимой и неутихающей и требовала постоянного, ежедневного утоления.

В этом заколдованном круге — между защитой теории оккультизма против прикладных наук и утомительной необходимостью творить новые чудеса, звуковые и световые феномены, — Блаватская пребывала всю свою сознательную жизнь.

Небезынтересно отметить, что «махатмы» в этой непростой ситуации должны были играть обязательно ключевую роль. Они в какой-то степени снимали несоответствие между ее оккультной теорией, рассчитанной на долгие годы, и временной фокуснической практикой. Блаватская сделала все от нее зависящее, чтобы сокровенная сущность «махатм» поддалась тончайшим ухищрениям искушенного ума. Оставшись на короткое время без «махатм», вне их, она всем существом ощущала пустоту жизни.

«Махатмы» стали для нее и ее последователей, таким образом, психологической аксиомой. Факт существования «махатм» она возвела в принцип. Она оценила этот факт с точки зрения некоторой отвлеченной психической категории. Все образы Блаватской сконцентрировались в нем, как в высшей объективности, какой может достичь художник. Блаватская отрекалась от многих своих утверждений, от своих оценок людей и событий, даже от своих привязанностей и симпатий.

Единственное, от чего она никогда не отказывалась, это от «махатм», от Гималайского Братства и от России.

Невозможно усомниться в аксиомах, рожденных в недрах собственной души.

«Махатмы» и Гималайское Братство были ею выстраданы в результате глубочайшей отчужденности от представлений обычной жизни. Россия же оставалась для нее всегда родной землей, которую не унесешь на подошве башмака.

Одно из глубочайших и выдающихся пророчеств Блаватской заключается в представлении о духовном союзе России и Индии, в вере в то, что «русский человек и индус сойдутся».

Все развивается циклично, возвращается в конце концов на

круги своя.

Эта библейская истина также подтверждалась многими индусскими и буддийскими священными текстами, с которыми Елену Петровну ознакомили, как она уверяла, ее «махатмы», восточные мудрецы. Она испытала высочайшее наслаждение в постижении смысла «кармы», «дхармы», «мокши». Она отдавала себе отчет в том, что индусское понимание воздаяния, долга и освобождения не сообразуется с христианским и оправдывает неуничтожимость зла в мире. Действительно, зло на земле накапливается со временем до огромных размеров и ставит под сомнение существование жизни. Зло, словно спертый воздух в переполненной людьми и герметично закрытой комнате. Таким образом, зло исходит от человеческих сознаний, приумножающих его своим своеволием и непомерными амбициями.

Мысль о преодолении зла в мире через смерть и воскресение Христа вызывала у Елены Петровны отвращение, как неостроумная выдумка отцов церкви. Ей пришлось выстроить против христианских положений целую систему контраргументов. Она восстановила в равных правах со Всевышним Антихриста — Люцифера. Недаром она издаваемый ею в Англии журнал назвала скандально и с вызовом именем дьявола и, конечно, тут же обрушила на себя гнев клерикалов. Бог знает почему, но о ней говорили как о самонадеянной шарлатанке и искусной обманщице. Разве это справедливо? Она ведь мечтала только о счастье человечества. Ради появления совершенной человеческой расы была вынуждена браться за рискованные проекты. В итоге нашла же она адептов Гималайского Братства, посвященных в мудрость древних и искушенных в сокровенном учении. Они открыли перед ней мир оккультизма: «Изумрудную скрижаль» современника Авраама — Гермеса Трисмегиста из Древнего Египта и сумрачные тайны тибетской «Книги мертвых».

Трудно поверить, до чего тяжело было ей брать под сомнение нравственные нормы, а еще невыносимей было творить всяческие чудеса и феномены. Ничего не поделаешь, пришлось заниматься и тем и другим. Плохое называть хорошим и наоборот.

Под водительством «махатм» выбирались из многочисленной людской массы наиболее одаренные, пригодные к совершенной жизни личности. Они должны были содействовать появлению сверхлюдей — представителей совершенной шестой расы. Ведь совершенные люди не творят необдуманных, позорящих их поступков. Они знают, что именно ухудшает и улучшает карму. Их деятельность опирается на синтез религии и науки, на содружество ума и чувства, знания и интуиции. Они не

задумываются над вопросами морали, а руководствуются принципом высшей космической целесообразности. Чем больше таких людей, тем меньше становится в мире зла. Так думала Елена Петровна Блаватская.

«ТАЙНАЯ ДОКТРИНА»

Последнее пророчество

5 августа 1887 года Е. П. Блаватская писала из Норвуда сестре Вере: «Я видела странный сон. Будто мне принесли газеты, открываю и вижу только одну строчку: «Теперь Катков действительно умер». Уж не болен он? Узнай, пожалуйста, и напиши… Не дай Бог!»

И на этот раз сон Блаватской оказался вещим. К моменту написания письма ее любимый издатель был в полном здравии. Он заболел недели через три. Болезнь протекала с большими осложнениями, и вскоре наступила развязка. Одним настоящим другом у Елены Петровны стало меньше. С именем Каткова она справедливо связывала свою огромную популярность как писательницы в России. Ушел из жизни человек, поверивший в ее удивительный талант рассказчицы. Такого издателя она больше не найдет.

Блаватская работала, не покладая рук. Лондонское Теософическое общество разрасталось не по дням, а по часам. Все вновь вступившие жаждали оккультного посвящения. Уже невозможно было обходиться заимствованиями из древних верований, цитатами из утраченных апокрифов. Необходима была действительно монументальная книга по оккультизму. И этой книгой для теософов стала «Тайная Доктрина».

Е. П. Блаватская создавала «Тайную Доктрину» в течение четырех лет. Осенью 1888 года в Лондоне она получила верстку этой книги.

Она не надеялась, что «Тайная Доктрина» прославит ее при жизни. Елена Петровна не обольщалась по поводу своих современников. Вот почему она предсказывала успех «Тайной Доктрины» в следующем веке, пророчествовала, что согласно идеям этой книги люди будут жить и действовать. Блаватская была убеждена, что «Тайная Доктрина» изменит мир.

Книга создавалась в разных местах Европы: в Лондоне, Остенде, Вюрцбурге, Эйнхене, Эльберфельде. В редактировании «Тайной Доктрины» принимали участие ее самые близкие ученики. Наибольший вклад внесли два английских брата Арчибальд и Бертрам Кейстлей.

Работа над «Тайной Доктриной» приносила ей радость, уверенность в конечной победе. Она писала Синнету в Лондон из Вюрцбурга: «Я очень занята «Тайной Доктриной». То, что было в

Нью-Йорке (имелись в виду картины психографического ясновидения, «внушения». — А. С.), повторяется еще несравненно яснее и лучше!.. Я начинаю надеяться, что эта книга отомстит за нас. Такие передо мной картины, панорамы, сцены, допотопные драмы!.. Еще никогда я лучше не слышала и не видела».

«Тайная Доктрина» представляет собой комментарий к сакральному тексту под названием «Строфы Дзиан». С этим текстом, как уверяла Блаватская, она познакомилась в подземном гималайском монастыре. В последнее десятилетие жизни для нее источник мудрости окончательно и бесповоротно переместился из Египта в Южную Азию. Концепция теософии, как ее излагала Блаватская, опиралась на положения индуизма, из которых принцип телесного перевоплощения (метемпсихоза, или реинкарнации) был основополагающим.

В «Тайной Доктрине» излагается история о том, как появилась жизнь, какие факторы способствовали возникновению ее различных форм, рассказывается о том, в каком направлении она развивается и вообще существует ли в жизни какой-нибудь смысл? Разумеется, Блаватская признавала процесс жизни циклическим, описывая мир от его сотворения до самого конца как один круг.

Первый том «Тайной Доктрины» называется «Космогенез». В нем рассматриваются общие закономерности развития. Согласно Блаватской, первоначальное единство неявленного Божества вскоре заявляет о себе многообразием сознательно развивающихся существ, которые постепенно наполняют мир. Божество обнаруживает себя впервые через эманацию и три следующих последовательно друг за другом формы Разума: три космические фазы создают время, пространство и материю. Божественному плану подчиняются также и последующие творения, которым предстоит пройти через круги, или эволюционные циклы. В первом цикле миром правит стихия огня, во втором — стихия воздуха, в третьем — стихия воды, в четвертом — стихия земли. В остальных кругах, или циклах, мир определяется эфиром. Таким образом, в первых четырех кругах миром овладевает греховное начало, в связи с чем он отпадает от Божественной милости. В последних трех кругах, или циклах, мир искупает свою греховность, это необходимая предпосылка его возвращения к утерянному первоначальному единству и созданию нового большого круга. И все начинается сначала. Объективированными мыслями Бога Блаватская считала электричество и солнечную энергию. Особо она выделяла универсального посредника, который призван создавать и поддерживать наш мир. Этот услужливый исполнитель,

представляющий начало всего космического процесса, получил от нее имя Фохат.

Во втором томе «Тайной Доктрины» под названием «Антропогенез» Блаватская пытается связать человека с грандиозной космической панорамой. В ее циклической концепции человек занимает значительное место. Блаватская утверждает, что каждому кругу, или циклу развития жизни, соответствуют падение и возвышение семи последовательных корневых рас. От первого до четвертого круга включительно человек деградирует, целенаправленно отдаваясь во власть материальному миру. Лишь с пятого круга начинается восхождение из тьмы к Свету, от материальных сиюминутных целей — к вечным духовным идеалам. Согласно Блаватской, настоящий человеческий порядок на земле может быть создан только пятой корневой расой, прошедшей через четвертый космический круг. Пятая корневая раса названа Блаватской арийской. Ей предшествовала раса жителей Атлантиды. Атлантам она приписывала, как уже знает читатель, неизвестные современному человеку особые психические силы. Елена Петровна представляла их гигантами, владевшими развитыми технологиями и создавшими на Земле циклопические строения. Три первоначальные расы относились ею к протогуманоидам. Первая астральная раса возникла в невидимой и вечной священной земле, вторая, гиперборейцы, существовала на исчезнувшем полярном континенте. Третья, лемурийцы, процветала на острове, затерянном в Индийском океане. Этой расе соответствовал самый низкий духовный уровень в эволюционном расовом цикле.

Елена Петровна провела через «Тайную Доктрину» три основополагающих принципа. Первый принцип — признание существования вездесущного, вечного, безграничного и неизменного Бога. Божественный план в Космосе осуществляет Фохат, полуэлектрическая-полудуховная сила, которая воплощается в законах природы.

Вторым принципом служит правило периодичности, всякое творение немедленно включается в череду бесчисленных распадов и возрождений. Эти круги всегда заканчиваются духовным приближением к первоначальной точке. Наконец, третий принцип заключает в себя представление о единстве между индивидуальными душами и Божеством, между микро-и макрокосмом.

Блаватская создала книгу не для какой-нибудь определенной эпохи, а для вечности. И для того, чтобы выбрать себе преемницу. Не случайно «Тайная Доктрина» попала в руки Анни Безант,

которая, прочитав ее, откликнулась восторженной статьей и немедленно познакомилась с ее автором.

В конце апреля 1887 года Елена Петровна навсегда перебралась в Англию. Друзья перевезли ее, больную, с большими предосторожностями и всевозможными заботами из Остенде в Норвуд на прелестную виллу. С наступлением холодов она переехала в Лондон.

Анни Безант вскоре пришлось стать главным оплотом и двигателем теософского движения. Блаватская писала о ней: «Но что это за сердечная, благородная, чудесная женщина! И как она говорит! Слушаешь и не наслушаешься! Демосфен в юбке!.. Это такое приобретение, что я не нарадуюсь! У нас именно недоставало красноречивого оратора. Я говорить совсем не умею. А это соловей какой-то! И как глубоко умна, как всесторонне развита! Она пренесчастная была… Ее жизнь целый роман. Уж эта помощница не изменит ни делу, ни даже мне».

В последние три года жизни Блаватской Анни Безант переложила на свои плечи многие практические дела. Прежде всего то, что было связано с филантропической деятельностью Общества. Елена Петровна смогла полностью отдаться любимым оккультным размышлениям.

Она призвала людей будущего века вернуться к природной жизни. В ее «Тайной Доктрине» речь шла, по существу, об альтернативных формах существования. Елена Петровна провидела кошмары XX века и пыталась дать человечеству оптимистическую перспективу. По крайней мере, надежду на возвращение золотого века. Внутри ее, когда она пророчествовала о будущем, все дрожало от боли и радости. От боли — потому что она сострадала будущим многочисленным жертвам. От радости — потому что она познала высшие законы жизни и понимала, что зло недолговечно.

Как создавалась «Тайная Доктрина»

Здесь я хочу прояснить те обстоятельства, — пишет в воспоминаниях графиня Вахтмейстер, — которые предшествовали моему посещению мадам Блаватской. В течение двух лет, с 1879 по 1881-й я изучала спиритизм. Я поняла, что меня не устраивают современные спиритические толкования фактов, о которых я много слышала.

В конце этого периода я натолкнулась на работы «Разоблаченная Изида», «Эзотерический буддизм» и другие теософские книги и обнаружила в них много нового и

интересного по поводу природы и причин спиритического феномена, о котором сама много размышляла. Я почувствовала большую тягу к теософии. В 1881 году я вступила в Теософическое общество и приобщилась к ложе. Многие вещи меня там не устроили, и я вернулась на путь самостоятельного изучения и чтения.

Тем не менее многие аспекты теософского учения, которые Блаватская подвергла тщательному изучению, были мне симпатичны. Внимательное исследование этих книг повысило мой интерес к мадам Блаватской, поэтому, когда представился случай познакомиться с ней лично, я с большим удовольствием им воспользовалась.

Вскоре после описанного мною визита я присутствовала на вечеринке у миссис Синнет, где впервые встретила полковника Олкотта. Он собрал вокруг себя многих слушателей и рассказывал о различных случаях, которые он наблюдал и которые происходили непосредственно с ним самим, связывая их непосредственно с феноменом. Однако это не заставило меня изменить отношение к мадам Блаватской, чья яркая личность, окутанная мистикой, вызывала во мне повышенный интерес.

Тем не менее я не стремилась к ней приближаться и проводила приятные вечера с другой новой знакомой, мадам Гебхард, которая позже стала моим очень близким другом и которая развлекала меня множеством историй из жизни «старой леди» — так Е. П. Блаватскую называло ее близкое окружение.

Только у нее я встречалась с мадам Блаватской во время своего пребывания в Лондоне и не думала, что когда-нибудь увижу ее вновь.

Я уже готовилась к отъезду и вдруг однажды вечером, к моему великому изумлению, получаю письмо, написанное незнакомым почерком, как выяснилось, принадлежавшим мадам Блаватской.

В письме было приглашение приехать к ней в Париж для какого-то личного разговора, который у нее ко мне есть.

Соблазн лучше узнать личность, которая меня чрезвычайно интересовала, основательницу Общества, к которому я принадлежала, одержал верх, и я решила возвратиться в Швецию через Париж.

По приезде в Париж я позвонила на квартиру к мадам Блаватской, но мне сказали, что она в Энхейне у княгини Адемар. Недолго думая, я села в поезд и скоро оказалась перед очаровательным домом мадам Адемар. Здесь меня ожидали новые трудности. Послав свою визитную карточку с просьбой увидеть мадам Блаватскую, я получила ответ, что леди занята и

не может меня принять. Я ответила, что могу подождать, что я приехала из Англии и не уеду, пока ее не увижу.

После этого меня проводили в гостиную, полную народа, ко мне подошла княгиня Адемар и приветливо отвела в другой конец комнаты, где сидела мадам Блаватская.

После слов приветствия и извинившись, она сказала, что собирается вечером обедать в Париже с герцогиней де Помар, и пригласила меня к ней присоединиться. Поскольку герцогиня была моим старым другом и я была уверена, что мое присутствие не покажется ей навязчивым, я согласилась. Вечеринка прошла в приятных разговорах со многими интересными людьми и в слушании живой речи мадам Блаватской. По-французски она говорила гораздо свободнее, чем по-английски. Здесь у нее было даже больше почитателей, чем в Лондоне.

В поезде из Энхейна в Париж Е. П. Блаватская была молчалива и рассеянна. Она призналась, что устала, и мы разговаривали очень мало, разве что об очень обыденных вещах. Только однажды после долгого молчания она сказала мне, что отчетливо слышит музыку из «Вильгельма Телля», и заметила, что эта опера была всегда одной из самых ею любимых.

Мое любопытство было затронуто, обычно в это время оперных представлений не давали. Впоследствии, наведя справки, мне удалось выяснить, что ту самую арию из «Вильгельма Телля» в тот день и в то самое время исполняли на концерте в театре «На Елисейских полях». Действительно ли мелодия достигла ее слуха, когда она находилась в состоянии гиперэкстаза, или на нее снизошел свет астрала, я не знаю, но с тех пор я не раз убеждалась, что она может слышать то, что происходит на расстоянии.

В тот вечер, с герцогиней де Помар, не происходило ничего такого, о чем стоило бы говорить, но, когда я собиралась возвратиться в гостиницу, мадам Блаватская попросила меня приехать к ней завтра в Энгейм. Что я и сделала. Там меня сердечно встретила мадам Адемар, но лично пообщаться с мадам Блаватской удалось не более чем в предыдущий день. Однако я с удовольствием познакомилась с мистером Джаджем, исполнявшим в то время роль ее личного секретаря, мы с ним много беседовали, гуляя в свободные часы по красивому парку в тени деревьев.

Мадам Блаватская провела весь день, запершись в комнате, и я встречалась с ней только по вечерам за обеденным столом, где она была окружена почитателями и с ней невозможно было поговорить наедине. У меня нет никаких сомнений, которые возникали у меня в трудности преодолеть барьер, и те отсрочки в

серьезном разговоре, который у нее ко мне был, являлись моим испытательным сроком, хотя в то время я об этом не подозревала.

Наконец у меня возникло острое желание вернуться в Швецию и больше не испытывать гостеприимство хозяев. Я отвела в сторону мистера Джаджа и попросила его передать «старой леди», что, если ей нечего мне сказать, я уеду на следующий день.

Вскоре меня пригласили к ней в комнату, и последовала беседа, которую я никогда не забуду.

Она сказала мне многие вещи, которые, как я думала, были известны только мне самой, и закончила беседу, сказав, что два ближайших года я должна буду посвятить исключительно теософии.

В то время у меня были причины считать это для себя совершенно неприемлемым, и, поскольку умалчивать это было бы нечестно, я чзЛвствовала себя обязанной сказать ей об этом.

Она лишь улыбнулась в ответ и произнесла: «Учитель говорит, значит, так и будет».

На следующий день, попрощавшись с Адемар, я уехала. Мистер Джадж проводил меня до станции и посадил в поезд. Ночью, трясясь в поезде, я думала о том, оправдаются ли ее слова, а также о том, что я совершенно не пригодна для подобной жизни и что совершенно невозможно преодолеть все барьеры, которые стоят на моем пути к цели, которую она мне предначертала.

Осенью 1885 года я готовилась покинуть свой дом в Швеции с тем, чтобы провести зиму с друзьями в Италии и по пути нанести обещанный визит мадам Гебхард в ее резиденцию в Эльберфельде.

Это произошло, когда я была занята приведением в порядок своих дел, думая о долгом отсутствии, что было не впервой в моей практике.

Я приводила в порядок статьи, которые собиралась оставить дома, и вдруг услышала голос: «Возьми эти книги, они тебе пригодятся во время путешествия».

Я могу сказать, что у меня были развиты способности к ясновидению и яснослышанью. Мой взгляд упал на том с рукописями, который лежал в куче вещей, которые я собиралась запереть до моего возвращения, считая, что они мне не понадобятся во время каникул. Это была коллекция записей по поводу Тарро и отрывки из Каббалы, которые были подобраны для меня другом. Однако я решила взять книгу с собой и положила ее на дно одного из моих чемоданов, с которыми собиралась отправиться в путешествие.

Наконец пришел день моего отъезда из Швеции.

Это было в октябре 1885 года. В Эльберфельде меня ожидал сердечный прием мадам Гебхард. Постоянство дружбы с этой прекрасной женщиной долгие годы являлось источником душевного комфорта. Она поддерживала как меня, так и мадам Блаватскую. И чем больше передо мной раскрывался ее честный и достойный характер, тем с большим восхищением я к ней относилась.

Оказалось, что мадам Блаватская и некоторые члены Теософического общества провели у нее около 8 недель осенью 1884 года, и ей нужно было многое мне рассказать о тех интересных случаях, которые происходили в это время.

Таким образом, я вновь попала под влияние, которое оказало на меня сильное воздействие в Энхей-ме, и почувствовала, что во мне вновь пробудился интерес к мадам Блаватской.

Однако время поджимало, мне нужно было ехать в Италию. Мои друзья не переставали настаивать на моем приезде, и, наконец, я определила дату своего отъезда.

Когда я сказала мадам Гебхард, что через несколько дней ее покину, она мне рассказала о письме, которое получила от мадам Блаватской, где та жалуется на одиночество.

Она была больна телом и душой. Ее единственным компаньоном был слуга-индус, которого она привезла из Бомбея и о котором я расскажу позже. «Поезжайте к ней, — сказала мадам Гебхард, — она нуждается в сочувствии, и вы сможете ее подбодрить. Я этого сделать не могу, у меня много других дел и обязанностей, но вы можете по-дружески ей помочь, если хотите».

Я все обдумала, для меня это было возможным, рискуя, конечно, при этом огорчить своих друзей в Италии, в конце концов это незначительно изменило бы их планы. И я решила, что раз Е. П. Блаватская хочет меня видеть, я поеду к ней на месяц, а уже потом на юг.

Таким образом, как она и предсказывала, в обозначенный срок обстоятельства снова привели меня к ней.

Мадам Гебхард была очень обрадована, когда я сказала ей о своем решении: я показала письмо, которое написала «старой леди» в Вюрцбург. В нем говорилось, что если она захочет меня принять, я смогу провести с ней несколько недель, поскольку мадам Гебхард считает, что ей сейчас нужна забота и общение.

Письмо было отправлено, и мы с нетерпением ждали ответа. Когда он пришел, мы горели от нетерпения вскрыть письмо и узнать его содержание. Но вскоре наша радость сменилась разочарованием. Нам пришел вежливый отказ. Мадам Блаватская просила извинение за то, что у нее нет для меня комнаты. Кроме того, она писала, что очень занята работой над «Тайной

Доктриной» и у нее нет времени развлекать гостей. Однако она выражала надежду, что мы сможем встретиться, когда я буду возвращаться из Италии. Тон письма был достаточно спокойным и даже дружелюбным, но мне дали понять, что мой приезд нежелателен.

Мадам Гебхард сильно помрачнела. Ей, очевидно, все это было неприятно. Что касается меня, то мне тоже не без труда пришлось изобразить на лице удовольствие по поводу поездки на юг.

Мой багаж вскоре был готов, и карета уже стояла у порога, когда мне подали телеграмму: «Приезжайте в Вюрцбург немедленно. Очень нужны. Блаватская».

Легко вообразить, что это послание вызвало у меня удивление и недоумение. Я вернулась к мадам Гебхард за разъяснением. Она обрадовалась и засияла. Очевидно, все ее мысли и симпатии были на стороне «старой леди».

— О, она действительно очень хочет вас видеть, — кричала она. — Езжайте к ней, езжайте!

У нее не было никаких сомнений. Я нашла объяснение своему поведению для своих друзей. И вместо того чтобы взять билет до Рима, купила билет в Вюрцбург и скоро оказалась в пути, отрабатывающая свою карму.

В обитель мадам Блаватской я прибыла вечером. Пока я поднималась по ступенькам, мой пульс участился. Я ничего не знала о причине, которой она руководствовалась, меняя свои планы. Думать я могла о чем угодно. Мне казалось, что причиной телеграммы была ее серьезная и внезапная болезнь. Но я также не удивилась бы третьей смене настроения, когда пришлось бы вновь ехать в Рим после 36-часового путешествия.

Мадам Блаватская встретила меня тепло и после нескольких слов приветствия заметила: «Я хочу извиниться за столь странное поведение. Сказать по правде, я не хотела, чтобы вы приезжали. У меня всего одна спальня. Я подумала, что вы, может быть, рафинированная дама и не захотите спать со мной в одной комнате. Мой образ жизни может вам не понравиться. Раз вы приехали ко мне, вам придется принять мои условия, которые, возможно, покажутся вам ужасным дискомфортом. Поэтому я отклонила ваше предложение. Но после того, как я опустила письмо, Учитель разговаривал со мной и велел мне передать вам, чтобы вы приехали. Я подчиняюсь каждому слову Учителя. С тех пор я стараюсь придать спальне более жилой вид. Я купила большой экран, который поделит комнату, так что у вас будет своя половина, а у меня своя. И я надеюсь, что вы не будете испытывать неудобств».

Я ответила, что к каким бы условиям жизни я ни привыкла, я от всего откажусь ради удовольствия побыть в ее компании.

Я очень хорошо помню, это было сказано по дороге в столовую, куда мы переходили, чтобы выпить чаю. Она вдруг резко повернулась в мою сторону, как будто что-то крутилось у нее в голове.

— Учитель сказал, что у вас есть книга, которая мне очень нужна.

— Нет, — ответила я. — У меня с собой нет книг.

— Вспомните, — сказала она. — Учитель сказал, что вам было сказано по-шведски привезти книгу по Тарро и Каббале.

Тут я вспомнила про те обстоятельства, о которых говорила выше. С той минуты, как я положила книгу на дно коробки, я про нее напрочь забыла. Я быстро вошла в спальню, отперла чемодан и стала шарить по дну. Я нашла ее в том самом углу, куда положила еще в Швеции, абсолютно целехонькую. Но это еще не все. Когда я вернулась в столовую с книгой, мадам Блаватская махнула рукой и закричала:

— Стойте, пока не открывайте! Теперь откройте десятую страницу и на шестнадцатой строчке найдите слова… — И она процитировала целый абзац.

Я открыла книгу, которая, не забудьте, была не печатным изданием, экземпляр которого мог быть и у мадам Блаватской, а рукописным альбомом, в котором, как я уже говорила, были записки и исследования моего друга, подобранные для меня. На данной странице и в данной строке было слово в слово то, что она цитировала.

Подавая ей книжку, я отважилась спросить, зачем она ей нужна.

— Это, — ответила она, — для «Тайной Доктрины». Это моя новая работа, которую я сейчас пишу. Учитель собирает для меня материал. Он знал, что у вас есть книга, и велел вам ее привезти, чтобы она была под рукой для справки.

Никакой работой в первый вечер мы не занимались, на следующий день я начала понимать, какой образ жизни у Блаватской и какая жизнь предстоит мне, пока я буду жить у нее. <… >

Тихая кабинетная работа продолжалась недолго.

Однажды утром над нами разразилась гроза. Как-то с утренней почтой без всякого предупреждения Блаватская получила копию известного «Доклада Общества психических исследований», составленного Ходжсоном по навету четы Куломбов.

Полная неожиданность явилась для нее жестоким ударом. Я

никогда не забуду тот день. Войдя в ее кабинет, я застала ее сидящей с открытой книгой в руках в состоянии полнейшего отчаяния.

— Это, — кричала она, — карма Теософического общества, и она обрушилась на меня. Я козел отпущения. Я предназначена для того, чтобы искупать все грехи Общества, и теперь, когда меня держат за великого самозванца и русского шпиона, кто будет прислушиваться ко мне? Кто будет читать «Тайную Доктрину»? Как мне выполнить работу Учителя? О проклятый феномен, который я демонстрирую лишь для того, чтобы доставить удовольствие близким и тем, кто вокруг меня. Какую жуткую карму я несу! Как мне все это пережить? Если я умру, работа Учителя окажется впустую, а Общество распадется.

В приступе гнева она обычно не слушала никаких доводов. Отвернувшись от меня, она сказала:

— Почему вы не уходите? Почему вы меня не оставляете? Вы баронесса, вы не можете оставаться с униженной женщиной, которую опозорили перед всем миром, на которую будут показывать пальцем как на обманщицу и самозванку. Идите, пока на вас не пала тень моего позора.

— Елена Петровна, — сказала я, и мои глаза поймали ее застывший взгляд, — вы знаете, что Учитель жив, и что он Ваш Учитель, и что Теософическое общество создано им. Каким же образом оно сможет погибнуть? И я это знаю так же хорошо, как и вы. Правда восторжествует безо всяких сомнений. Как же вы могли хоть на секунду предположить, что я смогу оставить вас и то дело, которому нам предначертано служить? Даже если каждый член Теософического общества превратится в изменника общей цели, останемся мы с вами и будем работать в ожидании лучших времен. <… >

Здесь я процитирую отрывок из ее «Протеста» на «Доклад», который она озаглавила «Оккультный мир феномена и Общество физических исследований».

«Мистер Ходжсон знает, — пишет она, — а Комитет без сомнения тоже, что я не приму никаких контрмер, потому что у меня нет средств для ведения дорогостоящих судов (я отдала все, что у меня когда-либо было, делу, которому служу), а также потому, что мое оправдание потребует исследования моего психического мистицизма, которое не может быть проведено должным образом правовыми органами, а также еще и потому, что есть вопросы, на которые я не обязана и не уполномочена отвечать, но которые эти клеветники обязательно вынесут на поверхность. В то же время мое молчание и уход от ответа будут равносильны «неявке в суд». <… >

Я провела несколько месяцев с мадам Блаватской. Мы жили с ней в одной комнате и были вместе утром, днем и вечером. У меня был доступ ко всем ее коробкам и ящикам. Я читала письма, которые к ней приходили и которые писала она сама, и теперь могу открыто и честно заявить, что мне стыдно, что когда-то подозревала ее. Я считаю ее честной и правдивой женщиной, преданной до самой смерти своему Учителю и делу, которому принесла в жертву свое положение, здоровье и карьеру. Я абсолютно не сомневаюсь, что она приносила эти жертвы, а я видела тому доказательства. Некоторые из них подтверждаются документами, подлинность их несомненна.

С общепринятой точки зрения мадам Блаватская — несчастная женщина, непризнанная, подозреваемая и обруганная многими. Но если взять более высокую точку отсчета, она обладает необычным даром, и никакие оскорбления не могут лишить ее тех способностей, которые ей даны. Она знает границу многих вещей, которые известны только несколькими из смертных, находится в непосредственном контакте с конкретными восточными адептами…

С самой первой ночи, которую я провела в ее комнате, и до последней я регулярно слышала равномерные постукивания по столу, раздававшиеся в непосредственной близости от нее. Они обычно раздавались, начиная с десяти часов вечера, и заканчивались около шести часов утра, с интервалом в десять минут. Они были резкими, отчетливыми и слышны были только в данный определенный отрезок времени. Иногда я специально клала перед собой часы, и каждый раз ровно через десять минут раздавалось регулярное постукивание. Это происходило независимо от того, спала ли в это время Блаватская или нет.

Когда я просила объяснить мне происхождение этих постукиваний, мне говорилось, что этот эффект служит своего рода телеграфом и является своеобразным средством связи между ней и Учителями и что они, очевидно, ведут наблюдение за ее телом в то время, когда астрал покидает его…

Но возникает вопрос, почему она, обладая силой облегчать страдания другим, сама страдала? Почему, выполняя столь важное задание, работая ежедневно по многу часов в день, что требовало хорошего здоровья, почему она пальцем не пошевелила для того, чтобы снять с себя слабость и боль, которые были присущи обычному человеку?

Такой вопрос напрашивается сам собой, и он меня все время мучил, зная, какой она обладала силой и даром лечить других. И когда я ей задавала этот вопрос, она неизменно отвечала одно и то же. «В оккультизме, — говорила она, — тот, кто обладает

силой, не должен распространять ее на себя, это означало бы поставить ногу в стремя и поскакать к пропасти Черной магии. Я дала клятву этого не делать, и я не из тех, кто ее нарушает. И чтобы обеспечить более благоприятные условия для выполнения моего задания, не обязательно действовать по принципу — цель оправдывает средства, — нам такой путь не годится, это также не значит, что мы должны идти за дьяволом в надежде, что он сделает добро. — Она продолжала: — Я терпеливо переношу не только физическую боль, слабость и болезни. Ради работы я переношу также умственное напряжение, позор, срам и насмешки».

Все это не преувеличение и не форма эмоционального выражения. Это все оставалось правдой до самой ее смерти как фактически, так и исторически. В нее, как на главу Теософического общества, летели отравленные стрелы непонимания, которые попадали в ее чувствительную душу, как в щит, им она прикрывала слабых и заблудших.

Она действительно была жертвой, мученицей, терпеливо переносила любой срам, и на ее агонии держалось благополучие Теософического общества»[3].

Воспоминания Анни Безант об обстоятельствах ее знакомства с Е. П. Блаватской

«…Год 1889-й — незабвенный для меня год, когда я нашла дорогу Домой и имела бесценное счастье встретить Блаватскую и стать ее ученицей, — пишет в своей «Автобиографии» Анни Безант. — Во мне все больше и больше росло сознание, что для изменения социальных бедствий нужно нечто более того, что у меня было. Социальное положение достаточно было для экономической стороны вопроса, но где взять вдохновение, импульс которого привел бы к осуществлению Братства человечества? Наши усилия организовать прочные кружки самоотверженных работников потерпели неудачу. Многое было сделано, но не было настоящего движения самоотверженной преданности, в силу которой люди работали бы только ради любви и стремились бы лишь давать, не требуя ничего взамен. Где был материл для создания более высокого социального ордена, где были отесанные камни для возведения храма человеку? Мною овладело отчаяние, когда я искала этого движения и его не находила. <…>

Я прочла много книг, но они меня не удовлетворяли. <…>

Наконец, однажды, сидя дома в глубоком скорбном раздумье, как то была моя привычка после захода солнца, полная интенсивной, но почти безнадежной жажды разрешить загадки жизни и разума, я услыхала голос, ставший для меня впоследствии самым священным звуком на земле, призывавший меня к бодрости, потому что свет был близок. Две недели спустя мистер Стэд вручил мне два тома. «Можете ли вы написать рецензию о них? Мои молодые люди все сторонятся их, но вы настолько увлечены этими вопросами, что можете что-нибудь о них написать?» Я взяла книги; то были два тома «Тайной Доктрины» Е. П. Блаватской.

Я принесла домой свою ношу и села за чтение. Интерес возрастал с каждой страницей, но как все это казалось знакомым; как мой ум предугадывал выводы, как естественно это было, стройно, тонко и вместе с тем как понятно. Я была ослеплена светом, в котором разрозненные факты казались частями мощного целого, и все мои загадки, сомнения, задачи, казалось, исчезли. <… >

Я написала рецензию и просила мистера Стэда представить меня автору и затем написала ей несколько слов, прося разрешения ее навестить. Я получила самую дружескую записку с приглашением прийти, и в мягкий, весенний вечер Герберт Берроус и я (его стремления тождественны были с моими в этом вопросе) пошли пешком от Notting Hill Station № 17 по Landsdowne Road, спрашивая себя, что мы увидим. После минутной остановки мы быстро прошли через переднюю и первую комнату, чрез раскрывшиеся перед нами двери; фигура в большом кресле перед столом; голос звучный, властный: «Милая миссис Безант, я так давно хочу с вами познакомиться». И моя рука очутилась в ее сильных руках, и я взглянула в первый раз в этой жизни в глаза Е. П. Блаватской. Мое сердце внезапно бросилось ей навстречу (узнала ли я ее?), и затем — стыдно в том сознаться — оно горячо запротестовало, отхлынуло назад, как дикий зверь, почувствовавший властную руку. Я села, после того как была представлена нескольким присутствовавшим здесь лицам, и стала слушать. Она говорила о своих путешествиях, о различных странах, вела свободный блестящий разговор; глаза ее были безучастны, а прелестные пальцы беспрестанно крутили папиросы. Ничего особенного не было сказано, ни слова об оккультизме, ничего таинственного, светская женщина, поддерживающая легкий разговор со своими вечерними посетителями. Мы встали, собираясь уйти, и на минуту завеса поднялась, и два блестящих проницательных глаза встретили мой взгляд, и голос ее дрогнул: «О, милая моя миссис Безант, если бы

вы к нам примкнули!» Я почувствовала почти непобедимое желание наклониться и поцеловать ее под влиянием этого просящего голоса, этих глаз, но со вспышкой прежней непреклонной гордости и внутренней усмешкой над своим безумием я вежливо простилась и ушла, сказав несколько банальных и уклончивых слов. «Дитя, — сказала она мне много позднее, — гордость ваша велика; вы горды, как сам Люцифер». Но, право, мне кажется, что после этого вечера я никогда не проявила ее по отношению к ней, хотя гордость моя гневно пробуждалась в защиту Е. П. Б. много раз, пока я не поняла всей мелочности и бесполезности критики и не узнала, что слепые являются предметом жалости, а не презрения.

<…> Я снова отправилась в Landsdowne Road, чтобы расспросить о Теософическом обществе. Е. П. Блаватская с минуту испытующе смотрела на меня: «Читали ли вы отчет обо мне Общества психических исследований?» — «Нет. Я никогда не слыхала о нем». — «Так прочтите его, и если по прочтении его вы вернетесь — тогда…

Ни слова больше она не сказала и стала рассказывать о своих путешествиях.

Я достала экземпляр отчета. Прочла и перечла его. Сразу увидела я, как шатко было основание, на котором возведено было это внушительное здание. Постоянные предположения, на которых основаны были выводы, невероятный характер обвинений и как самый сомнительный факт — мутный источник, из которого шли показания. Все вращалось вокруг правдивости Куломбов, между тем сами они себя клеймили участием в предполагаемых мошенничествах. Могла ли я поставить это в противовес открытой, бесстрашной натуры, луч которой я уловила, гордой, пламенной правдивости, сиявшей в ясных голубых глазах, честных и бесстрашных, как глаза благородного ребенка? Разве автор «Тайной Доктрины» мог быть этим низким обманщиком, пользующимся потайными дверями и двойными стенами? Я громко рассмеялась при мысли о подобной нелепости и отбросила в сторону отчет с искренним презрением честной натуры, умевшей распознавать себе подобных и отворачиваться от низости и подлости лжи. На следующий день я явилась в № 7 Duke Street Adelphi в Теософическое издательское общество, где работала графиня Вахтмейстер, одна из вернейших друзей Е. П. Блаватской, и подписала заявление о своем желании вступить в члены Теософического общества.

Получив свой диплом, я отправилась в Landsdowne Road, где нашла Е. П. Блаватскую одну. Я подошла к ней, поцеловала ее, но не произнесла ни слова. «Вы вступили в Общество?» — «Да». —

«Вы прочли отчет?» — «Да». — «Что ж».

Я стала перед ней на колени, взяла обе ее руки в мои и, глядя прямо в глаза, сказала: «Вот мой ответ: примите ли вы меня в число своих учениц и позволите ли вы объявить вас перед лицом всего мира моим учителем?» Ее строгое лицо смягчилось, глаза подернулись непривычной влагой; затем с более чем царственным величием она положила руку мне на голову. «Вы — благородная женщина. Да благословит вас Учитель».

С того дня, 10 мая 1889 года, до сих пор — два года и три с половиною месяца после того, как она покинула свое тело 8 мая 1891 года, — моя вера в нее осталась незыблемой, мое доверие к ней ни на минуту не поколебалось. Я отдала ей мою веру под властным давлением интуиции; я нашла ее верной себе, живя день за днем в ближайшем с ней общении; и я говорю о ней с благоговением ученика к никогда не изменившему ему учителю, со страстной благодарностью ученика, тому, кто раскрывает дверь и указывает путь. «Безумие! Фанатизм!» — глумится англичанин девятнадцатого века. — «Пускай! Я видела и могу ждать».

Мне говорили, что я стремительно окунулась головой в Теософию и позволила себя увлечь своим энтузиазмом. Обвинение это правильно в том отношении, что решение мое было быстро принято; но оно долгое время подготавливалось и осуществляло собой мечты детства на более высоких планах интеллектуального зрелого возраста. Скажу тут же: осуществилось гораздо больше, чем я ожидала при этом первом решительном шаге, и я приобрела несомненность знания относительно доктрин, которые я почувствовала истинными в ту мгновенную вспышку просветления. Я *знаю,* личным опытом, что душа существует и что моя душа, а не мое тело составляет мое «я»; что оно по желанию может покинуть тело; что, раз воплотившись, она может увидеть живых святых Учителей, учиться у них и вернуться и запечатлеть в физическом мозгу то, что узнала; что этот процесс перемещения сознания из одного разряда бытия в другой весьма медленен и что в течение его тело и ум постепенно соединяются с более тонкой формой, по существу своему принадлежащей душе, и что мой опыт в этом отношении, еще столь несовершенный, столь отрывочный, если сравнить его с опытом высоко развитых в этом отношении людей, подобен первым попыткам ребенка говорить в сравнении с совершенным красноречием искусного оратора; что сознание не только не зависит от мозга, а что оно более деятельно, будучи освобождено от грубых форм материи, чем когда оно заключено в них; что великие Мудрецы, о которых говорила Е. П. Блаватская,

действительно существуют, что они обладают силами и знанием, в сравнении с которыми наша власть над природой и познание ее силы являются лишь детской игрой. Я узнала это и еще многое другое; между тем я лишь ученица первой ступени, нахожусь как бы в детском классе оккультной школы; итак, первый шаг был удачен и моя интуиция оправдалась. <… >

<…> Срок найма дома № 17 по Landsdowne Road кончался летом 1890 года, и решено было превратить № 19 по Avenue Road в главную квартиру Теософического общества в Европе. Для собраний ложи Блаватской, основанной Е. П. Б. была выстроена зала и произведено несколько перестроек. В июле ее штат работников соединился под одной кровлей; сюда прибыли Арчибальд и Бертрам Кейс-тлей, уже много лет до того посвятившие себя служению ей, и графиня Вахтмейстер, оставившая всю роскошь богатства и высокого общественного положения с тем, чтобы пожертвовать всему делу, которому она служила, и другу, которого она любила с глубокой и верной преданностью; Джордж Мид, ее секретарь и убежденный ученик и неутомимый работник; Клод Райт, симпатичный ирландец, с острой проницательностью под веселой и ясной натурой, беспечный с виду; Вальтер Ольд, мечтательный и чувствительный, врожденный психик и, как многие из них, легко поддававшийся влиянию окружающих; Эмилия Кислингбери, любознательная и искренняя женщина; Изабель Купер Оклей, обладавшая интуицией и прилежанием, что редко сочетается вместе, и чрезвычайно преданная ученица; Джемс Прайз, американец, вносивший практические знания в нашу работу и способствовавший широкому развитию нашего дела. Все эти лица и я жили вместе в помещении Теософического общества, мисс Купер и Герберт Бэрроус, принимая участие в нашей деятельности, не имели возможности, вследствие других обязательств, жить с нами на одной квартире.

Правила общежития были очень просты и остаются такими же и до сих пор, но Е. П. Блаватская настаивала на большой правильности жизни: утренний кофе подавался в 8 часов, затем работали до 1 часа, далее завтрак и затем работа до 7 часов. После обеда внешняя работа для общества откладывалась, и мы собирались в комнате Е. П. Б., где обсуждали планы, получали указания, слушали объяснения сложных вопросов. В 12 часов огни должны были быть погашены. Моя общественная деятельность заставляла меня часто отлучаться на несколько часов, к несчастью для меня, но таково было обычное течение нашей занятой жизни. Сама она писала беспрестанно, вечно страдая, она железной волей заставляла свое тело исполнять свои

обязанности, безжалостная к его слабостям и болезням. Она очень различно относилась к своим ученикам, приспособляясь с необыкновенной точностью к их характерам; как учитель, она была изумительно терпелива, разъясняя один и тот же вопрос на разные лады, пока наконец после повторной неудачи она не откидывалась на спинку кресла: «Боже мой! Разве я так глупа, что вы не можете понять? Послушайте, — обращаясь к кому-нибудь, на чьем лице виднелись слабые признаки понимания, — объясните этим разиням, что я хочу сказать». К тщеславию, самомнению, притворным знаниям она была немилосердна, острые стрелы иронии пронизывали притворство. На некоторых она очень сердилась, выводя их из летаргии пламенным презрением. Она действительно превращала себя лишь в орудие для воспитания своих учеников, не заботясь о том, что они или кто-либо другой будут думать о ней, лишь бы обеспечить желанный результат.

А мы, жившие вокруг нее, в ближайшем общении, наблюдая за ней день за днем, мы свидетельствуем о самоотверженной красоте ее жизни, о благородстве ее характера, и мы полагаем к ее ногам самую благоговейную благодарность за приобретенные знания, очищенную жизнь, развившие силу».

Никаких траурных торжеств, никаких шествий, никаких радений! Ее последний маршрут в последнем воплощении — станция Ватерлоо, а оттуда в Уокинг, где находится лондонский крематорий. После кремации ее прах, как она уже распорядилась, разделят на три части и в урнах доставят в Нью-Йорк, Адьяр и Лондон. Ведь Нью-Йорк — колыбель ее теософической деятельности, Адьяр — ее алтарь, а Лондон — ее могила. Эти урны будут стоять в ее личных апартаментах, там, где она жила и творила, и эти комнаты останутся с момента ее смерти нетронутыми и необитаемыми. Ее последнюю волю конечно же исполнят. Вспомнят и божественные слова Кришны из «Бхагавадгиты»: «Мудрые не оплакивают ни живых, ни мертвых. Никогда ни я, ни ты не переставали существовать, ни эти правители людей; также в будущем никто из нас никогда не перестанет существовать».

Последнее пророчество и XX век

Задолго до того как в научный оборот XX века вошли такие термины, как «телепатия», «телекинез», «биоэнерготерапия», и возникло повальное увлечение Запада мудростью и тайнами Востока, в России появилась женщина с необычными,

труднообъяснимыми даже сейчас способностями восприятия информации и воздействия на окружающих. Объявив себя создательницей окончательной, последней религии — теософии, богомудрия (от греч. *theos* — Бог и *sophia* — мудрость), она поставила перед собой, казалось бы, неразрешимую задачу — синтезировать религию и науку, историю и предание. Имя этой женщины — Елена Петровна Блаватская.

Она пыталась новыми глазами взглянуть на привычную ей христианскую веру, соединить в своем учении элементы восточных и западных культур в новом целостном единстве, использовать представления древнеиндийской религии брахманизма, буддизма, а также средневекового западного оккультизма. Распространяя свое учение по всему миру, Блаватская постулировала существование Великих душ, «махатм», или Учителей, Водителей человечества.

Эти мудрецы, по ее представлениям, обладают обширными сверхчеловеческими познаниями и живут в Гималаях.

Согласно мнению некоторых последователей богомудрия, таких, например, как Елена Ивановна Рерих, Блаватская еще в XIX веке вступила в контакт с Гималайскими Правителями — звездными пришельцами, членами своеобразной ложи «Белого Братства», сохранившими тайное знание исчезнувшей Атлантиды и до сих пор управляющими историческим процессом. Гималайские мудрецы якобы передали нашей соотечественнице это тайное знание и обязали ее просветить темное, погрязшее в невежестве человечество. И хотя ее детище — теософия продолжает привлекать внимание, в последнее время даже усилившееся, ее попытка встать вровень с Иисусом Христом и Буддой не увенчалась успехом.

Нельзя не отметить, что Е. П. Блаватская проторила путь, по которому пришли на Запад трансцендентальная медитация, дзен-буддизм, международное движение сознания Кришны, йоговская практика и вегетарианство. Многие люди, в том числе и в России, приняли ее представления о карме (нравственном законе воздаяния), реинкарнации, или метемпсихозе (учении о перерождении души в различных телесных оболочках), о роли гуру и свами (духовном наставнике, учителе) в процессе самоусовершенствования человека.

Влияние теософии сказалось на творчестве Уильяма Батлера Йитса, Джеймса Джойса, композитора Александра Скрябина, поэтов Андрея Белого и Максимилиана Волошина, скульптора Сергея Коненкова и классика нефигуративной живописи Пита Мондриана. Такие атрибуты идеологии авангардистского искусства XX века, как приоритет вымысла над фактом,

искушение тайнами древности, потребность в мистификациях, смещение идеала в сферу запредельного, и многие другие также в существенной мере сложились под влиянием теософических идей.

Блаватская — одна из предтеч современной теософии, космологии Горбигера, австрийского инженера, которого нацистские вожди назвали Коперником XX века.

Горбигерианская история человечества с ее великими потопами, с последующими переселениями народов, с гигантами рабами, с культами и эпопеями отвечала запросам теории арийской расы. С помощью горбигерианства нацизм возрождал древнюю магию.

Горбигер открыл немцу, стоящему, по словам Раушнинга, «одной ногой в Атлантиде», путь к познанию прошлого и указал ему будущее.

Для Горбигера нет развития. Он признает серии взлетов и падений. Нашему времени предшествовали люди-боги, люди-гиганты, сказочные по размаху и мощи цивилизации, и так длилось сотни тысяч, если не миллионы лет. Когда-нибудь люди, пройдя через колоссальные катастрофы, глубокие мутации, сделаются такими же могучими, как их далекие предки. Все в Космосе подчинено циклическому движению.

Мысль о мутации нации была близка Гитлеру.

«Когда Гитлер обращался ко мне, — пишет Раушнинг, — он старался объяснить свою миссию провозвестника нового человечества… Он говорил, что творение не закончено и человек явно близится к фазе трансформации. Старая человеческая порода уже вошла в стадию упадка. Каждые семьсот лет люди поднимаются на новую ступень, и залогом борьбы еще более длительной служит явление сыновей Бога. Вся творческая сила сосредоточивается в новой расе, которая прогрессирует, в то время как старая исчезает». «Понятен ли вам теперь глубокий смысл нашего национал-социалистического движения? — спрашивал Гитлер. — Тот, кто постигает национал-социализм лишь как политическое явление, мало о нем знает…

Существует гипотеза о посвящении, которое служило необъявленной подкладкой нацизма, о поистине демоническом посвящении и тайных догмах, разработанных куда лучше, чем примитивные доктрины «Майн кампф», о влиянии «высших неизвестных», секретных обществ на ход современной истории.

Е. П. Блаватская унесла в могилу все свои тайны. Но оставила людям свои книги, мистические прозрения о том, что совершится в человеческом сознании и душе сто лет спустя. Человек всмотрится в самого себя и не одиночество свое обнаружит, а

сопричастность беспредельной свободы Космоса.

Она вглядывалась в последующий XX век, как в страницы зачитанной книги. Текст этой книги она знала наизусть и размышляла над тем, что считать в нем главным, а что второстепенным. Невидимая прежде свобода окружит человека, предопределяя его выбор в жизни. Свобода будет напоминать красивую шлюху, тело которой захвачено неизлечимой болезнью. Вожделеющие ее бросят вызов смерти, не отрывая глаз от прекрасного лица. Она сочувствовала несчастным людям, своим потомкам, зная наперед, что не в силах им помочь. Пророчествовать, предупреждать и давать надежду — что еще она могла себе позволить? Век свободы люди оплатят морем крови. Они окажутся на дне жизни и снова начнут восхождение к Небу.

По разному объясняют причины гибели Лаокоона и его детей. То ли за свою проницательность он был наказан богами, то ли за нарушение жреческого обета безбрачия.

Блаватская трактовала эту аллегорию совершенно иначе. Лаокоон ради своих детей пытался преодолеть безрассудство и тяжесть земного мира. Все напрасно: инертность Земли непреодолима.

Помните слова апостола Павла? «Все человеку дозволено, но не все полезно».

Но она изовьется и выскользнет из-под мускулистых змеиных колец, избавится от «великой змеи иллюзии» и других убедит, заставит не смиряться. Она освободит своих духовных чад от эгоизма, бездушия, предвзятости. Люди обретут в себе гармонию, необходимую для их небесного предназначения и восхождения к незримому Богу через череду перевоплощений. Вот на что надеялась и во что всей душой верила Елена Петровна Блаватская.

От автора

Эта книга не могла быть написана без помощи моей дочери Екатерины Александровны Сенкевич, создавшей мне исключительно благоприятные условия для работы.

Я благодарен также моим чешским друзьям — Алексею и Шарке Литвин, предоставившим мне свой гостеприимный дом в Праге. В этом городе я несколько месяцев проработал в Славянской библиотеке.

Не могу также не сказать слова благодарности Соне Кольпар, ответственному сотруднику «Дома наук о человеке» в Париже, которая содействовала многим моим поискам и многочисленным поездкам в ее родной город. Как известно, парижский воздух целебен и благотворен для любого пишущего.

Огромную роль в моем интересе к оккультным тайнам сыграли два важных события: знакомство, вскоре переросшее в дружбу, с *Юрием Витальевичем Мамлеевым и наше совместное с ним путешествие по Индии. Этот выдающийся русский писатель открыл мне глаза на сокровенные тайны Востока и подвигнул на тяжкий труд прозаика.*

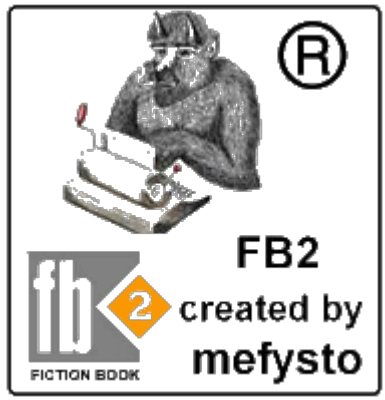
Елена Петровна Блаватская должна была подать мне весточку из-за той стороны. Слишком на многое в ее жизни я замахнулся, слишком о многом узнал. Моя инфернальная встреча с ней должна была состояться. И это событие наконец-то произошло в душную декабрьскую ночь 1997 года в Индии в Адьяре.

Однако об этом другой рассказ. Мой роман-исследование, роман-документ «Семь тайн Елены Блаватской» повествует о вещах невероятных, о том, во что отказывается верить разум. Надеюсь, что этот роман дойдет до читателей.

Елена Блаватская — величайшая из русских пророчиц, одно из самых загадочных имен в истории мирового мистицизма. Высшие силы поведали ей тайну земной и астральной судьбы человечества. Она предрекла Вторую мировую войну, с легкостью общалась с духами, отправлялась в темные глубины прошлого и провидела будущее.

ISBN 5-237-01592-1
9 785237 015928

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО



notes

Примечания

1

Написание фамилии Е. П. Блаватской дается в орфографии С. Ю. Витте.

2

«Время ангелу тьмы становиться ангелом света» (*франц,)*.

3

Перевод с английского языка Е. А. Войновой.